Наизнанку

Юля Сергеевна

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Юля Сергеевна

Наизнанку

«Автор»
2025

Сергеевна Ю.

Наизнанку / Ю. Сергеевна — «Автор», 2025

Допустим, деревянный стол. Хоть покрась его, хоть тканью обтяни, хоть металлом обшей, а по сути он, сука, всё равно деревянный. Даже если выглядит иначе. И сколько деревянный стол не убеждай, не воспитывай, не переставляй в разные комнаты (читай — изменяй круги общения), он не станет ни стеклянным, ни оловянным. Так и с людьми. Можно только принять. Ни больше, ни меньше. Внутренность останется прежней. И рано или поздно её станет видно. Когда протрётся красивая ткань, накинутая сверху. Или проржавеет металл. Или человек, уже совершенно пустой, наконец поймёт, что произошло. А уж подходить близенько к чёрной дыре, чтобы вразумить и кидать в неё любыми ресурсами с целью насытить и заткнуть — занятие идеальное в своём безумии.

© Сергеевна Ю., 2025
© Автор, 2025

Юля Сергеевна
Наизнанку

Все персонажи и события рождены фантазией автора. Любое совпадение с реальностью совершенно случайное.

1

Сентябрь 2003 г.

– О, Вселенная! Марат! Где можно было откопать такое сокровище?!

– Я представляю в каком ты шоке. Ты ж первый раз видишь.

– Послушай, я понимаю, что с бедой нужно ночь переспать, но чтоб потом ещё на ней и жениться… Уму собачьему непостижимо! Как тебя угораздило?!

Чиркнул зажигалкой, прикурил невесть какую по счёту "Мальборо. Лайт", хлебнул коньяку и тяжко вздохнул.

Марат – крупный, под два метра ростом, мужчина, в прошлом штангист, слегка подзаплывший к своим пятидесяти с копейкой годам, с коротким ёжиком начинающих седеть тёмных волос и с настолько протокольным лицом, что я б на улице зассала спросить у него время. А встретившись в тёмном переулке драпала б со всех ног и орала: «Спасите-помогите, люди добрые! ГрабЮт!»

– Так, ну всё-таки. – не унималась я. – Где ты взял себе такую чудесную, милую, вежливую и главное, благодарную супругу?

Ещё один тяжкий вздох. Ещё глоток. Ещё затяжка.

(Ну, вот сейчас-то меня, такую любознательную, и пошлют. Ибо нехер к людям в душу лезть.)

Мы остались вдвоём за столом пустого ресторана, официанты и уборщицы растаскивали последствия банкета на две сотни человек, организованного в честь дня рождения супруги Марата Марины.

Марина, миниатюрная блондинка, отбыла восвояси пару часов назад до глубины души оскорблённая подарком мужа. Она хотела белый "Бентли", а получила "брызги шампанского", чем была крайне раздосадована и в фразах: "Да ты охуел!", "Да чтоб ты сдох!", "Да как же ты мне надоел!", "Ты никогда меня не слышишь!" поблагодарила мужа перед многочисленными гостями и гневно тряся бриллиантами в ушах, на шее и в высоко поднятых волосах, стуча каблуками, как лошадь на параде, проследовала мимо остолбеневших зрителей этого безобразного зрелища. Миниатюрность фигуры компенсировалась стервозностью характера в полной мере. Эдакий концентрат.

– Я был в Сочи. Только что развалился СССР и у меня попёрло дело. Оно и сейчас меня кормит, растёт и развивается. Машину себе купил. Блатную. "Мерседес". Чёрный. Я ж какого ляда купил "брызги шампанского"? Она такую сказала. Белую захотела сегодня в обед. За три

часа до банкета. Ладно. Хер с ней. Я в своей советской юности и мечтать не мог, что буду "Мерседесом" рулить. Только в журналах импортных и видел. Мчу, ночные огни, море водорослями смердит, кровь бурлит… "В городе Сочи тёмные ночи…" – неожиданно пропел. – Тормознулся сигарет купить. А она возле ларька стоит. Юбка – по сюда! Ноги – во! Сиськи – во! И волосы! Молодая. Красивая. Сссука. И синяк на щеке. Всю жизнь курю. Бросать уже надо.

– Ты ж всю жизнь спортом занимаешься.

– И чё теперь? Не курить?

– Ну, да. – пожала я плечами.

Минута молчания.

Всю жизнь люблю такие истории. И люди, порой совершенно незнакомые, даже иногда без моей просьбы норовят поделиться, а тут я ещё и поинтересовалась.

Снова закурили и хлебнули.

– А тут ещё эта "Красотка" с Гиром и Робертс. Да и при чём тут они, если я сам как лох?

– Ещё скажи, что Марина проституткой была! – засмеялась я.

– А то кем же? Ею и была. – нервно хмыкнул Марат.

– Ой, бляяааа… Да ладно?!

– Была-была. Не шучу. И прикинь, я в джинсе, в коже, котлы крутые, на бритой голове очки солнечные в почти что в полночь, в кроссовках. "Адидас", между прочим, настоящий! Подкатываю свои фраерские фаберже к этой крале: "Так, мол, и так. Не желает ли прекрасная мамзель прокатиться в компании приятного и щедрого джентльмена по ночному городу, вкусно поужинать и со всеми вытекающими отсюда развлечениями?". А она мне «Ночь или час?». Ну, думаю, точно как в "Красотке". И таким я себя почувствовал, что Гир с его миллионами остался где-то в жопе, а круче меня решительно никого не стало. Молодой дурак. Да что там. Молодость – не оправдание глупости. И я… Чего б моему языку не отвалиться? Говорю "Ночь!" и показываю открытый лопатник. Покатались мы по городу, на море поглядели. Пожрали. Повёз в гостиницу. Ты не представляешь себе гостиницы 90-х! Это не то, что сейчас, – и повёл руками в стороны, показав кобуру из-под распахнувшегося пиджака, – остатки шика СССР, вперемешку с б/у США и элементами Турции. Жуть жуткая! Ну, привёл, снимаю с неё…

– Ой, а можно без особых подробностей? – перебила я.

– Можно! – заржал Марат, – Переночевали мы. Пере… Ну, это самое. Ты поняла. И такая ж молодец! Не поверишь! Я такое только в кино видел! В том самом из немецкой индустрии. Все девчонки стеснялись, а она…

– Марат! Помилуй! – замахала я руками.

– Ну, да, – погладил меня по кудрявой голове, – Ты ж ещё мелкая, чтоб такое знать. И вот втюрился я. Как дурак запал на молодую жопу. Да чё ж дурак? Я и сейчас её… Люблю, что ли… Только убить иногда очень хочется. Сколько ж я через неё зашквара претерпел. Не передать.

– А как вы жить вместе стали?

– Да как стали? Как все, так и мы. Пролечились сначала. Оба. В диспансере.

– Подожди. Презервативы ж уже были в 90-х? Не каменный же век.

– Ой, что ты понимаешь, молодёжь! Это ж любовь. Страсть! Какие там презервативы?! И не думали-то про них. Я дом достроил. Марина сказала, что замуж выходила не для того, чтобы у плиты стоять и со шваброй по дому бегать. Я женщину нанял, потом ещё двух. И вот, не поверишь! Два высших образования ей купил, курсов сколько она прошла и по этикету тоже, с каким количеством людей каждый день общается, косметологи и маникюрщицы – самые лучшие, магазины по всему миру – самые дорогие, денег в неё, сил и времени вложено, как ни в кого. А она. Она, всё равно – малолетняя шлюшка с идиотскими замашками и таким же лексиконом. Мы ж даже без детей отдыхать ездим! Потому что Марина устала! Где она, блядь, устала?! По массажисткам таскаться?! – прихлебнул ещё коньяку и хлопнул рукой по столу, —Убью суку!!!

– Ну, ладно тебе… – протянула я руку в успокаивающем жесте, – Нельзя же так. Сколько лет вместе. Должно же когда-нибудь и взаимопонимание настигнуть.

– У меня такой корт теннисный охуенный! Ты в теннис играешь?

– Нннет. – немного ошалела я от резкой смены темы.

– Зря. В 90-е все играли. Мэр Москвы играл и все играли. Вся страна. Модно было. Хорошая игра. А в сауну ходишь?

– Тоже нет. В бассейн с удовольствием. У тебя бассейн есть?

– Ты меня-то за лоха педального не держи. – обиделся Марат, – Конечно, есть. С подогревом. Хоть зимой в мороз ныряй.

В зал вошёл Сергей:

– Юль, нам пора. Поехали. Всё, Марат. – пожали друг другу руки, – Бабы, как известно, дуры не потому, что они дуры, а потому что они – бабы. Все всё поняли. Марат покивал и пьяно качнувшись, повис на мне:

– Хороший ты пацан, Юлька. Правильный. Приезжай в гости. Хочешь – сама, хочешь – с Серёгой. С другими мужиками только не приезжай. Рассержусь.

– Ок. Ты, давай, тоже. Держи себя в руках. Всё будет хорошо. Рада знакомству.

Расцеловались и на том разошлись.

Половину дороги ехали молча.

Вот что нужно этой женщине для счастья, чтобы не закатывать столь отвратительных спектаклей? Одета, обута не абы во что, накормлена не абы чем, двое чудесных деток, любой уход за собой, отдых во всех частях света и когда пожелает, дом полная чаша. Нет, ну понятно, что накопилось за совместную жизнь претензий к супругу, но не до такой же степени! Как вообще можно так себя вести? Тем более на людях! Или можно? Или так и нужно? Не. Принародно визжать матом с мордой цвета прищемленной залупы? Нахер.

По юности я была добра и неопытна. И даже не могла предположить, что бывает такой тип людей – чёрные дыры. Представьте эдакую воронку, а внутри зияющую бездонную дыру. Под действием сил центробежных и центростремительных всё попавшее в радиус захватывается, пользуется и частично пожирается ненасытным нутром. Казалось бы, если убыло в одном месте, то должно прибыть в другом. Но не в этом случае. Всё попавшее внутрь исчезает безвозвратно и служит одной цели – расширять воронку для большего действия. Без какой-либо ответной реакции. Такие люди забирают у других реально всё – энергию, силы, материальные блага. Причём, под действием вышеупомянутых сил человек будет поворачиваться и выкручиваться до тех пор пока не окажется совершенно пустым. И когда больше ничего не останется, кроме оболочки, она без труда всосётся. Как у Твардовского: "Ни приметы, ни следа." И не дождаться ни благодарности, ни проявления совести.

По наивности, я полагала, что всегда можно поговорить, договориться, объясниться, убедить, в конце-концов, надавить и человек и какая-то конкретная ситуация если не изменится, то уж точно не повторится. Нет. Это суть. Принцип и смысл работы воронки. Вот понимаете, как стол. Допустим, деревянный стол. Хоть покрась его, хоть тканью обтяни, хоть металлом обшей, а по сути он, сука, всё равно деревянный. Даже если выглядит иначе. И сколько деревянный стол не убеждай, не воспитывай, не переставляй в разные комнаты (читай – изменяй круги общения), он не станет ни стеклянным, ни оловянным. Так и с людьми. Можно только принять. Ни больше, ни меньше. Внутренность останется прежней. И рано или поздно её станет видно. Когда протрётся красивая ткань, накинутая сверху. Или проржавеет металл. Или человек, уже совершенно пустой, наконец поймёт, что произошло. А уж подходить близенько к чёрной дыре, чтобы вразумить и кидать в неё любыми ресурсами с целью насытить и заткнуть – занятие идеальное в своём безумии.

Мне понадобилось много лет, чтобы это понять и принять.

– Как тебе Марина Анатольевна? – прервал молчание Серёжа.

– Пиздец, если честно. Я многое понимаю, но этого я не понимаю. Почему нельзя было закатить эту истерику дома? Зачем нужно было собирать двести человек? Или она так самоутверждается? Или это игра у них, наподобие "Медсестры и пациента"?

– Я их знаю ровно с того момента как они начали жить вместе и так было всегда. Им для скандала нужны зрители. Хоть с возрастом драться перестали. А то ж первое время ещё и разнимали.

– У них слишком разные весовые категории. А так… Ну, любит он её, ну на здоровье. Зачем идёт на поводу?

– Знаешь, каждому своё, конечно. Но я бы такое не потерпел.

– Хочешь я под это дело байку колхозную расскажу?

– Смешную?

– Да вроде.

– Давай.

– Дело было так. В чёрти-каких лохматых 70-х в колхоз с тыщей народу населения приехала какая-то дюже важная проверка, не буду пиздеть, но по-моему, по голову председателя. За день бодрой рысью оббежали поля, луга, фермы, молокозавод, все остались всеми довольны, и под отъезд, под вечерок, присели в сельсовете поужинать и по рюмахе местного, свежевыгнан-

ного за ради этой встречи, свекловиШного напитка да и употребить. Для аппетитУ и снятия стрессУ, за дружбу, взаимопонимание и будущие успехи в выполнении планов пятилетки.

– Откуда ты научилась так выражаться? – перебил Сергей, – Тебе по возрасту такие слова знать не положено! Сколько-сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– Какого ты года рождения? Быстро!

– 1985!

– А так и не скажешь. – отвесил непонятного назначения комплимент. – Много читаешь?

– Много! Блядь! Ты слушать сегодня будешь?

– Буду, – засмеялся, – Давай дальше.

– И вот. Смеркается. Прекрасный летний вечер, с речушки тянет холодочком, на всю деревню пахнет скошенной травой, потому как время июльское, вполне себе покосное, в зале заседаний сельсовета открыты нарасшагачку окна и на накрытом столе красной, цвета крови пролитого за Советский Союз доблестными коммунистами, скатертью, стоит запотевшая бутыль самогона, только-только из погреба, заткнутая сложенной в 10 раз местной газетой "Истоки". На паре-тройке тарелок, честно спизженных по домам местными участниками посиделки: серый хлебушек, малосольные огурчики, белоснежное солёное салко с прожилочками мяска, варёные яички, цыбулька молодая прям с грядочки…

– Цыбулька? Что это такое "цыбулька"?

– Ну, лук. – пояснила я.

– Аааа. А почему "цыбулька" если это лук?!

– Ой, да ну тебя. Просто знай, что цыбуля – это лук. Я тебе потом ещё расскажу про скрыню, дробыну, олию, макитру и ночёвки. И объясню разницу между "понадзабором" и "позанадзабором"! А ещё про "надысь" и "позанадысь".

– Слова, конечно, смешные. А что с "ночёвками" не так?

– Что это, по-твоему?

– Ночёвка – это где-то остаться на ночь. Переночевать.

– Шиш тебе, Красная Шапочка! Ночёвка – это, милдруг, большое корыто для стирки или купания! – захохотала я.

– Как так? Это на каком языке?

– Да кто ж знает? Это так разговаривают в той деревне, о которой я тебе рассказываю.

– Кстати, ты так рассказываешь, будто там была.

– Ну, я так представляю. Я была в том сельсовете через сорок лет после этой истории и иначе быть не могло. Это чтоб ты атмосферой проникся!

– Тебе книжки писать надо!

– Пока на моём счету школьное сочинение на тему "Веник", но к старости обязательно начну. Назову "Мемуары старой курицы". Слушай уже! И вот спокойную обстаКАновку нарушает грохот распахнувшейся настежь двери и в проёме встаёт монументальная бабища в косынке набекрень, в драном халате, в грязном переднике, калошах на босу ногу и орёт: "Ах, ты ж такой-сякой-разэдакий, грызло твоё грязное, пьяное да наглое, какого чёрта расселся?! Коровы недоЁны, козы непоЁны, свиньям каша не варЁна, навоз не почищен! А ты тут сидишь, пьяница проклятый со своими мужиками бражничаешь!". Извольте радоваться – супруга председателя пожаловали. Чё ты хрюкаешь?

– Смешно! – задавливая смех, сказал Сергей. – Дальше!

– Ну, главный из этой проверки пооткрывал рот как рыба-карась на берег выкинутый, и говорит ей со всем уважением: "Гражданочка, шо ж вы так надрывно орёте и выражаетесь непотребно? Стыдно вам должно быть, промежду прочим. Муж ваш – уважаемый человек. Председатель сельсовета." А она ему: "Это для тебя он председатель сельсовета! А для меня он – ГОВНО КУРЯЧЕЕ!"

Я замолчала, Сергей просмеялся.

– И что? Пошёл домой?

– Ну, про то уже никто не знает, или не помнит, но мне не рассказали. Могу только напиздеть. Хочешь?

– Верю, что можешь. Отличная история. Тебя, кстати, куда? Ко мне хочешь? На бокал коньяку. Я уже как ты говорю! КоньякУ!

– Не. На учёбу завтра край надо, а то выгонят к херам собачьим. Родители голову оторвут.

– Как хочешь. На выходных на дачу поедем?

– Давай. Чё нет?

– Заеду в 10.00 и ни минуты ждать не буду. Чтобы была умыта, одета и обута.

– Я, представь себе, ещё не забыла как ты меня в Анапу без трусов привёз! В ночнушке и тапочках! Потому что я собраться не успела.

– Зато я в настроении домчал. В приподнятом. Ну, и чудно. Тогда до выходных.

– Здрасьте, тёть Люд! – зашла я в студенческое общежитие.

– Здравствуй. – неодобрительно поджала губы вахтёрша, глядя на студентку в вечернем платье с голой спиной и в туфлях на высоченной шпильке, – Ты откуда это? Такая…

– На дне рождения была. В ресторане. У родственника. Дальнего. – мигом отбрехалась я.

– Это он тебя привёз? Родственник?

(Всё-то тебе надо!)

– Нет, это меня друг встретил и чтоб я по такси красивая не шлялась, подвёз.

Поднялась в свою комнату, девочек-соседок дома нет, на часах 22.00, душ в подвальном помещении работает до 23.00. Успеваю. Сгребла мыльное-рыльное, полотенце, переоделась в халат и побежала.

О, общественный душ. Вы помните как пахла советская баня в предбаннике? Вот так же пах наш душ. Все запахи разнообразной девчачьей и мальчуковой парфюмерии оказались бессильными перед запахом сырости. Как всегда, в женский душ очередь, а в мужской ни одного человека. Быстренько приняли решение и малой компанией захватили мужской. Намылись и как раз в двери начали стучать. Мальчики гневаются. Нетерпеливые какие! А, вот оно что. За сорок минут собралась очередь до самого фойе на первом этаже. В авангарде заместитель декана по воспитательной работе, живший с нами в общежитии:

– С лёгким паром, девочки!

– Спасибо!

– Вы не охренели мужской душ занимать? Стоим тут толпой, ждём пока вы втроём намоетесь!

– Неть! Спасибо, что подождали! Доброй ночи!

И хихикая, разбежались по комнатам.

По возвращению в телефоне ждали 100500 пропущенных звонков и чуть меньше смс. Ага. Тебя мне до кучи сегодня не хватает. Квакнуло новое смс "Ты где?". Вслух ответила в рифму и выключила телефон к чёртовой матери.

Вынула ключ из замка, чтобы девочкам не пришлось стучать, а мне вставать. Втихаря, с мокрой головой и в ночнушке покурила на балконе.

Фонари светят, людей всё меньше, звуки всё тише. Студенческий городок хотелось бы сказать засыпает, но нет – затихает. Всё те же самые процессы, что и днём, но как можно тише, чтобы не накликать беду в виде замдекана, а то и похуже, например, проректора Рамазана. А вот. Уже накликанный свежепомытый замдекана тусит на лавке в ёлках и с распростёртыми объятиями, как заскучавший папочка, встречает запоздниившихся.

Выключила свет и легла, блаженно вытянув ноги. Потрясающая вещь – обувь на каблуке. Надела – красивая женщина. Сняла – счастливый человек.

Щёлкнул дверной замок. Цокнул каблук. Дверь закрылась. Скрипнули дверцы шкафа. Свои. Ириша.

Снова щёлкнул замок. Поскрипели дверцы шкафа. Потарахтела подставка для зубных щёток. Свои. Настёна.

Щёлкнул замок. В дверях возня и хихиканье. Хлопнула дверь холодильника. Из-под кровати, в коридорном свете, шурша дном по паркету, выудилась банка с домашней закруткой, шёпот: "О, лечо! По-моему. Похер. Пойдёт." Дверь, подхваченная сквозняком громко захлопнулась. Ага. Вечеринка продолжается. Свои. Кристина.

Проваливаюсь в сон.

Громыхнуло, так громыхнуло. Я подскочила на кровати. Перепуганные громким звуком девчонки с квадратными глазами, как зайцы в свете фар. Взлетела аки птица! В коридоре ор басом: "Открой!" и женское визгливое: "Я сейчас в милицию позвоню!". А. Ну, это ко мне. И я прям увидела как выбитая дверь падает внутрь комнаты, прищурилась от света и проём закрыли плечи, а мне в лоб прилетело утверждение:

– Ты дома. – через секунду вопрос, – А чё ты трубку не берёшь?

Я молча включила свет и по старой казачьей традиции, упёрла кулаки в бока, девочки, уже неоднократно видевшие подобные представления, со вздохом: "Дааа.. Бляяадь.." разошлись по своим кроватями, мигом замолчавшая вахтёрша таращила глаза, соседи-студенты в пижамах, трусах и тапках с недоумением пожимали плечами и тихо переговаривались.

Оглянулась на часы. 02.15

– Что, блядь?! Сила есть, ума не надо?! Сейчас на место ставить будешь или я пока с занавеской поживу? Чисто, чтоб мухи взад-вперёд не летали! Нахуй ты её выбил, идиотина?!

– Я думал, что тебя нет…

– А кто ты думал есть?! Нахуй ты выбил дверь, я тебя спрашиваю! – перешла на визг я.

– Ну, если б тебя не было, я б посидел и подождал.

– Тебе больше посидеть негде? Чего б ты ждал? Чтоб я тебя на хуй послала?! Так ставь дверь на место и иди!

– Не, ну ты ж трубку не берёшь! – перешёл в наступление.

– А ты всем, кто на звонок не ответил приходишь и дверь к ебеням выносишь?!

– Нет. Только тебе.

– Уж подфартило, так подфартило! Хоть билет лотерейный покупай! Точно повезёт! – и уже вахтёрше, – Тёть Люд, не надо пожалуйста, милицию. Он поставит и уйдёт. Можно?

Тётя Люда молча кивнула и ушла, зрители тоже разошлись.

Дверь стала на своё место минут за двадцать, хер ли – опыт, третий раз за месяц. По предварительному осмотру, один замок починится, другому совсем конец.

– А поехали ко мне? – заглянул в глаза.

– А едь ты сам! В жопу! Прям сейчас!!!

03.00. Долгожданная и благословенная тишина.

2

– Привет-привет, моя хорошая! Как твои дела?

– Та, нормально, Шпуль. Я заеду к тебе, ты меня покрасишь?

– Конечно, милая, заезжай. Завтра после 15.00 уже буду в общаге.

Ира. Ближайшая подруга по сей день. Одна из немногих, кому я могу сказать практически всё, что угодно. Можно, конечно, услышать критику фразой: "Ёб твою мать! Тупая ж ты пизда!", но обычно я уже сама догадываюсь об этом. Девочка очень с характером, независимая ни от чьего мнения, временами резкая, шо весенний понос, но добрая, честная, весёлая и открытая.

– Шпуль, я наверное, замуж выйду.

– За кого, блядь?!

– За Макса, Шпуль.

– Оно тебе надо?! Нееееет! Ир, он мудак. – и я не покривила душой, это ещё один человек – чёрная дыра. Всегда недовольный, старающийся из каждого в своём окружении извлечь хоть какую-нибудь выгоду любыми способами. По его убеждению, ему все должны и обязаны исключительно за ради его особенного отвратительного характера, который он называет "честностью". Душный, старый, уродливый. – Подумай хорошенько. Что ты с ним будешь делать?! Ты ж от скуки и бесконечных претензий вскроешься или сопьёшься!

– Гля какую татуху мне набил! – вспомнив, радостно закричала подруга и, скинув шлёпанец, задрала ногу на уровень моего лица, – Хуй!

И правда. Хуй. Ничё так прорисованный. С причиндалами. Шо с натуры.

– Ииииpaaaa… Зачем?! – эта дама умеет удивить как никто другой.

– Ничё ты не понимаешь! Вместо того, чтобы на хуй послать – просто берёшь и показываешь! И сразу всем понятно куда идти!

– Ещё скажи, что никого не посылаешь матом, а просто показываешь!

– Не! – весело захохотала, – Я и так и так. Разом! Так доходчивей получается!

Поржали уже вдвоём.

Пообнимались на въезде в студенческий городок.

– Ир, скоро ж Саша вернётся.

– Знаю. Каждый день звонит. В конце октября.

– Ир, он тебе башку оторвёт…

– Ты с ним поговоришь и не оторвёт. – улыбнулась подруга.

– Ир, нам с тобой вдвоём скоро головы отвертят, мы дошутимся…

– А давай сходим попляшем?

– Как обычно? В наш любимый?

– Ну, а куда ещё?!

– Ир, давай только без Макса.

– Зачем он мне там нужен?

Расцеловались и подъехал Макс.

Я срезала уголок по дороге к общаге и передо мной на проезжей части остановилась машина.

– Девушка! А у вас под курткой что-нибудь ещё из одежды есть?

Должна сказать, вполне закономерный вопрос. Под удлинённой кожаной курткой у меня только очень короткие шорты на голую жопу. Если не знать, выглядит будто я реально голая, а сверху эта куртка.

– Есть. – сказала я и руками в карманах приподняла полы. – Шорты.

– Девушка! А можно с вами познакомиться? – щекастый блондин широко улыбался, – Меня Саша зовут!

– Какое оригинальное имя. Никогда не слышала. – проснулся во мне эстрадный комик.

– А вас как зовут?

– Меня не надо звать. Я, как пиздец, сама прихожу.

– А всё-таки? – не унимался.

– Юля.

– Очень приятно!

– Это ненадолго.

– Юля, а у вас парень есть?

– Нету! Не много ли вопросов?

– А почему нет?

– Помер от радости обладания таким сокровищем, как я!

– Давайте я вас подвезу? – продолжила жизнерадостная тварь.

– Я уже пришла. Спасибо.

– Вы тут живёте? А давайте уже на ты?

– Ок. Могу покурить с тобой 5 минут.

– А курить, между прочим, вредно!

– Неправда. Копчёное мясо дольше хранится. Это я как будущий ветврач говорю.

– А ты ветврач? Я тоже! Только я Ставропольский заканчивал. Ты на каком курсе?

– На втором.

– А сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– Уууу. Классно. Знаешь как рассчитать возраст пары для создания брака?

– А его считать надо? – удивилась я.

– А как же! Надо. Всё нужно считать. Вот смотри. Возраст мужчины нужно поделить пополам и прибавить 6 лет. И получится идеальный возраст жены. Вот мне 24, а тебе, как раз 12+6=18.– и уставился на меня круглыми глазками.

– Прекрасно! То есть, если ему 70 лет, то жене должно быть 41?!

– Ну, да.

– Занимательная математика. Сам придумал?

– Ну, что ты! В книжке прочитал. По психологии. Я много таких читаю. А ты любишь читать?

– Да.

– Что сейчас читаешь? – и хитрый-прехитрый прищуренный взгляд.

– Подруженька поделилась сборником Иоанны Хмелевской.

– Роман? Про любовь? Он раздвинул её ноги и поцеловал трепещущее лоно? – процитировал что-то из любовной лирики ассортимента ларька "Союзпечать".

– А ты в теме женских романов! – засмеялась я. – Нет, такое по юности пару книг осилила. Детективы люблю и обожаю.

– О, как. Ни разу не слышал и не читал. Как ты сказала? Хмелевская?

– Да ладно? Вот, не так давно показывали "Что сказал покойник?" как раз по её книге, – я глянула на телефон, – Так, ладно. Общагу уже сейчас закроют, пока я тут с тобой улыбаюсь.

– Ко мне поедем!

– Ага. Осталось глаза на ночь глядючи вылупить и с тобой ехать.

– Номер телефона дашь? Пожалуйста.

– Ок. Пиши.

На том и попрощались.

Это было то самое судьбоносное знакомство после которого я начала почти доверять своей интуиции в отношении людей. Вот не понравился. Не урод, вроде не дурак, ничего дурного не сказал и не сделал, а жопой чую хуйню какую-то на которую даже слов нет. Ещё и номер телефона дала зачем-то. И да, доверять я научилась, а вовремя уходить – по сей день нет. Ума ж нет и не купишь.

1989 год. Мне 4 года.

– Что ты крутишься перед зеркалом как обезьяна?! Что ты кривляешься?! Зачем ты так платье задираешь?!

На мне жёлтое платье с юбкой солнце-клёш. Ну, такой круг из ткани, а посередине другой круг вырезан – для туловища и платье свободными складками ниспадает до колен.

– Мне бабушка обещала подол накрахмалить и будет как у настоящей балерины!

Я сделала па ногой и с грохотом упала на ковёр.

– Какая из тебя балерина? Глянь на себя! Чучело ты неуклюжее! Балерины худенькие и тоненькие, а я тебе даже платье в талию не могу купить, потому что ты как бревно. Балерина! Вон из Лены балерина получится, из Юли, из Оли,– перечисляет соседских и садиковских

подруг,– А из тебя никогда. Из тебя и из Вики. Две толстожопые. Иди, вон, игрушки собери. Больше толку будет. Балерина! Придумает тоже. Я, может, хотела доченьку-куколку! Наряжать её! А получилась ты. Вся в папу.

И в тот же день вечером за ужином.

– Куда ты бутерброд жрёшь? Ты ж балериной хочешь стать! А они бутерброды не жрут! И пирожные тоже. И конфеты. И поэтому худые. А у тебя морда круглая, как циркулем нарисованная! – и уже отцу,– Ты представляешь? Заявляет мне сегодня: "Хочу быть балериной!"

Оба весело смеются.

Я хотела сказать, что таких заявлений не делала. Ком в горле. Пытаюсь задушить в себе слёзы. Молча откладываю бутерброд и встаю из-за стола.

– Ой, ладно тебе! Обиделась она! Ешь давай. Всё равно из тебя балерины не получится. Хоть с голоду сдохни. Худая корова – это ещё не газель. Куда пошла?! Я сказала сиди и ешь! Что ты ноешь? Что ты опять ноешь?! Чем тебя обидели? Сказали, что балериной не быть? Так это правда. На правду не обижаются. На себя обижайся. Иди отсюда! – последняя фраза сопровождается подзатыльником.

Ухожу из кухни и слышу вслед.

– Нет, ты видел какая растёт?! Слова не скажи. Сразу как ёж. Надо уже как-то ломать этот характер, а то скоро на голову сядет.

А через пару дней, мама забирая меня из садика с коллегой и купив в кулинарии пирожное "Корзиночка":

– Моя учудила! Говорит: "Буду балериной!", а какая из неё балерина если она глянь какая! Вот из твоих бы девочек получились балерины. Или танцовщицы. Красивые. Худенькие, не то, что эта… Балерина! И сейчас, вон, глянь! Идёт и пирожное в рот пихает!

3

Сентябрь 2003 года.

В выходные на даче собиралась тёплая компания, обычно на два дня. Компания из 12-16 человек обоего пола из компании друзей Сергея, жарили шашлык, парились в бане, купались в бассейне, играли на гитаре, орали песни, плясали и в один год, мне рассказывали, даже слепили снеговика, что для южного города прям невидаль. На второй день по сложившейся задолго до меня традиции варили шулюм, обедали, прибирались и разъезжались, довольные и отдохнувшие. Ну, и конечно, веселье происходило не на трезвую голову.

Народ взрослый, самая младшая там была я. Относительно вменяемый, самая дурная там была, опять же я, поэтому отдыхалось легко, непринуждённо и безопасно.

С утра пораньше отзвонилась родителям, потому что позже телефон можно и не услышать, а в таком случае по "следу" сразу пускалась розыскная бригада из числа родственников и первым делом в общежитие где меня, понятное дело, в помине нет.

Приехал Сергей и мы умчали отдыхать.

Чудесный солнечный сентябрьский денёк, мы не собирались месяца два и у всех накопилось по кучке новостей, которыми и делились в процессе организации досуга. Мальчики возились с мангалом и дровами, вешали гамак, убирали листья во дворе. Девочки мазали бутерброды, резали салаты, устраивали места ночёвки. Шарпей Тайсон носился из дома на улицу и обратно, разрываясь в желании помочь всем разом. На улице несомненно интереснее и чаще чешут за ухом и пузо, но в кухне вкуснее.

Дом огромный, в два этажа, вверху спальни и два санузла, внизу кухня, гостиная, парилка и бассейн.

Подтянулась припозднившаяся парочка и Рома представил нам свою новую пассию Машу с наказом любить и жаловать.

Сказать по правде, я на тот момент участвовала уже в четырёх презентациях любовЕЙ всей жизни и уже слышала утверждение "Вот теперь точно женюсь!", но этично промолчала.

Маша объективно красивая, милая, обаятельная и общительная, с порога ответила на вопрос, что ей по душе из алкогольного и влилась в девчачий коллектив без проблем и трений.

Выходной проходил по намеченному плану. Всё весело, с шутками-прибаутками, к ночи в кухне осталась компания вполовину меньше и на угловом диване да под стаканчик покрепче открылся традиционный историко-философский кружок. Роман с Машей пожелали оставшимся доброй ночи и ушли спать.

– На самом деле, русские сказки— это не просто страшилки-кошмарики для малых детей, но в них скрыт глубокий сакральный смысл. Взять ту же Бабу Ягу? Она кто?

– Ну, Баба Яга и Баба Яга. Страшная бабка, которая жрёт непослушных детей!

– Да было б всё так просто… – вещала я, уютно притулившись под боком Сергея и сложив на него ноги. – Избушка на курьих ножках. Неужели правда думаете, что на курьих ножках? А почему «Костяная нога»? А зачем она доброго молодца мыла, да парила, а потом в добрый путь отправила? Всрался он ей? Дохера гостеприимная? Мало их, дураков всяких, по лесу шляется?

– Юля! – смеялся Сергей.

– Начнём с того, что Баба Яга, по сути, проводник в мир иной, перевалочный пункт между миром живых и мёртвых. Об этом же говорит её имя. Я. Га. В санскрите слог "га" обозначает движение. Вот смотрите: теле-Га, доро-Га, но-ГА, да та же бра-Га. Но мы, конечно же, сейчас говорим об исконных словах, а не пришлых и производных. И получается, молодцу, чтобы попасть к Кащею Бессмертному за ради спасения своей любимой, стало нужно помереть. А Яга проводит ритуальное омовение, как всем добропорядочным покойникам, и провожает его. Живого! Обратите внимание. Задаёт ему движение. Движение туда, куда простым смертным ходу нет! Так ещё и обратно. А Кащей тоже ж нихрена не прост. И нашим, и вашим, и споём, и спляшем. В мире мёртвых живёт, в мире живых тусит. Ещё и Бессмертный. Ещё и таскает взад-вперёд приглянувшихся девиц.

– Ну, так если рассуждать, то вообще можно до такого докопаться, что на голову не наденешь!

– В том и прикол, что не всё так однозначно, как кажется на первый взгляд. Вы взрослым взглядом посмотрите на это всё. Да хоть на былины гляньте… Охуеете! Шёл богатырь, на балконе у Марьи Моревны голубь сидел, и показалось… Вы только представьте! Показалось богатырю, что голубь над ним насмехается! Я, пожалуй, знать бы хотела, под чем он был! Богатырь не шибко сомневаючись, поднял камень и в птичку-то шарахнул. Попал— не попал, про то не написано, а влетел камень в хоромы Марьи Моревны и расхуячил ей зеркало. Наверное, в птичку, таки, не попал… Та ж, в свою очередь, вылезла с балкона, да и напхала ему хуёв элитных полную панаму. Виданное ли дело – зеркала колотить? И примета дурная и деньги немалые. Богатырь обиделся и убил её. Ммм? Богатырь – молодец, Марья Моревна – злыдня и покойница. Как вам такой расклад? Вывод: никогда не связывайся с людьми в изменённом психотропными веществами сознании! За что и выпьем! Поменьше идиотов на жизненном пути!

– «Тольтекский Тональкателькутль и его жена Тонаксиуатль породили красного Тескатлипоку, чёрного Тескатлипоку, Кецалькоатля и Уицилопочтли, в свою очередь Кецалькоатль и Тескатлипока принесли с неба богиню Тхальтекутли, которая..». То есть, мы опять имеем явление с неба каких-то персонажей, которых назначили! А вот кем они были? И вдруг были?

– Нет, ну с явлением Кортеса в Мексику всё кардинально изменилось…

– Как, собственно, «и пошёл он к дочерям человеческим». О каких человеческих дочерях идёт речь и кто он сам?! Если их, по идее, всего трое осталось после убийства Авеля?

– «Ра» обозначает «солнце», а «ар», соответственно «земля». Вас никого не смущает египетский бог Солнца Ра? Меня очень. Где арии и где египтяне, казалось бы! Да, верно. Гора Арарат— буквально "соединение солнца и земли". Вот вам и пожалуйста.

– Да ну ладно тебе! У крещения Руси были ещё смыслы, окромя вышеназванного!

Вот приблизительно такие вопросы нас волновали около четырёх часов утра.

У меня есть две отвратительные особенности: как только я отлучаюсь – сразу происходит что-то из ряда вон выходящее и я умею появляться там, где меня в помине не должно быть. В этот раз сработало первое. Как только я отлучилась попудрить носик, дом содрогнулся от ора.

Вы слышали как орёт большая выпь? Нет? Погуглите. Вот она рядом не валялась с этим криком.

Топот ног по лестнице, ор, мат, женский визг, снова топот и крик: "Врача! Врача! Врача!" разными голосами, а женские так почти перешли в ультразвук. Это за те две-три минуты пока меня не было. Я даже не успела самостоятельно выйти из сортира. Меня, держащуюся за ручку двери просто выдернули в коридор.

– Врача!

Вообще-то, я студентка второго курса факультета ветеринарной медицины. И до ветеринарного врача мне как до Киева раком, а уж до человеческого так ещё дальше. Короче, самое то.

Поддавшись всеобщему безумию, я спотыкаясь, понеслась вверх по лестнице. Часть народа как попало одетые в одной из спален, часть в коридоре и на все лады хором перебирают знакомые матерные выражения, на ходу выдумывают новые, вперемешку с воспоминанием, что нужно всё-таки врача.

Я подраспихала себе дорогу плечами.

И.

Картина маслом.

Я вам поклянусь чем захотите. Хоть поддужным колокольчиком братьев Молевых, что стоит на моей сувенирной полке – я такого ещё не видела ни до, ни после.

У меня задёргался глаз.

Стоял абсолютно голый Роман. Перед ним, на коленях, абсолютно голая Маша.

У Маши во рту часть тела Романа. Та самая. Орган участвующий в размножении млекопитающих. И кровь из Машиного рта капает на пол в уже образовавшуюся лужицу. Что вурдалак, ни дать, ни взять! Собралась сожрать с того места, которое в рот влезло.

Оба орут. Роман во всю глотку, а Маша сдавленно мычит. Оно и понятно.

Толпа галдела за спиной. К своей гордости могу сказать – я переорала всех:

– Заткнитесь!!! И вы, оба, тоже!!! Что у вас?!

– Я не могу достать! – снова заорал Роман, – Мне больно!

– Ммм… Как интересно… И чё тут за капкан такой предусмотрен? – я позаглядывала, насколько возможно, Маше в рот, чтобы определить, что же мешает Роме достать, —Фонарь есть тут какой-нибудь? У Машки рот – не холодильник, подсветки при открывании нет… К сожалению.

Несколько человек с хозяином дома во главе унеслись в темноту дома.

– И бутылку минералки прихватите! – прокричала я вслед.

– Зачем тебе минералка? – спросил Сергей.

–А попить им дам. Роме. Поди, пока орал – в глотке пересохло. Серёж. Ну, кровь смыть. Или предложим им в душ сходить?

– А давайте шторы закроем? – внёс кто-то за спиной рациональное предложение, – За такое представление надо деньги брать! А мы бесплатно стараемся.

Закрыли шторы, присели кто на что, кто-то с краю взял с комода сигареты и зажигалку, на подоконнике нашлась пепельница. Или не пепельница. Но была ею назначена.

– Ром, тебе подкурить? Маше не предлагаю. У неё рот занят. – пошутила я.

– Смешно вам?– не оценил шутку Роман.

– Смешно, аж плакать хочется. – прервала молчание Аня.

Аня у нас девочка нежная. Ей такое даже рассказывать нельзя, не то что в натуре показывать.

Вернулись послаТые. С фонарём и минералкой.

– Так. Кто мне поможет? – вошла я в навязанную роль врача и окружающие как-то разом безропотно прониклись.

– Я помогу. – вызвался Сергей, – Что делать?

–Лей воду на вот это всё, смоем кровь и видно будет. И кто-нибудь, принесите из моей сумки шприцы.

– Что ты колоть будешь? И кому? – забеспокоился Рома.

– Чё сразу колоть? Вот тут снизу кровь не смывается, помоем струйно из шприца.

Стоит Рома, во рту Маши его достоинство, Сергей льёт минералку на образовавшуюся конструкцию, а я с фонарём ковыряю пальцами во рту Маши, честно стараясь не ржать.

– Это потому что ты холодную воду на него льёшь, поэтому он такой стал. А вообще он большой и красивый! – изрёк Роман.

И грянул истерический хохот.

– Ром, тут бы сейчас не о красоте думать, а о наличии! А то щас Машка устанет и как клацнет зубами! Или судорогой сведёт! – прозаикалась я, и трясущимися от смеха руками продолжила пальпацию с визуальным осмотром. – Серёжа! Ну, хватит ржать, ты льёшь куда попало!

Кровь смыли, фонарём подсветили и ситуация стала совершенно ясной. В процессе оральной радости, не поверю, что по сторонам махал и случайно попал, уздечка Романа вошла в щель между нижними зубами Маши и там застряла. Что я, собственно, и озвучила.

– И что теперь делать?! – снова заорал Роман.

– Ну, на самом деле, вариантов много, – пустилась я в разглагольствования, – Вы можете остаться жить так. На манер сиамских близнецов. И вас можно в цирке показывать. С пометкой 18+.

– Ты нормальная? – спросил Роман. Маша тоже несогласно замычала.

– Можно его отрезать. Ну, хотя бы по эту часть, которая застряла. Тем более, что ты говоришь – большой. Вот чуть и укоротим. Он тебе очень нужен? А из Машкиных зубов уж как-нибудь выковырнем.

Рома просто вылупил глаза, а Маша замычала уже согласно.

– Можно попробовать выбить Маше зубы, но они крепкие и мы заодно отобьём и Роме его сокровенное. Исключаем вариант. Если у кого-то есть какой-то разумный вариант – самое время озвучить.

– Лучше всего вызвать им "скорую помощь". Без самодеятельности. – подал голос Сергей, – И пусть они что хотят, то и делают.

– Не, мы до "скорой" не дойдём.

Маша явственно захрюкала.

– Тем более, что у Машки мама там работает!

– По закону подлости, который сильнее закона гравитации, она и приедет. Час от часу не легче. Ну, давайте пробовать сами. Мне кажется, что если воткнуть что-то между её зубами, то сверху станет чуть свободнее и можно будет выдернуть застрявший кусок Романа… Может, нет. Маш? Встанешь в позу "рыбом"? А то так не достать..

Маша начала подниматься, а Рома орать.

– Терпи, казак, атаманом будешь! – похлопала его по плечу, – Или атаманшей. Как пойдёт.

– Ты долго будешь над нами издеваться?! – снова возмутился Рома.

– Я?! Издеваться?! Ни в коем разе! Поддерживаю юмором боевой дух! Кстати, Маш. Тебе что-нибудь надеть? Шорты там? Или простыночку сзади накинуть?

Маша кивнула, Роман опять заорал.

– До чего ж мужик визгливый тебе, Машка, попался… Не позавидуешь! Так. Пошли искать инструменты. Надо ж как-то разлучать… А то, вон, отёк уже полным ходом. Дальше хуже будет. Или вы уже привыкли и так оставить?

Накинули на Машу простынь.

– Серёж, чё тебе напоминает? – вполголоса спросила я.

– Напоминает? Я такое первый раз вижу!

– Ну, на кентавра же похоже! Ну? Особенно с этой простыней на крупе! – заржала я.

– Юля! – захохотал Сергей.

Сняли простынку, надели шорты.

Через пять минут снесли в кучу: набор отвёрток, шило, набор разномастных ножей, в моей сумке нашёлся одноразовый скальпель и юморной Паша принёс бейсбольную биту с комментарием: "Ну, если всё остальное не поможет!"

Снова, уже слаженными движениями, смыли кровь.

Рома с дикими глазами, Маша в шортах как путняя, я со стороны входа в Машкин рот, лезу ножом с самым узким лезвием, предварительно затупленным и продезинфицированным алкоголем и фламбированием, в зубную щель, а Сергей через моё плечо осуществляет освещение.

– Вот только не знаю к кому острой стороной… К Роме, который куда попало самое ценное суёт? Или к Маше, которая что попало в рот тянет? Голосуем! Хотя, на самом деле, это очень прекрасно, что уздечка до десны не достала и осталось место нож воткнуть… Но ты, Маша, всё равно к стоматологу сходи, брекеты там поставь. Нахер такие приключения… А вообще. Если вопрос поставить на ребро. – полностью завладела я вниманием публики и, заговаривая всем зубы, воткнула кончик ножа в щель… – И рассмотреть его с другой стороны, то есть, с биологической точки зрения, то северное сияние никак не влияет на половую систему майского жука!

К счастью, толщины лезвия хватило, чтобы верхняя часть зубов на чуточку раздвинулась и поняв, что дальнейший люфт невозможен, на последнем слове свободной рукой дёрнула пленника вверх, едва не вывихнув Машке челюсть.

Все выдохнули.

Рома заорал и снова закапал кровью, но это уже херня.

Другая проблема – у Маши рот не закрывается и я, всё-таки, поранила десну.

– Так, в Машку влейте коньяку, а ты, раненый боец постельного фронта, пошли со мной, обработаю и перевяжу.

Обработала, пошутила, что "До свадьбы заживёт!", намотала пару метров бинта, завязала сверху пышный бант.

– А бант зачем?

– А шоб красиво! Иди Машке покажи. Ей особенно понравится.

У Маши на каком-то шприце коньяка отпустило сведённую судорогой челюсть и рот начал открываться и закрываться исключительно по её желанию.

Начиналось чудное осеннее утро.

На веранде компания молодых людей сосредоточенно и молча лакали из бокалов, пытаясь заглушить в своей памяти события прошедшего часа.

– А давайте варить шулюм? Раз уж не спим. – предложила я.

– А ну его в жопу! – хором ответили все и расползлись спать.

– Зануды!

1991 год. Мне 6 лет.

– Вот смотри. Это пистолет. Он будет лежать всегда здесь, – папа открыл кладовку, положил пистолет на полку и снова взял его, – Он заряжен. Понимаешь, что это значит?

– Да.

– Если выбивают двери или лезут через балкон, оцени – успеешь ли ты вызвать милицию. Тебе нужно будет назвать наш домашний адрес. Назови.

– Милиция "02", – и называю домашний адрес.

– Правильно. Затвор ты не передёрнешь, поэтому нажми сюда. Как только увидишь человека – стреляй и беги. Не нужно брать ничего. Просто беги. Какая есть. Хоть в трусах, хоть в пижаме.

– А если я кого-нибудь убью?

– Не должна, но если вдруг – не бойся. С этим будем разбираться потом. Твоя единственная задача – остаться живой и по возможности здоровой. Никогда никого и ничего не бойся. Ясно?

– Да.

– Давай сначала. Ты уже большая девочка, первоклассница. Ты сама ходишь в школу и обратно. Если к тебе подойдёт на улице человек, знакомый или незнакомый, и скажет, что его, или её прислали твои папа или мама. Возможно, они даже будут знать как нас зовут или даже фамилию. Что ты будешь делать?

– Я спрошу кодовое слово.

– Пароль.

– Пароль. – соглашаюсь я.

– Если тебе его не назовут и потащат, например, к машине.

– Я буду громко кричать "Это не мои родители!"

– И?

– И… Плохими словами.

– Дочь. Это называется мат. Матом можно. Иногда нужно. Иногда очень нужно. Тебя должны увидеть и услышать как можно больше людей.

Я киваю.

– Ори так, будто тебя заставляют борщ есть! – улыбается папа, – Если вдруг ты оказалась в незнакомом, опасном, непонятном месте, но у тебя есть возможность позвонить?

– Я позвоню домой или дяде Боре.

– Номера помнишь?

– Да. – называю по памяти номера телефонов.

– Отлично. Кодовое слово?

– Синхрофазотрон!

– Молодец. Пистолет на улицу не носить, не играть, никому не показывать и не рассказывать.

– Я поняла.

– И пусть тебе никогда не пригодится всё, что я сказал. – обнимает меня отец.

В начале 90-х в моём родном городе было неспокойно, как пожалуй, и во всей стране. Поэтому, родители с самого раннего детства вбивали в мою беззаботную и легкомысленную голову приоритеты жизни, здоровья, чести и достоинства. Отстаивая вышеперечисленное, мне разрешали драться. Ну, то есть, нужно было после драки, объяснить родителям почему я не могла иначе и что конкретно меня задело или что мне угрожало. Как ребёнок, активно участвующий в жизни двора с большим количеством разновозрастных детей, из которых некоторые уже были совсем не дети, скажу вам – ситуации случались весьма разнообразные. От безобидных, до вполне себе способных возмутить.

– Валя! Твоя Юля обматерила моего Юру! – возмущалась в дверях соседка.

– Люда, твой Юра, который на 4 года старше моей Юли, отбирал у неё санки на горке, – была уже в курсе произошедшего мама, – ударил Юлю и толкнул её в снег. Юля дала ему сдачи, порцию мата и забрала обратно отобранное у неё имущество, – Правда же, Юра? Так было? – обращается мама уже к десятилетнему заплаканному, оскорблённому и с синяком под глазом Юре.

Юра молча кивает.

– Или, Люда, ты хотела, чтобы моя Юля никак не ответила на агрессию старшего мальчика, отдала ему свои санки и в литературных выражениях пожелала хорошо покататься? Тем более, что Юра, начал далеко не с просьбы.

– Нет, Валя! Но не матом же!

– Люда, ей разрешил папа. Если у тебя есть претензии и дополнительные комментарии по этому вопросу, наш папа будет дома после 20.30.

– До свидания, Валя.

– Всего хорошего, Люда.

И мимоходом нравоучение мне:

– Всё правильно. Своё не отдавай и чужого не бери.

Ну, или.

– Валя! Твоя хулиганка Юля била моего Вову головой об стену, пока его не отбила Надя с третьего этажа! Так она ещё и на на неё кидалась.

– Всё верно, Таня. А ты спросила у Вовы за что он получил?

– Валя! Такое поведение у девочки – это ненормально!

– Таня. Ненормально – когда четырнадцатилетний пацан зажимает шестилетнюю девочку в подъезде, задирает ей юбку и лезет в трусы. Поэтому, закрой свой рот и занимайся воспитанием СВОЕГО ребёнка. Если у тебя остались вопросы, то давай их будем решать на любом уровне. От "дети разберутся сами" до суда. Могу предположить, что твой сын сделал правильный вывод, получив пиздюлей от шестилетки.

– Я поняла. Поговорю с ним. До свидания, Валя.

– До свидания, Таня.

И мне:

– Никто без твоего согласия не имеет права к тебе прикасаться. Ты растёшь. Всё правильно сделала.

Обо всех спорных ситуациях родители знали из первых уст. И всегда правду. Но защищать себя я могла только на улице.

4

Сентябрь 2003 года.

Телефонный звонок с незнакомого номера.

– Привет.

– Здрасьте.

– А чё так официально? Не узнала?

– Нет.

– Ты на днях дала мне свой номер телефона. Я Саша. На "Мицубиси". – пояснил мне новый знакомый.

– Аааа.

– Чем сегодня вечером планируешь заниматься?

– Да ничем. Уже скоро спать пора.

– А может, где-нибудь поужинаем? – поступило предложение.

– На ночь жрать вредно. – сумничала я, – А тебе так подавно!

– Я худеть не собираюсь, – заржал Саша, – у меня слишком дорогой и обширный гардероб, чтобы его менять. Ну, и спорт ненавижу. За это не платят. Горжусь тем, что тяжелее вилки с ножом ничего не поднимал.

– Ну, как знаешь. А про нож и вилку обычно говорят "Тяжелее хуя ничего не поднимал."

– И вообще. Если кому-то что-то во мне не нравится, то это их сугубо личное дело и меня не касается никоим образом. Помнишь, как в мультике: "Люби себя, чихай на всех и в жизни ждёт тебя успех."

– Ага. Про чертёнка.

– Можно я заеду на 10 минут?

– Поздно уже.

– Я на 10 минут. Ты какие цветы любишь?

– В горшках люблю. Кактусы.

– Всё шутишь! – захохотал Саша. – Обожаю юморных! Правда на десять минут. Я тут рядом.

– Ну, ок.

Примчал вправду быстро. Я вышла из общежития на парковку. Вылез из машины. В светлых брюках, в белой рубашке, златая цепь на дубе том и подал мне с заднего сиденья красивый букет оранжевых герберов.

– Это тебе!

– Спасибо. Ааа за что? – спросила я мультяшным тонким голосом.

– Просто так! – ответил в тон и мы засмеялись. – Давай на неделе сходим куда-нибудь поужинать? Если самой неловко, то возьми подружку. Только предупреди заранее, я друга возьму. Поужинаем, чуть выпьем, поговорим, чуть ближе познакомимся. Как тебе?

– Ну, давай.

– В среду? Идёт?

– Пусть, в среду. – согласилась я.

Саша резко подался вперёд и поцеловал меня в щёку. Я вытаращила глаза и ушла в сторону общежития.

– Привет. Ир, пойдёшь со мной в ресторан? – спросила я, глядя на букет, с трудом впихнутый в ведро.

– О? Пошли, конечно. А чё за повод? Только мы вдвоём?

– Не, Ир. У меня тут поклонник образовался… – начала я.

– Образовался! – перебила подруга и засмеялась, – Вскочил, блядь!

– Ну, или вскочил… – протянула я.

– А чё так? Хуёвый?

– Ир, я не знаю… Что-то не то.

– Женатый? – предположила подруга.

– Да хер его знает. Мы этот вопрос не обсуждали.

– А что не так?!

– Я не знаю. Вот пошли вместе и посмотрим. Он приглашает с подругой в ресторан.

– Пошли, Шпуль. Ты ж знаешь, что я за тобой хоть на край света, хоть в преисподнюю. А уж в ресторан, так и подавно. Кстати, чё? Прям ресторан?

– Ир, я уточню. В общем, в среду ты со мной?

– Да. Я ж сказала. Только уточни по шмоткам, чтоб мы не как дуры были.

– Как умные мы тоже вряд ли будем. Ок. Целую обе твои напудренные щёки. Напишу.

Саша позвонил на следующий день:

– Привет. Ну, что? Идём послезавтра?

– Да, давай. Подруженька с нами.

– Отлично, я тогда Валере позвоню. Красивая подруга?

– Красивая.

– Красивее тебя?

– Красивее. – не соврала я.

– Не боишься, что мне она больше понравится? – спросил со смешком.

– Нет, конечно.

– Почему?

– Потому. Мы отродясь с ней мужиков не делили, авось и на тебе не начнём. Поясни по одежде?

– Платье. Вечернее. Не коктейльное. У тебя есть? А то поехали купим. Я после 17.00 совершенно свободен. Во сколько мне заехать?

– Нет, спасибо. Платье есть.

– Приличное? Мы в хороший ресторан идём.

– Приличное.

– А кто дизайнер?

(Вот доебался!)

– Кто надо, тот и дизайнер. – пошутила я.

– Ааа! Как в "Служебном романе"! Про двери! – оценил шутку любитель советского кинематографа. – Ладно. До среды. Ориентируйтесь на 20.00.

– Мне в общагу нужно будет успеть до 23.00.

– Разберёмся. Пока. Целую.

Вот ещё. "Целую", блядь.

Смотрю на букет, пишу Ире: "Платье обязательно. Приличное. Среда. Около 20.00.", прилетает ответ: "Завтра завезу и у тебя потом переоденусь, чтоб Макс не знал."

Тьфу ты. Макс ещё. Черти б его побрали.

Квакнула смс: "Привет. Ты где? Чем занимаешься?"

Ещё один. Тарас. Извольте радоваться.

Надо ответить, а то и сегодня ночью будем снова двери выставлять, а потом вставлять. Строчу: "В общаге. Спать собираюсь.", квакает ответ: "Доброй ночи. Целую и люблю."

Ты ещё. Полгода б назад от тебя такое читать и слышать. Идиотина. А не в истерике и в жопу пьяной под Земфиру вены вскрывать.

5

Апрель 2003 года.

Мы с Ирой тогда поругались и она съехала на постоянное место жительства к Максу. Собственно, из-за Макса мы и ругались.

Я, изменив правилу не пить дерьмовый алкоголь, приняла на душеньку около полулитра разведённого как попало водой из-под крана, медицинского спирта и запила остатками все таблетки из своей личной немалой аптечки. Кухонным ножом, предварительно наточенным бытовой точилкой, махнула несколько раз по предплечью левой руки.

Разошлась кожа. Дважды достала до вен. Кровь полилась прям хорошо, но очень быстро начала сворачиваться. Очень быстро стало понятно, что так дальше дело не пойдёт. Шатаясь из стороны в сторону, взяла таз литров на двадцать и, сходив с ним на кухню, набрала воды. Полоснула ещё несколько раз ножом по обоим предплечьям и сунула руки.

Я сидела, прислонившись спиной к тумбочке, руки выше локтей в кровавой воде и я пыталась просчитать отродясь не самым умным и пьяным мозгом как буду падать, чтобы когда отключусь, голова оказалась в тазу и я захлебнулась. Понятия не имела, что именно меня убьёт, но надеялась на квартет: алкоголь, лекарственные препараты, вскрытые вены, вода. Что-то из этого, или пара факторов должны были сработать в мою пользу. Потихоньку я засыпала. Пару раз дёргалась, осматривалась в свете настольной лампы, понимала, что пока всё идёт по плану

и снова отключалась. В какой-то момент я поняла, что уже упираюсь локтями в дно таза. Чуть-чуть и мозг перестанет сопротивляться.

Очнулась я от шипения.

Надо мной стояла Ира, лупила наотмашь по щекам резиновым шлёпанцем и тихо материлась:

– Чёртова сука! Дура сопливая! Овца тупая! Пизда полоумная! Что ты, тварина, делаешь?! Мразь! Сдохнуть она решила! Хуй тебе по всей морде! Падла такая! Хуй ты сдохнешь! Я тебе сейчас "скорую" вызову, чтоб тебя в психушку забрали!!!

Я открыла глаза насколько смогла.

– Живая?! Блядина! Я тебя сейчас сама убью ко всем хуям!!! – и сунула руку мне в горло, – Рыгай, сука! Рыгай, кому сказала!!!

Как скажешь, подруга.

Снова я очнулась уже лёжа на полу.

Очень холодно.

Руки забинтованы.

Балкон и окно открыты.

Ира поднимала с пола таз с водой, кровью и блевотой.

– Проснись и пой. Бессовестная!!!

Вернулась через несколько минут и помогла мне сесть.

– Скотина ты бездушная, Шпуля. Но, сука, молодец. В один, блядь, тазик со всем управилась! Нигде мимо не нагадила!

– Ир, чё ты здесь делаешь?

– Твоё какое дело?! Заснуть не могла! Как в бок кто толкает. Вызвала такси и похуярила в халате и тапках. Сразу к тебе, а ты вон она. Сдохнуть собралась. Ну, не сука ли?! Ничё. Уже вычухаешься. Некоторые таблетки не то, что не всосались, а ещё и раствориться не успели.

– Кто тебя просил…

– Тебе ещё тапкой по морде добавить, ебанутая?! Я тебе мочегонное ширнула, ты отекла вся к херам. Пей как можно больше и ссы. Желудок пустой, чё там дальше будет – в душе не ебу. Хочешь, "скорую" вызову?

– Не хочу.

– Тебе таз принести или помочь до туалета дойти? Ещё поблевать хочешь?

– Не хочу. Ты мне всю глотку своими когтями разодрала.

– Сейчас тебе точно въебу, нервомотина! Я из-за тебя на полголовы поседела! Ебала такие зрелища.

Через пару часов мы уже сидели на балконе. У меня в трясущихся руках была неизвестно какая по счёту кружка чаю.

– Шпуль, ну нельзя же так… Ну, нахера? Ты понимаешь, что у тебя были вполне реальные шансы отправиться на тот свет?! Хуй его знает – есть он или нет…

– Понимаю. Я так и собиралась. И, авось, бы удалось, если б ты не приехала.

– Шпуль, зачем?!

– Ир.

– Что?

– Ир, я беременна.

– Бляяаа…

– Ир, мне 17.

– Знаю.

– Ир, я никому не нужна. А тем более с ребёнком. Никому. Понимаешь?! И себе тоже я не нужна!!!

Слёзы в глазах.

Молча закурили.

– Кто папаша?

– Тарас.

– Он знает?

– Да.

– Что сказал?

И я заревела.

Через двое суток.

– Ир, у меня кровотечение.

– К врачу бегом!

Через два часа.

– Вы несовершеннолетняя. Нужно согласие родителей на осмотр. Старшая сестра не подойдёт… Ладно. Преждевременное прекращение. 2 месяца. Вы были в курсе?

6

Сентябрь 2003 года.

Вечернее платье любимого чёрного цвета, почти в пол, с ассиметричным подолом, голой спиной и небольшим декольте, а так же комплект белья, чулки с гладкой резинкой и пара туфель, были куплены в своё время друг под друга и имелись в единственном экземпляре для подобного случая. И в пир, и в мир, и в добрые люди, что называется. А если прикрыть голую спину, то хоть на похороны.

Приехала Ира.

Душ, домашняя укладка, макияж. Время подбирается к 20.00.

Позвонил Саша:

– Привет. Где вас забрать?

– Привет. Мы в общежитии.

– Пока дошли из парикмахерской, наверное, растрепались? Или вы на такси?

– Мы не были в парикмахерской.

– Вы без укладки?! – ужаснулся Саша.

– Мы вполне самостоятельно справляемся со всем, что на нас растёт. Не волнуйся.

– Лаааадноо, – протянул он, – к 20.00 подъедем.

Я закурила.

– Ир. Ты слышала?

– Слышала.

– Ир. Тебе не кажется это странным?

– Что именно? – уточнила подруга и присела рядом со мной на кусок ковра, постеленный на бетонный пол балкона.

– Чё он доебался со своей укладкой?

– Шпуль. Хер его знает. Давай посмотрим.

– А давай не поедем?

– Юль, ну не очень красиво как-то. Уже, вон, без четверти восемь. Ну, если прям совсем не хочешь – давай останемся.

– Ну, да. Ты права. Как дура буду. Поехали – не поехали. Хочу – не хочу. Договорились, так поедем.

Оглядели друг друга. Я в чёрном и прямом, Ира в тёмно-красном с юбкой-годе. Обе на остроносых шпильках. Две звезды, две светлых повести.

Приехал Саша, представил своего друга и помощника Валеру, смерил нас взглядом:

– Неплохо выглядите, девочки. Очень даже неплохо. Даже если принять во внимание, что вы не были в руках профессионалов. – отвесил комплимент, вызвавший исключительно недоумённые взгляды и тут же открыл двери машины, – Поехали!

Я села на переднее сиденье, Ира сзади меня, рядом с Валерой.

Пишу ей смс: "Чё вот за хуйня?!"

Через 5 секунд ответ: "Шпуль, по-моему, он просто невоспитанный.."

– Кто тебе пишет? Женихи? – заинтересовался Саша.

– Та не. Подруга. – ответила я и не соврала. Только не уточнила, что с заднего сиденья.

Каждый раз на протяжении вот уже без малого двадцати лет нервно смеюсь, когда слышу фразу: "Он таким не был! Он так изменился! Всё было так хорошо!" Скорее всего, таким точно и был. Ты игнорировала. Не замечала. Не было достаточного опыта, чтобы распознать эти тревожные звоночки и сделать скоренько соответствующие выводы. Ты была очень влюблена или настолько заинтересована, что просто не посчитала нужным обратить внимание, в конце концов. Даже, может быть, наделила человека совершенно не присущими ему качествами, полностью отрицая реальность. Теперь я точно это знаю. Как и то, что если тебя начинают потихоньку, аккуратненько, ненавязчиво и в целом безобидно обесценивать, то на самом деле, тебя хотят получить как можно дешевле, чтобы не чувствовать себя чем-то обязанными. И единственно правильная реакция— уйти. А не доказывать, и себе в том числе, что всё хорошо и так должно быть. Не должно. И да. Если что-то кажется ненормальным, то так и есть. Во всяком случае, для тебя неприемлимым.

Мы приехали в ресторан под приятную музыку и непринуждённую беседу. Припарковался, вынул ключ из зажигания, я распахнула дверь первой.

– Тебя в лесу воспитывали?! – заорал Саша, – Закрой дверь! Я выйду, открою тебе и подам руку!

Я молча закрыла дверь. Мужчины вышли из машины.

– Заебись. А мне чё делать? – спросила Ира.

– Посиди на всякий случай. – хмыкнула я.

Двери снова открылись, мы подобрали подолы, приняли протянутые нам руки и покинули машину.

– Не обижайся, что я прикрикнул, малыш. – Саша принародно поцеловал мою руку, – Но это некрасиво, когда девушка выходит из машины самостоятельно, явившись с мужчиной.

Но настроение было подпорчено.

Вкусный ужин и бокал белого смирили моё возмущение и вечер протекал спокойно.

Собственно, беседа представляла собой бесконечный монолог Саши и общий смысл сводился к тому, что он очень умён, бесконечно хорош собой и несметно богат, может себе позволить безнаказанно употреблять алкоголь за рулём, а на каком-то бокале даже похвастал тем, что, видите ли, он – непревзойдённый любовник.

– Когда мужчина расскажет, – склонилась ко мне Ира, – Как он ненасытен и крут, не верь ему! Опыт покажет – две позы и восемь минут!

Мы попытались подавить смешок и вышло не очень. Получился задавленный хрюк.

– Девочки. – именно в этот момент я поняла, что значит выражение "ледяной голос", – Мы не в цирке. И не в кино на комедии. Что смешного я сказал?

– Ничё-ничё! – замотали мы головами, – Саш, уже скоро 23.00. Нам домой пора.

– Домой! Это не дом. Это общежитие. Впрочем, вы всегда можете меня попросить и я разрешу вам переночевать у меня.

– Ой, нет. Спасибо. Как-нибудь в другой раз. – синхронно отказались мы от столь щедрого предложения.

– Ладно. Тогда за свой ужин заплатите сами. И езжайте на такси.

– Ок. – кивнула я и потянулась за сумкой.

Сумка подруги не предусматривала в этот день наличие чего-либо, кроме пудреницы, помады и сигаретницы, в отличие от моего вещмешка. Но мы предполагали такой вариант развития события и были вполне готовы оплатить свой ужин.

– Что ты меня позоришь?! – зашипел Саша и вцепился в мою руку уже с кошельком. – Я здесь постоянный клиент! Меня здесь все знают!

Я молча посмотрела ему в глаза и подняла левую бровь.

– Я пошутил!

– В каждой шутке есть доля шутки. – ответила я.

– Убери кошелёк! – снова зашипел и больно сжал предплечье, – Не устраивай спектакль!

Я за секунду решила, что и вправду, театральный дебют ни к чему и спокойно улыбнувшись, убрала кошелёк обратно.

В общежитие мы ехали нарочито медленно и, конечно, опаздывали.

Саша остановился возле цветочного магазина и через несколько минут вручил нам с Ирой по букету роз: мне – алые, подруженьке – розовые.

– Девочки, я иногда не очень удачно шучу, – сказал Саша, – И это мой единственный недостаток. Не может же человек состоять из одних только достоинств!

Квакнуло смс: "Шпуль, давай по коньячку?".

–Саш, останови, пожалуйста, около супермаркета. – махнула я рукой.

Остановились.

– Что вам купить? – засобирался на выход.

– Не! – нарушила я навязанный этикет, распахнув сама дверь, – У девочек свои секреты!

Ира ломанулась за мной.

Хихикая, пронеслись между стеллажами, схватили нужную бутылочку, вынюхали вкусный лимончик, выбрали шоколадку, на кассе кинули в недра заплечной Марианской впадины, именуемой сумкой исключительно по недоразумению и вернулись в машину.

– Саш, мы опаздываем…

– Уже опоздали. Ко мне?

– Не, Саш, – настроение неудержимо поднималось, – Верни нас туда, где взял.

Приехали к общежитию чуть опоздав, подхватили цветы и юбки, пожелали мальчикам доброй ночи и наплевав с высокой колокольни, в очередной раз, на правила этикетУ, убежали.

Голоса Валеры мы, кстати, так и не услышали.

– Здрасьте, тёть Маш! Пустите нас, пожалуйста!

– Время видели? Ай, какие красивые! – сменила гнев на милость, – Да с цветами! Давайте быстро и тихо! Замдекана здесь.

Мы сдёрнув с себя туфли, чтоб не нацокать какую неприятность своими металлическими набойками и не перебудить заснувших, унеслись ко мне в комнату.

7

Октябрь 2003 года.

Утром позвонил Сергей.

– Привет, Юляш.

– Привет.

– У меня предложение. Я завтра рано утром еду в сторону Сочи. Хочешь со мной? Составишь компанию, покатаешься, посмотришь горы и я тебя познакомлю с интересным человеком.

– Прекрасное предложение. У меня завтра, как раз, пар очень важных нет. Так, хрень всякая. То культурология, то физкультура. Поехали, конечно.

– Я рад. Только не наряжайся особо. Плоская подошва, джинсы и куртку потеплее надень. А то ж хватит ума поехать голой и в туфлях на каблуке.

– Да ещё ж не холодно.

– Мы будем в горах. Там уже со дня на день жди снег.

– О, как. Ладно. Во сколько выезжаем?

– Я заберу тебя в 4.00. Кстати, можешь и не краситься. Ценителей макияжа мы не встретим.

– Ок. Что-нибудь с собой взять?

– Хорошего настроения будет достаточно. Пока.

– Пока.

Будильник на 03.30.

У меня есть врождённая суперспособность – я просыпаюсь на несколько минут раньше будильника. На сколько бы его не завела и в каком бы состоянии не заснула. Так случилось и сегодня.

– Юль. Сколько раз говорить? – проснулась соседка Настюша, – Не кури натощак. Это пиздец вредно.

Сделала автоматическое внушение и перевернулась на другой бок.

Я привела себя в порядок, в потёмках оделась в предварительно сложенную возле двери на стуле, одежду, прихватила сумку и вышла из комнаты.

– Доброе утро, тёть Люд. Выпустите меня, пожалуйста.

– Доброе. Ты уезжаешь?

– Да, тёть Люд, – вышла я в открытую дверь, – Спасибо!

– Доброй дороги! – сказала мне в спину вахтёрша и замкнула общежитие.

Сергей никогда и никуда не опаздывал. Если сказал в 04.00, то это значит исключительно 04.00. Не 03.59 и не 04.01. И не готов был ждать ни единой минуты.

Несколько месяцев назад мы договорились, что он заберёт меня в 07.00 и я, самонадеянно решив, "Чуточку подождёт." – нихера не угадала.

Увидев меня в дверях комнаты лохматую, помятую и в ночнушке, Сергей спросил: "Ты едешь?", я ответила: "Да." и даже не успела озвучить просьбу об ожидании как он сгрёб меня под мышку, на мои возмущения: "Я, всё-таки, женщина и могу опаздывать!" со смехом парировал: "Тогда, раз ты обладаешь таким знанием, то имей понятие и о мужском терпении!" и таким образом я оказалась в Анапе ровно в том виде, в котором вылезла из постели. Только успела свою сумку зацепить у порога. Да. Если моя сумка существует без меня по близости, то я мертва. Вы бы видели глаза продавцов-консультантов, когда мы зашли в магазин. Красивый, спортивный, хорошо одетый мужчина, а рядом с ним встрёпанная кудрявая девка в короткой розовой атласной ночнушке с мультяшными розовыми же пантерами и в розовых же резиновых шлёпанцах с цветочками по верхней перепонке. Купили кружевные труселя фасона "Черта, черта и больше ни черта", сарафан и босоножки. Девка переоделась, причесалась в примерочной и странная парочка покинула магазин, прихватив кулёк с ночнушкой и тапками, заплатив приличную сумму денег.

Я от старости буду умирать, но выражения их лиц не забуду. Ну, если не Альцгеймер, конечно. Что тоже нельзя исключать.

Я нырнула в уютное тепло чёрной "Ауди".

– Доброе утро. – обнял меня Сергей. – Пристёгивайся.

– Привет. – ответила я и пристегнула ремень безопасности.

Мы поехали.

– У нас там хрень какая-то происходит, – начал Сергей, – Строят базу отдыха и пропадают люди.

– Что значит "пропадают"? – удивилась я, – Как это? Испаряются?

– А вот то и значит. Подрядчик не даст ладу. Из двух лишним сотен человек осталась только охрана. И те невменяемые. Прораб вчера вечером не вышел на связь.

– Ты шутишь?! Куда могла деться толпа людей?

– Вот именно. До цивилизации четверо суток непрерывным пешим ходом при условии знания дороги.

– А машины на месте? Их же не с вертолёта закидывали?

– В том и прикол, что машины все на месте. Я не знаю что думать. Заказчика пока в известность не ставили, простой составляет всего несколько дней. Да и хер с ним, с объектом, где люди?!

– Ну, а какие варианты? Животные? – пыталась я разгадать загадку.

– Да ну. Там такой грохот стоит круглосуточный, что никто из живности в своём уме, туда не сунется. Да и представить не могу, что какое-то животное может уничтожить столько людей за такой короткий срок. – пожал плечами Сергей, – Сказать бы, они там беззащитные. Мы с этой бригадой работаем не первый год. Разумные, крепкие мужики. С ними вооружённые и обученные люди. Я не знаю что там. Нужно просто ехать и разбираться. Я только за одно волнуюсь – вдруг какой конфликт и они там друг друга перебили.

– На какой почве может возникнуть такой конфликт, чтобы две сотни человек поубивали друг друга?!

– Хер знает. Ерунда какая-то. Через несколько часов узнаю. Так вот. Тебя я с собой не потащу, мало ли что там, а оставлю Виктору Ивановичу. Побудешь с ним, а на обратном пути заберу. Вам будет интересно пообщаться. Только в душу к нему не лезь, пожалуйста. Я тебе потом сам всё расскажу.

– А чё потом? Давай сразу! – заинтересовалась я. Варвара, которой оторвали нос на базаре, была не единственной любопытной женщиной.

– Нет. Потом.

Зазвонил телефон и я благополучно задремала под бесконечный бубнёж о причинах и следствиях события за ради которого мы мчим к чёрту в жопу с утра пораньше.

– Просыпайся, соня садовая. – погладил мою щёку Сергей. – Давай в другую машину.

– Аааааагаааа, – одновременно зевнула, ответила и потянулась я, – Покурить успею?

– Успеешь. Кури на здоровье.

Я вылезла из машины, ёжась от холода и оглядываясь, закурила.

Засыпанная щебёнкой поверхность метров 400 на 400, огороженная невысоким забором. Спокойно, вразвалочку, гуляют мужики в зимнем камуфляже, в глубине импровизированного двора вагончик и что-то похожее на деревенский амбар. На огороженной территории пять внедорожников, раскрашенных, опять же, под камуфляж и с огромными колёсами.

Ко мне подбежал кобель немецкой овчарки, старательно обнюхал, я протянула руку и погладила его между ушами. Большего интереса не вызвала и пёс ушёл к вагончику.

Холодное утро начала октября. Пасмурное, с мелким противным дождиком, но к счастью, безветренное.

Сергей с каким-то мужиком перекладывали кучу кульков из машины в которой мы приехали в один из внедорожников.

– Тебе, может, помочь? – поинтересовалась я.

– А то ж помочь некому! – хмыкнул мужик. Видимо, хотел что-то ещё добавить, но наткнувшись на взгляд Сергея, замолчал.

– Покурила? Залезай, поехали. Нам ещё час добираться.

Я забралась в холодную машину.

– Проводить? – спросил мужик.

– Нет, спасибо. Я знаю дорогу. – ответил Сергей и сев в машину, добавил, – Пятнадцать лет уже знаю. Каждый пень как старый знакомый.

Ехали мы ещё около сорока минут, я таращилась по сторонам и слушала:

– Да, только начали тут строить. Заказчик еле выбил землю. Рядом заповедник, но ему разрешили. И поэтому здесь пока не дорога, а направление. Военная дорога 7-й категории. Лес повален, но не убран. Канатную будут строить.

– Здесь вообще никто не живёт? – спросила я.

– Живут. Живёт, – тут же поправился, – Виктор Иванович. Так. Вот ещё что. Про свой мобильный можешь пока забыть, на заднем сиденье возьми рацию. Она как раз достаёт до объекта, где я буду. У Виктора Ивановича есть ещё одна.

– Зачем ты, всё-таки, хочешь нас познакомить?

– Я думаю, что вам будет полезно пообщаться.

– Нууу. – протянула я, – Ладно.

– Вроде согласилась? – засмеялся Сергей, – Будто есть вариант передумать и вернуться?

Я тоже хихикнула.

Мы подъехали к небольшому деревянному дому. Вернее даже, срубу. Двор огораживал частокол. Мрачно и страшно. Черепов не хватает для полного антуражУ и битых кувшинов с плошками. А над воротами черепушку рогатого козла.

– Здесь кино что ль снимают? – поёжилась я.

– Нет. Виктор Иванович здесь живёт.

– Я такое только в кино видела.

Сергей посигналил и из-за дома вышел человек.

Человек. Его можно было назвать человеком только по признаку прямохождения!

Это был настоящий Снежный человек. Йети.

Около двух метров ростом, весь в шерсти – от головы до пояса грязных джинсов. Огромнейшие резиновые сапоги. И в руках у него был топор.

(Вот тебе, Юля, и кино. Триллер. Во всей красе. Только операторов с камерами не видать. В лесу, наверное, прячутся.)

– Ты хочешь меня с ним оставить?! – я так вылупила глаза, что если б мне в этот момент дали подзатыльник, они бы выпали на мои же колени.

– Страшно?

– Я щас уссусь от страха.

– Если можно, не на сиденье, пожалуйста.

Сергей вышел из машины и мужчины, пройдя друг к другу навстречу, обнялись.

– Здравствуй, Иваныч. Как ты?

– Привет, Серёга. Дрова рублю. – и играючи махнул огромным топором.

Кстати, роста они оказались практически одинакового. В Серёже 1.98 м.

Я вышла из машины на негнущихся ногах.

– Здравствуйте, юная леди! – сказал мне Снежный человек и протянул ладонь, размером с лопату и такую же грязную, – Меня зовут Виктор Иванович. А вас?

Я подняла голову и заглянула в глаза.

Густые кустистые брови под шапкой всклокоченных длинных волос, плотные, как щётка, русые ресницы и глаза…

Я в жизни не видела таких глаз.

Объективно— голубые. Но не как лёд и не как небо…

Представьте себе, что вы нырнули и открыли глаза, глядя вверх в чистейшем озере на опушке леса, пронизанного лучами солнца в жаркий день, когда небушко как выстиранное, без единого облачка.

Вот такие были глаза Виктора Ивановича.

Аж захватило дух. И, внушающий страх триллер, в мгновение превратился в сказку. В волшебную детскую сказку. И передо мной уже был не Йети или Снежный человек, а исполинский добрый богатырь.

– Очень рада знакомству. – протянула свою руку навстречу его руке. – Юля.

– Юля, – заулыбался он, – Почти юлА.

– Точь в точь, юлА! – засмеялся Сергей, – Принимай гостью! Давай выгрузимся и я поехал. Часов через четыре-пять, думаю, вернусь. Ты ж знаешь, что у нас происходит?

– Не знаю, Серёжа. Сюда никто не забегал. Потом расскажешь.

Открыли ворота и в три захода перетащили содержимое багажника на крыльцо.

Сергей поцеловал меня в макушку, пожал руку Виктору Ивановичу и умчал.

– Добро пожаловать в мою берлогу. – распахнул дверь Виктор Иванович, – Будь как дома!

Я вошла в гостеприимно распахнутую дверь и огляделась.

Деревянные стены, на первый взгляд ничем не покрытые, деревянный голый пол, с деревянного же потолка свисала единственная огромная лампочка. Люстра Ильича.

Большая комната визуально разделена камином на две равные части. В левой под окном стоял угловой диван, рядом с ним небольшой стол, два кресла и дверь в следующую комнату, правая часть представляла собой кухню и на том же уровне ещё одна дверь.

Мебель будто топором делали, столь же массивная и грубая как внешность хозяина.

– Там туалет и ванная. – махнул рукой вправо Виктор Иванович, – Прости, пожалуйста, у меня неубрано. Я не ждал сегодня гостей.

– Да всё нормально, – ответила я и скинула кроссовки, – Гости сами не знали, что едут в гости.

– Можешь обутой ходить. Присаживайся куда удобно. Чаю хочешь?

– Не приучена по жилью грязюку уличную ногами размазывать. И чаю, спасибо, не хочу. Я бы на минутку в ватерклозет, если можно.

– Конечно! Проходи. Будь как дома. – снова предложил Виктор Иванович.

Шмыгнула в ванную.

Такие же деревянные стены, как и во всём доме, идеально чистая белоснежная сантехника и душевой уголок. Из мыльного-рыльного единственный брусок мыла в мыльнице на раковине да стакан с зубной щёткой и пастой. Я понюхала. Хвойное. Ни зеркала, ни полочки. На крючке в стене банное полотенце.

Ну, ладно. Хозяин-барин.

Покрутила кран во все стороны, горячей воды не нашлось, помыла руки ледяной и вышла.

– Холодно в доме?

– Немного зябко. – передёрнула плечами я, – Так это ещё куртку не сняла.

– Сейчас камин разожгу. Первый раз в эту осень.

– Закаляетесь?

– Да нет. Мне и так нормально. Я просто холода не чувствую.

– Как это? – удивилась мерзлявая я.

– Да вот так как-то.

– Совсем?

– Ты руки мыла?

– Да.

– Вода холодная?

– Да.

– А мне— никакая. – пожал могучими плечами Виктор Иванович.

– Опасная особенность, – заметила я, – Эдак, можно обморожение заполучить как за здрасьте.

– Можно, – согласился, – Но пока ни разу.

– Тьфу-тьфу-тьфу! – поплевала я через левое плечо, но постучала по самому деревянному предмету в деревянном доме – по своей голове.

– Ты голодная?

– Да сожрала б что-нибудь.

– Давай посмотрим, что у нас тут, – сказал Виктор Иванович и заглянул в крайний кулёк из привезённых Сергеем, – Так. Тушёнка, макароны, крупы, рыбные консервы, мука зачем-то… Это ещё что? Овощи, фрукты, сыр, мясо… Зачем мне всё это?

– В смысле, зачем? Это ж еда. Вы это не едите?

– Не, ну макароны ем, гречку. Иногда консервы. А так. Ягоды собираю. Компоты варю. Из тёрна есть. Будешь?

– Ой, нет. Спасибо.

– Грибы ещё готовлю. Любишь грибы?

– Люблю, но боюсь. Очень уж отравления страшные.

– А собирать?

– Собирать совсем нет. Я их не знаю. Такого насобираю, шо мама не горюй!

– Ну, какие-то ж знаешь? Вот их и собирай. – дал совет Виктор Иванович.

– Я только мухоморы знаю. Красивые.

– Не. Мухоморы не надо. – завершил грибную тему, продолжая доставать из кульков.

– А вы нормальную еду себе готовите?

– Нормальную?

– Ну, суп там. Борщ, картошку, салаты?

– Нет. Да и не умею я.

– Ага. А кастрУля ж есть?

– Даже две! – засмеялся Виктор Иванович и повторил за мной, – КастрУля!

– Это замечательно. Давайте я что-нибудь приготовлю?

– Да ну. Посиди спокойно. Я макароны сварю. Ты ж гостья.

– Не, подождите! Вы ж сказали "будь как дома". Или всё уже? Предложение потеряло силу?

– Да что хочешь делай! – снова засмеялся и махнул рукой.

Я прикинула набор продуктов. Отлично.

– А я вот духовку вижу. Работает?

– А я её включал что ли? – прям удивился, будто я поинтересовалась чем укладывает волосы.

– Нет? Ну, я включу. Раз больше некому.

Пролезла по кухонным шкафам, нашла две кастрюли, сковородку и совершенно новую утятницу. Утятнице обрадовалась особенно. Страсть как люблю что-нибудь в духовку напихать!

– Давай, я всё-таки, займусь камином. – сказал Виктор Иванович и вышел из дома, а я вывалила овощи в раковину.

Что-то затарахтело по крыше, потом зашуршало, пару раз шарахнуло и из камина вылетело чёрное облачко, я всё бросила и босиком вынеслась на крыльцо.

Из-за дома вышел хозяин и потрясая дохлой вороной сказал:

– Ворона. Дохлая. В дымоходе. Сейчас бы не глянул и весь дым в доме.

– Ну, хорошо. – пожала я плечами и ушла обратно. Чем же плоха дохлая ворона?

Виктор Иванович вернулся с охапкой дров и через полчаса по дому поползло уютное тепло. Маленькое, но такое домашнее, какое может дать только настоящий огонь. А на плите уже варилась начищенная картошка.

– Хотите анекдот про дохлую ворону?

– Давай! Сто лет анекдота не слышал. – заулыбался Виктор Иванович.

– Едет эстонец по дороге, видит – валяется дохлая ворона. Он её поднимает и кладёт в багажник со словами: «Прриггодиииится!». Через год едет по той же дороге, останавливается

на том же месте, где подобрал ворону, открывает багажник и выкладывает её обратно, со словами: «Нее пррриггодилась!».

– Смешно! Хорошо рассказала! – улыбался хозяин.

– Виктор Иванович, а откуда здесь электричество? Я ни одного столба не видела пока ехали.

– А у меня автономная электростанция. Удобная штука. Мощнецкая. На всё хватает.

Я свалила в утятницу мясо, овощи и мытую гречку, налила воды.

– А соль есть?

– Даже перец чёрный есть!

И утятница отправилась в духовку.

– Любишь готовить? Кто научил?

– Ой. Сама, наверное. Мне было лет шестнадцать и я была совершенно никчёмная в плане домашнего хозяйства. В частности, готовки. И вот, в связи со смертью дедушки, маме пришлось оставить нас с папенькой на три месяца. Недельку мы пожили на пельменях. А папа у меня мужик простой – если есть баба в доме, то должно быть и приготовлено пожрать. И стребовал борща. Его самое любимое блюдо. А хер же его знает как варить. Не, я видела, шо у меня в тарелке плавало, когда ела приготовленный мамой и бабушкой, но чтоб знать чё за чем кидать… Единственно, что я знала совершенно точно – в тарелку уже готового кладут сметану. Ага. Я взяла кастрУлю на 8 литров и нахерачила в неё воды из-под крана, покуда вздумала.С какого перепуга я решила, что первой должна быть капуста – неясно. Наверное, первое что вспомнилось об ингридиентном составе борща. Нашаповала неимоверными кусками кочан капусты и кинула в закипающую воду. Кастрюля стала полная. Я отчерпала воду кружкой и начала чистить картошку этому меня, с боем, научила бабушка. Пока начистила своими кривыми ручонками и нарезала, капуста разварилась в сопли. Ок. Кинула картошку. Кастрюля опять стала полной. Снова отчерпала кружкой. Вспомнила, что мама что-то жарила, чтоб кинуть в борщ. Методом исключения сообразила, что это должны быть лук и морковь. С горем пополам почистила – порезала – пожарила, хорошо хоть ума хватило, и кинула в борщ. Кастрюля снова стала полной. Я снова отчерпала воду кружкой. А борщ-то ни черта не красный. А должен быть! Покопавшись в холодильнике, нашла томатную пасту. О том, что её нужно положить в луково-морковную зажарку я и подумать не могла! Нагребла несколько ложек и покидала в кастрюлю. Завоняло помидорами. Красный. Хорошо. Посолить-поперчить. И лаврушки. Куда ж без неё? Это адовое варево в очередной раз забулькало и я выключила огонь. Папенька издалека принюхался к содержимому тарелки. Несколько раз. Спрашивает: "Как думаешь, "скорую" уже сейчас вызывать? Или после обеда? Ну… Ладно. 03 сама наберёшь, если что." Мы мужественно доели 8 литров вот этого вот. И вот где-то на этом этапе я и услышала от отца фразу: "Дочь. Как бы ты ни жила в дальнейшем, с кем бы ты ни жила, но ты должна уметь готовить, чтобы накормить себя и близких." Не буду вам забивать голову неинтересными подробностями, но мамина тетрадь с рецептами и советы бабушки до приезда мамы сотворили чудо. Я научилась готовить вполне приличную еду.

– Хорошо рассказываешь! Приятно слушать.

– Спасибо. А мне приятно, что вы меня слушаете.

Виктор Иванович застилал свежими покрывалами диван и кресла, подметал и мыл пол, я продолжала возюкаться в кухне.

– Что ты сейчас готовишь?

– В духовке гречка с мясом, почти "По-купечески". Поварю овощи и будет салат "Оливье". Скажите дурацкое название для салата? Оливье – это ж нормальное французское имя. Это б как они, французы, готовили салат "Игорь". Или "Геннадий"! И блинов пожарю. Вон сгущёнки сколько.

– Блинов? – вытаращил глаза Виктор Иванович.

– Ага. Всё есть. Чего б и не приготовить? Вы когда блины в последний раз ели?

– Не в этой жизни. В прошлой.

И вышел из дома.

Ага. Юля херню ляпнула. Юля умеет. Ладно. Имею в виду.

Вернулся через несколько минут.

– У нас чисто. Тебе тепло?

– Да, спасибо. Хорошеет. Ещё и духовка добавляет.

– Хорошо. Я сейчас вернусь.

И ушёл в ванную. Пошумела вода, протопал за моей спиной, потарахтел в комнате.

– Я тебя не смущаю?

– Да нет. – обернулась я от раковины.

Передо мной стоял свежепомытый богатырь в уже чистых джинсах, босой и с по-прежнему голым торсом. Хотя, я не знаю как настолько лохматый торс может называться голым.

– Ходите в чём хотите! Вы ж дома.

Я шуршала дальше по кухне, а Виктор Иванович присел на табуретку и внимательно наблюдал за моими передвижениями.

– Кто вы с Сергеем друг другу?

– Не знаю. Друзья, наверное.

– Не похоже. С одной стороны похоже, а с другой не похоже.

– А на что с другой стороны похоже?

Вопрос остался без ответа.

– Что он тебе сказал, когда вёз сюда?

– Сказал, что хочет нас познакомить.

– Зачем?

– Не сказал.

– Что обо мне сказал?

– Сказал, что вас зовут Виктором Ивановичем.

– А то, что я в числе без вести пропавших сказал?

– Нет. – вытаращилась я, аки сова.

– Теперь знаешь. – внимательно смотрел мне в лицо. – Друзей много, только далеко не всем сюда вход есть. Я чужих не принимаю. И Сергей это знает лучше всех. Поэтому, его желание привезти тебя – из разряда удивительного. А значит, ты – совсем своя. А мне говоришь – друзья.

– Не уверена, что очень прям понимаю. Но если я не к месту, вы скажите, пожалуйста.

– Я не о том. К месту. Я размышляю. Он мне о тебе вообще ничего не сказал. Напугал я тебя, да?

– Брехать не буду. Испугалась.

– А сейчас?

– А сейчас нет. Тем более, у меня нож есть! – помахала кухонным ножом и потыкала в картошку, – Сварилась! Надо морковку ставить. Потом сварим яйца, освободим кастрУлю, помоем и намешаем салатик. И гречка уже через часик будет готова.

– Давай я всё буду мыть?

– Да не надо. Спасибо.

Затрещала рация.

– Что у вас там? – спросил Сергей, – Я уже на месте.

– Оливье готовим. – ответил Виктор Иванович.

– "Оливье" – это прекрасно! – засмеялся Сергей, – Не морозь Юлю. Она теплолюбивая. Я чуть позже ещё наберу вам.

– Юль, у меня самогон есть? Будешь? Сам выгнал.

– Буду. Чего б нет? Сейчас закусь организую.

– Только у меня рюмок нет. Кружки.

– Ой, да не переживайте. Я и из тазика могу дерябнуть. Не то, что из кружки.

Нарезала в тарелку копчёного сала, мяса и солёных огурцов.

Виктор Иванович вышел из дома и вернулся с десятилитровой стеклянной бутылью. Набулькал в кружки. Я понюхала. Самогон, как самогон.

– Это я брагу из ягод ставил. Пей не бойся. Будем живы!

Мы чокнулись кружками, хлебнули, выдохнули, закусили.

– Юль, ты учишься?

– Да. В Аграрном университете.

– Кем будешь?

– Ветеринарным врачом. Если раньше не выгонят.

– Животных любишь, поэтому такую профессию выбрала?

– Живность люблю безмерно и всей душой, а вот профессию не выбирала. Папа так решил. Поехал в гости к своему брату, моему дяде, попьянствовали на радостях от долгожданной встречи, про меня поговорили, подумали о моём будущем и выбрали специальность. Сгоняли в университет, заплатили за учёбу и поставили перед фактом. В конце одиннадцатого класса. Я поистерила, да и поступила куда они хотели. Я ж химию совсем не знаю. Мне "4" в школе из жалости поставили, чтоб пятёрошный аттестат не портить. И пришла после вступительного экзамена по химии, объявила, что херни написала и начала собирать вещи домой. Дескать, всё. Напоступалась. А тут дядюшка прискакал. Послушал меня, метнулся в приёмную комиссию и сдала я химию. На "3", но сдала. Так я оказалась на ветфаке.

– А кем ты хотела быть?

– Я на филологический хотела. Отделение русского языка и литературы. Нравится мне очень. В олимпиадах участвовала, готовилась, учила. Книги хотела писать.

За разговорами сварились морковь и яйца. Я помыла кастрюлю и начала собирать салат.

– Майонеза нет. Со сметаной будет. Как в СССР.

– Ну, и хорошо. Расскажи ещё что-нибудь, пожалуйста. Что угодно.

– Что рассказать… Да вот хоть смешное. Недавно. Анатомия. Учим моче- половую систему.

– Чью?

– Как водится в Аграрном университете, анатомия сельско- хозяйственных животных. Их моче- половая система нас и интересует. Преподаватель показывает и спрашивает: «Это — белочная оболочка семенника. Как будет по латыни?» Все молчат. Повторяет вопрос: "Как по латыни "белочная оболочка"?" Все молчат. Хлопают глазами, типа живые, и молчат. И лица такие… Олицетворение фразы: "Шо вы тарабаните? Дома никого нет." Снова повторяет вопрос. Реакция та же. "Хорошо! – говорит, – давайте кусками. "Белый" по латыни как? "Оболочка" по латыни как?" Все молчат. Она начинает помогать: "Так. Давайте вспоминать. "Белый"– Аль… Аль… Аааль.." Молчат. Она опять своё, не теряя надежды: "Аааль… Альб… Альб… Да что ж вы тупые такие?! Альб! Альб! Ну, птицы такие морские есть! Белые!" На слове "птицы" у одногруппницы Нади включается мыслительный процесс и её озаряет воспоминанием названия морской птицы и она громко и радостно орёт: "Чайки!" Препод аж расплакалась! "Надя! Какие чайки?! При чём здесь проклятые чайки?!" А Надя ей: "Ну, вы ж сказали морские птицы.", "Я же сказала "альб"! Надя! Альбатросы! Потому что белые! И "белый" по латыни "albus" (альбус)! И "белочная" – "albuginea" (альбугинея) !!! И "оболочка" – "tunica" (туника) !!! И всё вместе – "tunica albuginea" (туника альбугинея)!!!"

– Чайки! – смеялся Виктор Иванович, – Чайки! Даже я догадался, что альбатросы! Ещё!

– Извольте. Опять же анатомия. Череп. Препод тычет указкой в дырку и вопрошает: "Что это за отверстие?", ожидая в ответ название по-русски, по-латыни, а так же, какие нервы и

сосуды проходят через него. Поднимает меня, а я, что называется, в душе не гребу, что это такое. Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг" и я, прикинув местоположение дыры, начинаю на ходу придумывать названия, авось угадаю: "Подглазничное? Околовисочное? Верхнечелюстное? Околоушное? Надзубное? Околобровное?" И всё мимо! А он мне: "Садись. Два. Отверстие называется "foramen discipulus" (форамен дисципулюс). Студенты проковыряли!"

– То есть, вообще такого не бывает? – хохотал Виктор Иванович.

– Не бывает. – пожала плечами я.

– А ты и не знала? – продолжал смеяться.

– А я и не знала. – согласилась я. – Откуда? В ночном клубе такого не рассказывают обычно.

Мы посмеялись с меня нерадивой студентки и снова чокнулись кружками.

Оливье нарезался, инвентарь кухонный помылся, духовку выключили и переместились на диван с тарелками и кружками.

– Как вкусно! – сказал Виктор Иванович, прожевав первую ложку салата. Вилок, кстати, в доме не нашлось. Обедали как на поминках – ложками.

– На здоровье! – ответила я.

Затрещала рация.

– Как вы там? – спросил Сергей.

– Обедаем! – ответили повеселевшим дуэтом.

– Я б тоже не отказался. Но я тут немного задержусь. Ночью приеду. Вызвали спасателей. Ждём.

– А что случилось-то? Все живы?

– Живы. Потом расскажу. Приятного аппетита! – пожелал Сергей и отключился.

Пообедали, помыли посуду, навели порядок на кухне, подкинули дров в камин. Виктор Иванович выдал мне плед и мы уютненько угнездились на диване с кружками и закусью.

– Занимался штангой. – рассказывал Виктор Иванович. – И ездили на соревнования. Я всегда возил с собой свои гири. По 16 килограмм каждая, для утренней зарядки. Мне сделали специальный чемодан, чтобы выдерживал этот вес. И вот я ставил чемодан посреди зала в вокзале, а сам спокойно отходил по своим делам. Смотрю, бежит паренёк, хватает чемодан и с размаху валится на спину! Попробуй сходу поднять 35 килограмм!

– А если ещё и не знаешь! – хохотала я.

– Там же, на соревнованиях, с Маратом познакомился. Знаешь Марата? – заглянул мне в лицо.

– Да. – кивнула я.

– Своя. Без сомнений. Сколько тебе лет, Юленька?

– Восемнадцать.

– Ох, Серёга… – заулыбался Виктор Иванович. – Ты поёшь?

– Ой, нет. У меня ни слуха, ни голоса. Когда я начинаю петь, всё живое в радиусе нескольких километров разбегается кто куда, спасая уХи и разум.

– Да ладно тебе! – засмеялся Виктор Иванович, – Хочешь я тебе спою и на гитаре сыграю?

– Хочу, конечно!

На улице уже стемнело, мы решили свет не включать, а зажечь свечи, тем более, камин давал освещение. На столе кружки с самогоном, под столом бутыль с той же жидкостью, потому как ходить за ней на улицу мы посчитали неразумным, авось и тут не нагреется. И два человека на диване горланят под гитару: "..Когда я пьян, а пьян всегда я! Ничто меня не устрашит! И никакая сила ада моё блаженство не смутит!.." и периодически стукаются кружками. Вкусовые предпочтения у нас, кстати, неплохо совпали. Так же, мне помогло знание песенного репертуара 70-х, с которым меня познакомил папа. "Листья жёлтые над городом кружатся!"

Собственно, эту картину маслом Сергей и застал.

– О. Полюбуйтесь! Спелись они! – заулыбался в пороге, – Вас чёрт знает куда слышно! Чё вы так орёте?

– И спелись! И спились! – подтвердили мы пьяными голосами.

– Тебе налить, Серёжа? – спросил Виктор Иванович.

– Да уж, конечно. Налей. Замёрз как зараза. Сейчас помоюсь и вернусь.

– Серёж, а в ванной греться не вариант… – сказала я.

– А то ж я не знаю! – ответил и ушёл.

Я, бубня себе под нос о людях пьющих незамерзайку и поэтому моющихся в холодной воде, поднялась с дивана, разогрела гречку с мясом, по-старинке, в сковородке, подрезала закуски и притулилась к вернувшемуся из ванной Сергею. Мужчины ужинали, выпивали и я благополучно заснула под мерную беседу.

Проснулась раньше всех. Камин потух и если б не двухметровая обнявшая меня грелка, то я б околела к чертям барсучьим.

– Ты куда? – мгновенно проснулся Серёжа.

– Поспи ещё чуть-чуть. – прошептала я.

Тихохонько сходила в туалет, накинула куртку, вышла на крыльцо и закурила. Конечно же, помня о том, что натощак вредно.

Вокруг лес, дальше видны горы, единственная дорога по которой мы приехали и промозглое холодное утро. Ощущение, будто дом и прилегающая территория накрыты полупрозрачным колпаком – ни звука, ни дуновения ветра, ни дождинки.

Сзади скрипнула дверь и вышел Виктор Иванович.

– Доброе утро. – поздоровалась я в полголоса.

– Доброе. Подышать вышла?

– Ага.

– Хочешь прогуляться? Здесь недалеко есть горная речка и маленький водопад. Красиво там. И идти не сильно грязно. Каменистая тропа.

– Хочу! Только наденьте что-нибудь, пожалуйста, на вас смотреть холодно.

Идти было действительно недалеко.

Мы сидели на пеньках и смотрели на бегущую воду, падавшую с высоты четырёх метров и несущую красные и жёлтые листья.

– У меня сын есть. – сказал Виктор Иванович.

– Вот как. – мгновенно откликнулась я. – А где он?

– Не знаю. Я когда уезжал из города, продал всё, что у меня было и отдал его матери.

– В смысле, вашей жене?

– Она не была мне женой. Любовницей была. Я и не знал, что она беременна. Не до того было. Дурак. Жена была. Дети были. Чего не жилось спокойно? Нет же. У всех молодые любовницы и я туда же.

– А почему "были"?

– Потому что не стало.

Мы помолчали.

– Отмечали день рождения близняшек наших. Приехали ближайшие родственники. Нас немного было. 23 человека, вместе с детьми. – глубоко вздохнул и продолжил, – В дом вошли четверо, все в масках. В меня выстрелили в первого. Потом по гостям. По детям. Они за отдельным столом сидели. Дочь Виолетта и моя мама умерли в больнице. Все остальные. На месте. Дорогу перешёл. До сих пор не знаю кому. Моя вина.

– Их нашли? Тех, что стреляли?

– Никого не нашли. Похоронил своих у ушёл. Пятнадцать лет ищу смысл своей никчёмной жизни. И не нахожу. Очень хочу знать кто это спланировал и сделал. А на следующий

день убили отца Сергея. Коля. Друг мой был хороший. Всё было. Все были. Никого не стало. Первый раз говорю об этом. Прости.

– Может, сына поискать?

– Может. Идём. Уже зубами стучишь.

– Сочувствую вашей утрате…

Обратно шли молча.

Сергей в одних только трусах во дворе махал руками, делая зарядку.

– Где вы были?

– Водопад глядели! Так, мальчики, я вчера ещё тесто на блины намешала, да так и не нажарила. Пойду полезным займусь.

Нажарила. Стопку блинов, плачущих масляными слезами, выставила на стол, включила чайник, расставила кружки и вышла на крыльцо.

Из-за дома доносились звуки топоров, стучащих по брёвнам.

– Идите завтракать! – заорала я в белый свет так, что вороны с деревьев посыпались.

И через 20 минут уже помытые богатыри слушали моё нравоучение относительно культуры поедания блинов:

– Кто ж так блины ест? Щас я вас научу! Сгущёночка наливается в центр блина, вот так сворачивается мешочком и целиком пихается в рот! Шо у вас там не влазит? А вы рты ширше раззевайте! Масло по локтями течёт? А так и должно быть…

После завтрака перемыла посуду, попрятала готовую еду в холодильник и мы все вместе вышли на улицу.

– Всё, Иваныч, до свиданья!

– Давай, Серёж. Рад был повидаться. Спасибо тебе большое, Юленька. Погрела ты мне душу, – повернулся ко мне Виктор Иванович, – Можно обниму?

– А чё ж нельзя? – ответила я и полезла обниматься и целоваться первой.

– Вы заезжайте как-нибудь ещё вместе.

– Обязательно! – покричали мы, помахали руками и уехали.

– Что, всё-таки, случилось на стройке?

– Я ж вчера ещё всё рассказал! – засмеялся Сергей, – Проспала? Заново?

– Похоже проспала. Давай!

– Да что там. Анекдот форменный. Чуть поодаль базы, ну как поодаль, километров четыре-пять, местный пивной заводик скинул брак, чтобы не платить за утилизацию, в количестве нескольких сот литров и в пластиковых бутылках. Кто-то из строительной гоп-компании то ли видел, то ли случайно нашёл, но оповестил всех и организовалась там стихийная пивнуха.

– Ты сейчас серьёзно?

– Вполне. Забрали спальные мешки, развели костёр, натащили жратвы и устроили пикник.

– И остальным всем сказали?

– Конечно! Я приехал, а трезвого – никого. Кто спит, кто ещё ходит, кого вообще нет.

– Слушай, правда анекдот! Как помнишь в фильме с Евдокимовым "Не валяй дурака.", когда бочку со спиртом американцы подкинули?

– Вот-вот! Точно так всё и есть!

– Ну? И что дальше?

– Что дальше. Вызвали спасателей и вернули всех обратно.

– А чё спасателей? Проспались бы, да и сами б пришли.

– Ну, да. А вдруг кто не дойдёт? А если кто отравился?

– Ну, а с пивом-то чё дальше?

– Связались с заводом, они ж молодцы, всё с этикетками, как положено, если не уберут свой бардак, то приедут экологи и им штрафы им очень сильно не понравятся. Достигли взаимопонимания.

– А как вы нашли их? Рассказал кто-то?

– Щас прям! Молчали как партизаны на допросе! Связался со спасателями, вертолёт подняли и нашли.

– Ой, я б тоже с вертолёта ножками подрыгала. – размечталась я. – Так. Подожди! А как туда пиво-то попало? Там дорога же есть хоть какая-нибудь?

– Да нет там никакой дороги. Так же, видимо, с вертолёта и кинули.

– Та ну! У пивного завода есть свой вертолёт? – не поверила я.

– Чё сразу у завода?

– Ну, а кто тебе, спасатели будут бракованный пивас в горы вывозить и скидывать?

– А почему нет? Кум, брат, сват, зять. Все ж свои. А если за материальное вознаграждение, так и не то отмочат. Будь уверена.

– Ну, и что дальше с этими? Эвакуированными из пивнухи?

– Вернули, привезли им врача, вдруг что. Пусть приходят в чувства.

– Ты ж посмотри! И никого не нашлось, чтоб сдали!

– А что ты хотела? Мужская солидарность.

– Прикол, конечно, знатный! – смеялась я.

– Так, и представь. Посадили вертолёт, хорошо было куда, а они весёлые, счастливые, песни под гитару поют, не хуже вас с Иванычем, сало на костре жарят. Хоть присоединяйся! Аж совесть мучает, что людям настроение испортил! – веселился Сергей.

– Их накажут за это?

– Да кто их накажет? На объект 14 месяцев, а это вторая неделя. Наверстают. Ничего особо страшного не случилось. Главное, что все живы и относительно здоровы, если не принимать во внимание острый похмельный синдром, а всё остальное – херня и мелочи жизни. Поржать только.

– Ну, посмешил!

– Да и сам посмеялся. Что они, работяги, света белого не видят, и тут развлечений, так-то, немного. Так получилось.

– Ну, наверное, пока б не допили – работать бы не начали?

– Я тебе больше скажу. Уверен, ещё и на стройку притащили и спрятали.

– Не искал?

– Оно мне надо? Основной Клондайк ликвидируют, а то, что они с собой принесли на опохмел, да может, на день-другой. Всё нормально будет.

Так, за разговорами, примчали на пункт перегрузки, поменяли машину и продолжили путь в цивилизацию.

Телефоны нашли сеть и понеслось ежесекундное кваканье уведомлений о куче смс.

Первая дозвонилась мама.

– Где. Ты. Есть. – отчеканила каждое слово без какой-либо вопросительной интонации.

– А что? – попыталась я выиграть время и окольным путём выяснить как давно меня потеряли.

– Ничего! Совсем ничего! Бессовестная! – заорала мама, – Я тебе со вчерашнего обеда звоню! А ты "недоступный абонент"! Бабушка с дедушкой в общежитие приезжали! Дядя приезжал! Тебя в помине нет! И вахтёрша даже не помнит, когда последний раз тебя видела!

Я хотела вставить информацию, что вахтёрши работают по графику сутки-трое и, возможно, это та, которая действительно давно меня видела, но мне не удалось.

– Юля! У бабушки давление! Сегодня ночью «скорую» вызывали! У дедушки сердце! Юля! Ему операцию по шунтированию только сделали! Юля! Ты нас всех до кондрашки дове-

дёшь своими выходками! Уже дяде в Дагестан позвонили! Юля! У тебя совесть хоть на копейку есть?

Выдохлась немного и ожидала ответа.

– Есть. – ответила я.

– А где? Покажи! – стребовала мама.

– Я её с собой не всегда беру, но вообще есть. Чуть-чуть.

– Я тебя ещё раз спрашиваю! – снова завизжала, – Где ты была?!

– Ма, я была у Иры и у меня сел телефон.

– А у Иры подзарядки нет? – маму на ровном месте не проведёшь.

– Ма, у Иры "Нокиа", а у меня "Сименс". – сказала я, сделала большие глаза и ущипнула за бедро ржущего Сергея. – Всё нормально.

– Так. Сейчас ты где?

(Блядь.)

– Сейчас парень Иры, Макс везёт меня в общежитие. Я у них ночевала. – лепила горбатого я.

– А почему он тебя везёт? – не унималась мама, – Ты сама не можешь доехать? Выпивали вчера, да?

– Ма, у него свои дела в этой стороне и он меня подкинет.

– Смотри, чтоб поймал! – съязвила мама. – Ладно. Давай. Пока. Бабушке сейчас сама наберу.

– Ма?

– А?

– А зачем вы в Дагестан позвонили?

– На всякий случай. На тебя пожаловаться.

И отключилась.

Сергей засмеялся в голос.

– Конспираторша! Так и скажи маме, что в трёхста с лишним километрах от университета, в лесу, пила полночи самогон с Иванычем!

– Вот своих нарожай и учи их что говорить! – помахала пальцем в его сторону. – А моей ни к чему такие потрясения. Кстати, о мамах. Ты знаешь, что у Виктора Ивановича есть сын.

Минута молчания.

– Сын? С чего ты взяла?

– Приснилось! После самогона из ягодной браги. – съязвила я. – С чего б я взяла, если б он мне сам не сказал, Серёж?

– А от кого?

– Имени не назвал, но сказал – любовница. Она была у него в то время, когда случилась трагедия с семьёй.

– Иваныч рассказал тебе? – удивился Сергей.

– Да.

– Даже я не знал. И что думаешь?

– А я, Серёженька, не знаю пока что думать. К чему эти все сложности? Сильно мешает конкурент – убейте его. Причём здесь семья? Почему он не стал решать этот вопрос, а ушёл в горы? Или не мог? Почему его вообще оставили живым? Или это случайно вышло? Кто спланировал этот кошмар? Почему он 15 лет безвылазно сидит в лесу? И как ему удаётся оставаться незамеченным при нынешних технологиях? Его б уже тыщу раз с вертолёта углядели! Почему он – без вести пропавший? От кого можно прятаться 15 лет? 15 лет! Серёжа! Это немало! Мне 15 лет назад было 3! И это был 1988 год! Это СССР. Какой, к чертям, бизнес в эти годы?! Да ещё так, чтоб стреляли и всё было шито-крыто! И конкуренты! Какие, блядь, конкуренты?! Частной собственности хуй да ни хуя! Кому можно было в Советском Союзе перейти дорогу,

чтобы перестреляли семью?! Ещё сын этот. Ну, про него потом. Серёжа. Вот сколько вопросов, но чуть подумаю и ещё будут. И что самое интересное, я полагаю, ответ на это один. Но я пока не уверена на 100 %. И в связи с вышесказанным, закономерный вопрос к тебе – чем ты занимаешься, Серёжа?

– Хорошие вопросы. – кивнул Сергей.

– Ну? – замерла в ожидании я.

– Что "ну"?

– Ответов хочу, Серёжа.

– А он сказал, что хочет найти сына или просто сказал, что он есть?

– Нормально так с темы съехал. Технично. Просто сказал, что сын есть.

– Ага.

– Что "ага", Серёжа?

– Что?

– Чем ты занимаешься?

– Работаю, Юля.

– Серёжа, не прикидывайся идиотом, – взъерепенилась я, – Конкретнее!

– Строю, Юля.

– Из меня дуру? – завизжала я, – Зачем ты меня сюда привёз? Зачем с ним познакомил? Что ты хотел? Меня показать? Зачем? Зачем меня показывать человеку, который ушёл от всех и не желает никого видеть?! Виктор Иванович, между прочим, в таком же недоумении как и я!

– Юля. С Иванычем мы уже всё обсудили. И с тобой ещё поговорим. Всему своё время. Не повышай голос, пожалуйста.

– А я ещё и не повышала! – перешла на ультразвук я, – Заебись как ты всё за меня хорошо порешал! Серёжа, если и мне прострелят башку, то я хочу предварительно знать за что! И да, дура я ещё та! Не буду отрицать очевидное! Но не смей не отвечать на мои вопросы! Да я, в конце-концов, может, вообще не хочу в это всё лезть!!! Чё ты меня пихаешь куда попало?! Кто ты такой?!

– Юля. На сегодня хватит. Скажу одно. Честно. Я не очень ожидал таких выводов. Покури, пожалуйста. Молча.

Я обиделась и замолчала.

До общежития доехали без единого слова.

– Я позвоню на днях. – сказал Сергей.

– Не надо на днях. Позвони тогда, когда будут ответы на мои вопросы. Собственно, на один. И ответ один. И из него будут ответы на всё.

– Какой?

– Да, блядь! Хорошо. Чем занимались твой отец и Виктор Иванович? Я прекрасно понимаю, что вы с Маратом это продолжаете. Отец Николай Сергеевич погиб сам, а Виктор Иванович поплатился семьёй. И это длится минимум 20 лет. Что такого могло родиться в Советском Союзе, что живо до сих пор?! И тебе лучше сказать. Или я сама придумаю. Или накопаю. Или пропади ко всем чертям со своими тайнами!!!

Я выскочила из машины и изо всей дури шандарахнула дверью. Сергей, еле вписавшись в поворот, вынесся из студенческого городка.

– Здрасьте, тёть Ир.

– Юля! Тебя родственники со вчерашнего дня ищут!

– Нашли уже, тёть Ир. Все в порядке. Спасибо.

– А ещё тебя сегодня утром мужчина спрашивал.

– Какой?

– Большой такой, светлый и сам весь в светлом. На серебристой машине.

– Что вы ему сказали?

– Что тебя нет и, вон, и родственники ищут.

– Спасибо, тёть Ир.

Я поднялась в комнату. Зазвонил телефон. Та, блядь! Тарас.

– Иди в жопу! – проорала я в трубку и выключила телефон.

8

Октябрь 2003 года.

На учёбе не происходило, ровным счётом, ничего интересного, обычные грязь, говно, вонища и философия с микробиологией. Вечером позвонила Ира и мы, пошаромыжившись по близлежащему торговому центру и купив какой-то ерунды, присели в пиццерии.

– Как выходные?

– Да нормально. С Сергеем в Сочи были. – умолчала о подробностях я.

– О. Зачем?

– Он по делам каким-то своим, а я по городу погуляла, да на пальмы с морьком поглядела. – соврала я.

(Поздравляю тебя, Юля. Брешешь как дышишь.)

– Ну, молодец. Кстати, у дяди День рождения и тебя тоже приглашают.

– Серьёзно? Он меня один раз видел.

– Тем не менее, запомнил. Говорит "Очень приятная девочка." И тётя с ним совершенно согласна. Так что, в будущую субботу собирайся. У них дома.

– Ты с Максом пойдёшь?

– Я его ни с кем не знакомила и, пожалуй, не буду. Пора заканчивать.

– Совсем дурак?

– Шпуль, совсем. Как отмочит, то хоть стой, хоть падай. Уже ж несколько месяцев не работает, что-то там не идёт с его тату-салоном. Спит, ест, бухает и на меня орёт. Творческая, блядь, личность. Поднадоело, знаешь ли. Вчера, вон, вывернул в унитаз кастрюлю картошки с мясом и заявил, что ему надоело есть дома. Надоело – не ешь. Мне не надоело и я бы поужинала. Эгоист. Так и сидел голодный, а утром к маме поехал. Ну, не дурак ли? Щас как меня перемкнёт, так и свалю. Заебал орать!

– А чё ему надо?

– Хуй его знает. Сам собой недоволен. Что у тебя с Сашей?

– Да ничего. – пожала я плечами, – Мы с того дня больше не виделись. Вчера в общаге меня искал, сто смс написал.

– Ну и?

– Что? Я не знаю. Не перезванивала.

– А что думаешь-то?

– Не знаю я что думать. У всех, конечно, свои тараканы. Я понимаю… Не знаю пока. Тебе как всё это?.

– Юль. Скажу честно. Я б дала и посмотрела чё будет. – засмеялась Ира, – Оно попонятнее станет.

Я тоже посмеялась.

– Что ты ржёшь? Я серьёзно, между прочим. А то, может, и время тратить не надо. Вдруг у него совсем маленький?

– Ира! – хмыкнула я, – Думается мне, не от размера того самого хорошие отношения зависят.

– Дура ты мелкая! Любые отношения строятся на взаимопонимании, взаимоуважении и хорошем сексе!

– Да прям любые!

– Ну, давай так – многие. Родственные в расчёт не беру. Это уже инцестом называется, если принять во внимание последний пункт. Так вот. Если по какому-то из этих пунктов нелады – пиши пропало. Жопа. Будь он хоть какой распрекрасный, но в постели плохо – жопа. Рано или поздно. И скорее рано, чем поздно, кто-то свалит налево. И точно так же с другой стороны – как бы чудесно вы не трахались, но если нет понимания и уважения – всё развалится. Кстати, если надумаешь строить отношения с девочками – та ж хуйня.

– Не, к девочкам я морально не готова! – захихикала я.

– А вот и зря. Тоже хорошо. Я тебе давно говорю.

Зазвонил мой телефон.

– Лёгок на помине. Саша. – и уже в трубку, – Алё!

– Привет. Как дела?

– Нормально.

– Ты где?

– На Юбилейном пиццу ем.

– Сама? Или с женихом?

– С Ирой.

– Я тоже хочу. Сейчас подъеду. – и отключился.

– Щас приедет. – сказала я.

– Куда?! – засмеялась и развела руками подруга, – Ты ж не сказала где мы!

– Вот и посмотрим, – ответила я, – Ты вот лучше скажи мне, пожалуйста, что главе города на День рождения дарить?

– Ой, да положи в открытку сколько посчитаешь нужным. В середине банкета поставят в уголке поднос такой под золото и на него поскладывают конверты. Подарков, обычно, немного. Деньгами.

– А что говорить?

– Шпуль, нас там особо спрашивать не будут, да и слушать, впрочем, тоже. Потусим из угла в угол, дерябнем шампанского, покушаем тортик. Дядя жуткий сладкоежка, поэтому торт всегда бесподобен. И поедем по домам. Мы там для красоты. Компания, в основном, престарелая. Улыбайся, хлопай ресницами и меньше пизди.

– Никогда не была на таком Дне рождения.

– Я б тоже никогда не была, если б он не был моим дядей.

Саша примчал неожиданно быстро, снова с цветами для обеих и с подлёта поцеловал меня в щёку. Вместо "здрасьте" и "спасибо" мы дуэтом спросили:

– А как ты узнал в какой мы пиццерии?! Их тут чёртова туча.

– А приличная одна на весь микрорайон. – пояснил нам, – Если б вас тут не оказалось – позвонил бы. Так. Что едим?

– Да мы уже. – пожала я плечами.

– Не будете добавки?

– Нет. – замотали мы головами.

– Ну, как хотите. – и заказал себе пиццу.

Мы допивали своё пиво, Саша доедал и попросил счёт.

Мы полезли в сумки за кошельками.

– Девочки. Я неудачно пошутил в нашу прошлую встречу. Будьте милосердны, пожалуйста, не нужно мне об этом напоминать каждый раз. Я оплачу. Вы с мужчиной.

Переглянулись, но спорить не стали.

Вышли на улицу.

– Так. Вас кого куда?

– Меня в общежитие. – сказала я.

– А я пошла на остановку. – ответила Ира.

– Не пойдёт. Где ты живёшь?

Ира назвала адрес.

– Хорошо. Тогда сейчас завезём Юлю по пути, а потом я отвезу тебя.

– Ок. – согласились мы и уселись в машину с любезно распахнутыми нам дверями.

Высадилась я, расцеловались, шепнула подруге: "Приедешь, набери." и ушла домой.

Ира позвонила минут через 30:

– Ну, я дома.

– Всё в порядке?

– Да. Хорошо доехала. Всю дорогу распинался какая ты чудесная и прекрасная и как ему нравишься. Вот сразу видно, что человек тебя плохо знает. – подколола подруга. – Сегодня прям золотой мужик. Не доебаться. Хер пойми. Чё с цветами опять делать?

– Подрежь и поставь в вазу.

– Максу чё говорить?

– На хуй пошли.

– И то верно. – засмеялась Ира. – Обнимаю, целоваю!

– И я тебя.

Неделя прошла относительно спокойно. Учёба, телефонные разговоры, поход к родственникам за заслуженными пиздюлями.

– Юля. Ты мне доверяешь? – вопрошал трагическим голосом с соответствующим лицом дядя.

– Нуууу… Немного.

– Вот, пожалуйста, давай хотя бы я буду знать где ты?

– Я подумаю.

– Юля. Прошу тебя, если ты ни с кем не выходишь на связь – напиши мне "Живая" или просто "Здрасьте", или смайлик какой пришли.

– А если у меня два дня сети нет? – ляпнула не подумавши я.

– А в каких ты таких местах бываешь по два дня, где нет сети?! – мгновенно среагировал дражайший родственник.

– Мне пора! – засобиралась на выход я. – Назадавали тааааакую кучу!

И ломанулась в двери, теряя туфли по прихожей.

1992 год. Мне 7 лет.

Как только я пошла в школу, мама уволилась с работы, чтобы "следить за ребёнком". Слежка подразумевалась тотальная – проверялся портфель и карманы, обнюхивалась я и мои вещи, регулярно проверялись тетради и перетряхивались учебники. Записка, запись в учебнике, оставленная предыдущим учеником и т.д. и т.п. По каждому случаю проводилась проверка.

Вот как пример – дознание о привычке табакокурения:

– Ты куришь?

– Нет. – говорю семилетняя второклассница я.

– То есть, Лёша курит, а ты нет?

– Нет.

– Что "нет"?! – голос повышается.

– Не курю.

– А Лёша?

– Не знаю.

– Не знаешь или не видела?

– Не знаю и не видела.

– А запах от него есть?

– Я его не нюхала! – недоумеваю я.

– А он говорил, что курит?

– Нет.

– Не говорил?

– Нет.

– Вы же вместе в школу ходите! – всплескивает руками мама. – О чём вы говорите?!

– Иногда о школе, иногда о дворе, иногда ни о чём, а просто собираем каштаны.

– А его мама сказала, что Лёша курит.

Я молча пожимаю плечами, искренне недоумевая при чём тут я к Лёшке и его маме. А к их курению и подавно.

– Что ты плечиками дёргаешь?! Говорить не хочешь, да?

– Я сказала.

– Что ты сказала?

– Что я не курю, а про Лёшку не знаю.

– Вот только узнаю, что ты куришь! – кричит мне в лицо мама и замахивается для удара, – Сразу по мозгам получишь!

Я зажмуриваю глаза и опускаю голову.

– В глаза мне смотри!!! Ты глянь! – это уже отцу. – Она в глаза мне не смотрит!!! Врёт!!! Такая сопля, а уже брешет!

– Валь, ну может, правда не курит? – сомневается отец.

– Да, конечно!!! Что она – самая умная тебе? Лёшка курит, а она нет?! Любка сама рассказала! А ей баба Маша сказала! Она его вчера весь вечер била!

– Любка пусть сама сначала бросит. – резонно замечает папа.

– Серёжа! Воспитанием детей надо заниматься! – нравоучительным тоном говорит мама. – А не так, как ты! Зачем ты ей жвачки покупаешь?! – и снова мне, – Я тебя, лярву, последний раз спрашиваю! Ты куришь?!

– Нет. – не поднимаю голову я.

– Ты куришь?! – мама трясёт меня за шкирку и орёт. – Куришь?!

– Нет!!! – уже кричу я.

– Чё ты орёшь?! – прилетает мне пощёчина. – Кто тебе разрешал орать на мать, курва малолетняя!!! Я тебе подруга что ли?! На улице так будешь разговаривать! Если я спросила, будь любезна отвечать!!!

Экзекуция меня за то, что сосед Лёшка, вроде бы как, со слов столетней бабы Маши, курит, продолжается уже долго и я срываюсь в слёзы.

– Нет! Ты посмотри на неё! Чё ты кривляешься?! Нежная какая!!! Доведёт мать, а потом стоит хнычет! Что ты ноешь?! – снова замахивается, – Иди отсюда, чудовище!!! Глаза б мои тебя не видели! И ты ещё! – это уже отцу. – Что ты молчишь?! Тебе дела нет до того, что она курит?! Вечно то в гараже, то со своими проститутками! Только б не дома!

– Валя. Иди на работу, а?

– Куда идти в этом городе?! На трёхкопеечную зарплату?!

– Валя. Не надо зарабатывать. Надень платье, накрась губы и будь среди людей. Ты ж звереешь. Я зарабатываю. Нам хватает.

– Я зверею?! Плохая тебе?! – снова орёт, – Я поняла. Это чтоб я дома не сидела. И не знала где ты и с кем ты. Эта пусть курит! Ты по бабам таскайся сколько влезет! Нет уж. Я, Серёжа, не для того замуж выходила, чтоб на работу ходить. Понял?!

– Ну, и сиди дома круглосуточно хоть всю жизнь! Только нервы не трепи ни мне, ни ей!!!

– И вообще. Это только дураки работают.

– Как я? Я, по-твоему, дурак?!

Я в соседней комнате сую голову под подушку и плачу.

И ежевечерний обзвон подруг и родственниц. Нарочито громко, чтоб я слышала негодование:

– Моя! Представь себе! Курит! Ничего не нашла. Не пахнет. Лёшка Любкин курит, а они вместе в школу ходят! Моя ж тоже, наверное. Весь вечер её пытала! Упёртая! Не признаётся ни в какую! Спроси у своей (своего) курит моя Юлька или нет? Они ж дружат. И за своей (своим) следи. А то ж знаешь. Не уследишь. Потом поздно.

В кратчайшие сроки маленький провинциальный городок оповещён, что семилетняя Юля курит. Её мама жалуется. Кто-то что-то домыслил, кому-то сказал, грязным языком добавилась мысль, что раз мы с Лёшкой в школу ходим вместе, курим вместе, в гости друг к другу не ходим, значит курим за гаражами и вообще НЕИЗВЕСТНО ЧЕМ ТАМ ЕЩЁ ЗАНИМАЕМСЯ.

А тут ещё соседские детсадовцы младшей группы оказались застуканы в тихий час на моменте показывания друг другу анатомических различий мальчиков и девочек.

Следующая часть Марлезонского балета.

– Показывали друг другу! Это ещё неизвестно кому ТЫ что показываешь! А?! Ты кому показываешь?!

– Никому.

– Что ты врёшь, брехло?! Говори!!!

Я молчу.

– Что ты молчишь?! Почему тебя пытать нужно вечно?! Говори перед кем уже подол задираешь! А то потом люди расскажут! – прилетает подзатыльник, – Одноклассница твоя, Надя, приходит домой и всё маме рассказывает! А ты! Пошла вон, дрянь! – и уже отцу, – Это ты свои кассеты не прячешь, а она смотрит!!! Растёт чёрт знает что! Такая же будет распутная и развратная как ты!

И вечером в телефон:

– Ты слышала?! Гришка с Машкой чё в садике натворили?! Ага. По четыре года, а что делают. Дай, думаю, у своей спрошу. Ума попытаю. Она глаза в пол и не признаётся. И орала, и трясла, и била. По херу ей. Так и не призналась. Бессовестная. Да вот же. Акселерация. Ещё родит, не дай бог! Допоказываются.

Соседка Вика накануне Дня рождения своей мамы стащила деньги из её кошелька, купила на них духи в ларьке и торжественно презентовала. Мамы побеседовали, повосхищались находчивостью, повозмущались фактом кражи и разошлись.

После обеда началось у нас.

– Юля. Ты брала деньги из моего кошелька?

– Нет.

– У меня были купюры (перечисляет) и этой нет.

Я пожимаю плечами.

– Ты взяла?

– Нет.

– Признайся. Сразу по-хорошему признайся. Не трепи мои нервы и не заставляй тебя бить!

– Мам. Я не брала, я не знаю.

– Не мамкай!!! А кто тогда?! Мы с тобой дома вдвоём! В магазине было столько-то денег. Купила я вот это и вон то, заплатила столько-то. Сколько должно остаться?!

– Столько-то. – в уме посчитала я.

– На, считай!!! Сколько осталось? – машет кошельком. – Ты меня за дуру не держи! У меня высшее экономическое образование!!! Ты – сопля ещё, чтоб меня дурить! Говори сейчас же!!!

– Я не знаю.

– Что ты не знаешь?! А!!! Вот оно что! Ты как раз же из дома выходила!!! Херню какую-то купить бегала! И не признаёшься!!!

– Ма. Я у Лены была. Книжку ей относила.

– Что ты врёшь?! Не видела я никакой книги! Ничего ты не относила! Говори что купила!

– Ма. Я не брала деньги и ничего не покупала.

– А кто брал?! Я дура, да? Ты так считаешь?! Мне сейчас магазины и ларьки в округе обойти и спрашивать что ты покупала?! Это хорошо, что я сразу заметила!

– Иди.

– Вот ещё! Она деньги спёрла, а я доказывай! Признавайся!!!

Без малого 30 лет прошло с того дня. Дознание началось в 15.20. Я ждала мультфильм. Папа пришёл в 20.45, а ещё ничего не закончилось.

Пять часов я стояла на своём. Не брала.

– Ты представляешь? Эта сучка свистнула деньги из моего кошелька, сбегала что-то купила и не признаётся! Упёрлась!!!

– Ну, может, не брала? – спросил папа.

– Я тебе дура что ли?! Что вы тут из меня идиотку делаете?! Я тебе говорю, что это она взяла!!!

Мамин взгляд упал на игрушку из "Киндер-сюрприза", которую она не видела или не обращала внимания и снизошло озарение:

– Так вот же!!! Она "Киндер" купила!!! Украла у меня деньги, чтобы купить!!! – мама торжествовала. Преступление века раскрыто доблестным сыщиком!

Я не могла сказать, что эту игрушку выменяла у соседки неделю назад, потому что меня, зарёванную, лохматую, охрипшую сейчас же поволокли бы на "очную ставку" среди ночи через весь подъезд. Мне хватало позора по жизни. Слабое место было найдено.

Я призналась.

Я призналась в краже денег.

Я призналась в покупке "Киндер-сюрприза".

Я призналась в том, чего не делала.

К 22.30 мне добавили физического наказания ремнём. К подзатыльникам и поджопникам. И, захлёбывающуюся истерическим плачем, отправили спать.

Неимоверно гордая собой и своими воспитательными методами мама, полночи рассказывала по телефону всем желающим слушать: «Какая же дрянь растёт! Врёт. Ворует. Кассет его насмотрится и начнёт повторять! Ужас! Что же с ней делать? Хоть бей, хоть убей. Всё без толку.»

А на следующий день. При мне. Мама нашла в кармане своего пальто купюру номиналом 10 рублей. Собственно, куда она её и положила, взяв сдачу. "Киндер-сюрприз" стоил 9 рублей 50 копеек.

К моему незавидному багажу пристрастий и привычек, навешанному родителями, добавилась "воровка". И мои ровесники, которым рассказали мамы поучительную историю о преступлении и наказании с выводом: "Всё тайное становится явным", одарили меня прозвищем, что само по себе было большой трагедией в компании 7-10 леток и заставили занимать своё время чем угодно, кроме общения. Мамы были только за, потому как наконец-то избавились от злостной курильщицы и развратной воровки, которая со дня на день дурно повлияет на их детей.

Таким образом, всё своё свободное время я начала проводить в библиотеке. Туда, кроме меня, никто из сверстников по доброй воле не ходил. Прозвище быстро забыли, но из детской и подростковой жизни двора я выпала.

Так же. Каждый родственник, каждая подруга мамы, каждый друг папы, кумовья и т.д. и т.п. при встрече со мной считали своим священным долгом посетовать о невероятных труд-

ностях моего воспитания, посочувствовать родителям, а так же посоветовать мне перестать трепать им нервы, объясняя это тем, что все вокруг без исключения желают мне счастья. На моё молчание в ответ на прекраснейшие воспитательные монологи от нереализовавшихся последователей Макаренко и Сухомлинского, порой даже пьяных в стельку, я получала тычок в спину: «Слушай, что тебе говорят!» и пояснение оратору: "Она у нас такая бука!", сопровождающееся весёлым смешком. А чуть позже меня выучили фразе: "Спасибо. Я буду слушать папу и маму."

Но весь прикол был в том, что за свои поступки я отвечала редко, а за чужие постоянно.

Кто бы что не начудил, откуда бы не упал, что бы не сломал/ сжёг/ взорвал/ затопил/ сказал/ показал/ потерял… Эту ситуацию в обязательном порядке примеривали на меня, определялись может быть подобное в моём исполнении или нет, укреплялись в мнении, что конечно же может, потому как если умные дети такое делают, то их дура точно сотворит и подкрепляли мораль физическим нравоучением. Для профилактики. Чтоб не вздумала.

Несколько лет назад я задала вопрос маме:

– Если я украла деньги, то откуда они взялись в твоём кармане?

– Ты испугалась и подбросила мне их!

– Ма. По твоей версии я их потратила на шоколадное яйцо. Где я взяла деньги, чтобы подкинуть их тебе?

– Ой, какая ты злопамятная! Пора забыть уже. Зато ты знаешь, что воровать нехорошо.

Нет. Я сделала совсем другие выводы.

Слишком рано мне дали понять, что можно обвинить совершенно невиновного, выбить признание всеми возможными рычагами давления и наказать. А потом назвать это "воспитанием". И жить дальше совершенно спокойно.

9

Октябрь 2003 года.

В субботу с утра пораньше начала приводить себя в порядок, надела своё вечернее платье, созвонилась с Ирой, вызвала такси и поехала на День рождения.

К главе крупнейшего южного города.

Ага.

Дома у Николая Семёновича я уже была по старинному студенческому обычаю – таскаться с подругами куда попало.

Ворота украшены цветами и шарами, на парковке перед домом дорогие машины, на входе два совершенно одинаковых, на первый взгляд, мужчины в костюмах спросили мою фамилию. Кивнули и пропустили во двор. Меня догнала Ира со своей мамой Наташей под ручку и мы вошли в холл.

Знаете, есть шутка про то, что в холле можно поставить аквариум с бегемотами и он совершенно не будет бросаться в глаза? Вот это был именно такой холл. И по размеру и по количеству красиво подобранных деталей интерьера.

Лощёные мужчины в подогнанных тютелька в тютельку костюмах, ухоженные женщины в шикарных платьях и бриллиантах. Нищая студентка ветфака в своём единственном платье. Улыбающийся Марат с бледной как смерть Мариной. И Сергей. С квадратными глазами.

Мы чуть припозднились и все гости уже были на месте. Сразу направились к имениннику.

– Здравствуй, дядя! – поцеловала его Ира. – С Днём рождения тебя! Долгих лет жизни и всего самого доброго!

– Спасибо-спасибо, дорогая племянница! – улыбался Николай Семёнович, – Здравствуйте, Юля! – протянул мне правую руку ладонью вверх. (Полсекундное зависание. Блядь! Это я должна сейчас сунуть ему свою левую для поцелуя. Сука. Какая у меня левая?! И положила пальцы в ладонь.) – Спасибо, что приняли моё приглашение и посетили наш скромный домашний праздник! – поцеловал руку, но не отпускает.

– С Днём рождения, Николай Семёнович! – заметила краем глаза донельзя удивлённого Сергея, – Очень польщена вниманием! От всей души желаю оставаться вам таким же приятным во всех отношениях, обаятельным мужчиной.

Николай Семёнович всю свою жизнь был отъявленным ловеласом и нарциссом, что изрядно попортило нервную систему его супруги, тем более, что никакие разницы в возрасте и социальном положении не смущали от слова "совсем", но Надежды Валентиновны рядом не было и я позволила себе тоже нарушить этикет.

– О, благодарю, прекрасная Юленька! Мне все желают последнее время, то долгих лет жизни, то материального благополучия! – продолжал держать мою руку в своей, – Ох, уж этот возраст… И только настоящая женщина может разглядеть мужчину в старике!

– Ну, что вы, Николай Семёнович! Ваша харизма с лихвой компенсирует ваш возраст. А если принять во внимание импозантность, блестящее воспитание и прекрасный внешний вид, то слово "старик", уж простите, совершенно неуместно по отношению к вам.

Мы расцеловались и двинулись с Ирой к ближайшему столу с шампанским.

Встретилась взглядом с Маратом и подмигнули друг другу.

Поздравления, фуршет, поздравления, фуршет, поздравления, фуршет, салют, торт.

Подруга беседовала с мамой и тётей, а я с блюдечком тусила на террасе, потому как имею обыкновение принародно и феерично уляпаться едой, параллельно уделав ещё и окружающих. Жрущая, вдали от всех я – залог приятного вечера.

Ко мне подошёл Сергей, которого я весь вечер ловила боковым зрением.

– Что ты здесь делаешь?

– Тортик ем. – пожала я плечами.

– В этом доме что ты делаешь?!

– Пришла на День рождения и ем тортик.

– Юля.

– Серёжа.

– У тебя тайн не меньше. – вздохнул Сергей. – За что мне всё это, Юля?

– А это, Серёженька, тебя засранца, Вселенная наказывает. За грехи твои тяжкие.– понесла я околесицу после нескольких бокалов шампанского. – Ты не расстраивайся. Тортик хорош безмерно. Пробовал?

– Я отвезу тебя.

– Не надо. Спасибо. – ответила я и ушла в дом.

Подошла к Ире.

– Я домой поеду. Оповещать же никого не надо?

– Не, не надо. Пойдём, я тебя провожу и покурю, пока такси едет. Ты, если хочешь, можешь остаться. Гости уже скоро разъедутся и мы своим кругом будем.

– Спасибо, дорогая. Успеваю вернуться. Я здесь ни к чему.

Подъехала машина, мы пообнимались.

– Маякнись, как приедешь, Шпуль.

– Ок. Пока-пока.

– Где ты была? – смерил меня взглядом Тарас, насупился и по-бычьи опустил голову.

– Знаешь рифму к слову "где"? Подсказку дать?

– Я тебя второй раз спрашиваю. Где ты была?

– Ты лучше в первый раз подумай! Права морального не имеешь интересоваться. А вообще. Не думай. Бесполезное занятие. Всё одно хуйня получается – хоть так, хоть эдак.

– Чё ты обостряешь?

– КудЫ ж дальше? Дай пройду. Я устала.

– Я тебя жду весь вечер. – схватил меня за руку.

– Зачем?! Зачем ты меня ждёшь?!

– Я соскучился. Давай поговорим?

– Да иди ж ты под три пизды со своими разговорами. Дай пройду! – уже повысила голос, выдернула руку и прошла в двери общежития.

Скотина такая. Соскучился! А я теперь нет!

Юля… Да кому ж ты врёшь? Себе! Дожила. Строишь из себя хер знает что, а сама ж только и думаешь о нём. И ничего не думаю! Пройдёт. Всё идиотские планы строишь о том, как помиритесь и всё будет замечательно. Не, ну а вдруг он понял? Юля. Единственное, что он понял, так это то, что ты – тварь бесхребетная и об тебя можно бесконечно вытирать ноги. Есть у тебя, идиотина, гордости хоть чуть-чуть?! Один раз нормально дай понять, что всё закончилось и живи дальше. Я же могу сейчас просто позвонить и уехать с ним. Как раньше. Ага. Да. А потом опять таблетки жрать и вскрываться! Так. Всё. Угомонись, дурища. Предавший однажды, предаст и второй раз. Выкинь эту хуйню из головы. Подумаешь, первый! Чё теперь? Берегла девичью честь. Гляньте на неё. По любви она. Не последний. Не убивайся. И вообще. Клин клином вышибает.

Вот что-то подобное кублилось в моей нетрезвой голове. И зрело одно из самых идиотских решений в жизни.

Под окнами заиграла песня Быкова "Любимая моя". Заиграла. Заорала на всю округу! Я выглянула с балкона – по мою душеньку. Извольте быть счастливой признанию в любОви.

И такая меня злость взяла, товарищи милые. Как никогда.

– Чё за балаган под окнами? Тебе день что ли? Люди спят. – спросила я в телефон.

– Давай мириться! Пожалуйста.

– Слушай сюда, менестрель хуев- кукуев. Свали в закат, пожалуйста.

– Нет.

– Как человека тебя прошу. Иди на хуй, по-хорошему. Не выводи меня из себя. Обратно ж не загонишь.

– А что ты сделаешь?! Я и так к тебе не могу подойти ближе, чем на метр! Что ещё хуже может быть?!

– Ещё? Щас придумаю. Будь спокоен.

Я оглянулась по сторонам. На балконе стояла двухлитровая банка с консервированными помидорами и вздувшейся крышкой. Принимая во внимание прошлый опыт с томатным соком, как только заметили нелады – сразу выставили на балкон, не дожидаясь пока рванёт под кроватью, выпугает в смерть и задаст уборки на полночи. А выкинуть пока некому. Вот и пригодилась.

– Хм. Ну, смотри. – сказала я, и размахнувшись, шарахнула банкой в машину. Пока она летела, я на секунду подумала, чтоб в клоуна не попасть, а то, знаете ли с третьего этажа то ещё удовольствие, если этот снаряд на голову упадёт. Сидеть ещё за него. Оно ж скотина, а дадут как за человека.

Ну, и попала. В машину. Аккурат в лобовое стекло.

Бомбажную банку разорвало на молекулы и картинными брызгами разметало по всем близлежащим поверхностям. Под фонарём херово, правда, видно. Утром красивее будет.

– Так понятнее стала моя просьба выключить музыку и уехать?

– Ебанутая… Машине неделя… – прошептал в трубку. – Я тебя убью.

– В очередь, сукины дети! В очередь! – проорала я с балкона Булгаковскую фразу и отключилась.

Зато сразу воцарилась тишина.

Я достала из платяного шкафа початую бутылку коньяка и прихлебнула. На пьяную-то от шампанского голову. На часах двенадцатый час ночи. Самое время кому-нибудь сообщить о том, что я в хорошем настроении и поискать приключений на свои вторые девяносто. Кому я вру? Там только восемьдесят шесть.

– Привет.

– Привет, малыш! Как дела?

– Хорошо. – ответила я и ещё прихлебнула.

– Хотел заехать, но не успел. Даже не стал звонить и беспокоить. Сейчас уже сильно поздно?

– Да нет. Я не сплю. И пока не собираюсь. – снова сунула морду к бутылке.

– Можно приехать?

– А чё нет?

– Серьёзно? – не верил Саша.

– Дааа!

У меня было чуть времени, чтобы умыться, снова накраситься и переодеться.

– Я на месте!

– Бегу! – пробежала в чулках с третьего этажа на первый и обулась.

– Тёть Ир, выпустите меня, пожалуйста!

– Ох, молодо-зелено! Беги давай!

Мне навстречу подошёл Саша и подал удивлённой вахтёрше в открытую дверь огромную коробку конфет.

Целоваться мы начали в машине.

– Куда? – спросил Саша.

– Куда захочешь. – ответила я.

Утро следующего дня я встретила в кухне его дома.

Сидела на диване, замотанная в полотенце, подперев щёку рукой, с кружкой кофе и наблюдала как падают капли с длинных мокрых волос на моё бедро с явным фиолетовым следом от укуса.

– Малыш, у тебя потрясающая кожа!

– Угу…

– Всё в порядке?

– Ага…

– Где у тебя первая пара?

– В зоофаке. Но меня, пожалуйста, в общежитие.

– Да конечно! Учиться, учиться и учиться! Как завещал дедушка Ленин. Знаешь кто это такой? В школе хорошо училась?

– Хорошо. Знаю. Саааш. Нахер мне культурология? У меня и так культура изо всех щелей прёт, шо не заткнёшь.

– Это да. Во сколько заканчивается учёба сегодня?

– А мне откуда знать? – пожала я плечами.

– Как это?! – удивился он. – Ты не знаешь расписание?

– Я знаю, что сегодня первая культурология. Мне этого достаточно. На неё я не хожу. Всё.

– Я в обед тебе наберу. Спроси у кого-нибудь. Давай завтракать.

Завтрак.

С того дня прошло 17 лет.

Я страшнее завтрака не видела ни до, ни после. Особенно, если принять во внимание, что я вообще до обеда есть не могу, не хочу и меня жутко раздражают запахи.

Представьте себе.

Холодного копчения скумбрия.

Апельсин.

Чашка чёрного кофе.

– Рыба – это полезная омега и белок. Апельсин – витамины. Кофе – для бодрости и просто люблю. – пояснил на мой ошалелый взгляд Саша, а я унеслась бодрой рысью блевать от вони копчёной рыбы.

– Тебе плохо? – ломился в туалет, – Вызвать "Скорую"?!

Я из сортира, стараясь не дышать, выбежала на улицу, следом за мной Саша:

– Что не так?

– Саш. Приятного аппетита. Я тут погуляю. Буду очень благодарна, если ты принесёшь мой недопитый кофе.

– Только не кури. Курить натощак, да ещё под кофе – вредно!

– Да, я знаю. Жизнь вообще вредная штука. От неё умирают.

И через полчаса Юлю повезли учиться по завету дедушки с хитрым прищуром, Ильича.

Позвонил в обед:

– Ты уже отучилась сегодня?

– Да. В курилке тусим. По традиции.

– Я на парковке.

– Докурю и приду.

– Юля. Я сейчас дойду до курилки и утащу тебя за руку. Ты этого хочешь?

– Нет, спасибо. Я докурила.

Села в машину:

– Саш, чё за хуйня, а?

– Давай, пожалуйста, без мата и пристегнись. Я очень тороплюсь и приехал за тобой из другого конца города.

– Зачем ты приехал? Я в общагу.

– Ну, Юль. Давай я тебя ко мне отвезу. Пожалуйста.

– Ок. Но мне всё равно надо в общагу. Я сегодня весь день светила резинкой чулка в разрезе юбки, вызывая интерес не только однокурсников, но и преподавателей. Тем более, что мне на завтра нужен халат.

– Обоснованно. Едем.

Я скинула в кулёк своей одежды, мыльного-рыльного и присела на свою кровать.

Юль. Ты куда? А зачем? А почему? Он тебе нравится? Ты с ним жить собралась?! Или что ты хочешь? В голове сферический конь в вакууме. Врождённый.

– Тебе помочь с вещами?

– Не надо. Справляюсь.

И я вышла. Вышла, блядь, из общаги. Клин клином говорите?! Назло маме отморожу свои уши, скажу я вам! Вот как это называется.

– Отдыхай. Я после 17.30 приеду. Если что – звони по любому поводу. Будешь курить – не сожги, пожалуйста, дом. Ещё. Смотри. Это микроволновка. Сейчас покажу как включать.

– Саш, у меня дома практически точно такая же. Я умею пользоваться.

– Да ну? – не поверил мне и искренне удивился.

– Да. Родители ещё в 1996 году купили.

– Не рассказывай сказки! В том году ещё даже в моей семье микроволновки не было! Не то, что в твоей! И где мы живём и откуда ты! Не строй тут из себя. Смотри. А то поломаешь. Вот сюда повернёшь и сюда нажмёшь. – проводил мне инструктаж. – Запомнила?

Я кивнула. Уехал.

Походила по дому и позвонила подруге.

– Ир. Привет. Ты занята?

– Привет, моя хорошая. Говори.

– Ир. Я у Саши.

– О, как. – коронная фраза от подруги. – Ну? Всё было, я так понимаю?

– Да.

– И чё? – заволновалась, – Хуёво?!

– Пойдёт, наверное. Мне особо не с чем сравнивать..

– А чё с голосом-то? Чё не так?!

– Не знаю. Всё не так. Всё неправильно.

– Шпуль. Хватит делать трагедии на ровном месте. Не так? Езжай в общагу и страдай по своему Тарасу дальше. Адекватные претензии есть?

– Нету.

– Ну, вот как будут, тогда будешь бубнеть. Я побежала. Позже наберу. Целую!

Когда в голове бардак, я всегда стремлюсь занять руки. Так и в этот день. Пролезла с тряпками, шваброй и пылесосом по всем углам дома, а потом опомнилась – так-то никто не то, что не просил, а и не разрешал. Юля, ты в гостях. Ладно. Обратно раскладывать пыль не буду.

Повалялась в ванной. Переоделась в свой халат и битый час прошароёбилась из угла в угол до приезда Саши. Явился с цветами.

– Привет, малыш! Как чисто в доме! Ты убиралась! Моя ты умница! Хорошо. Теперь уборщице платить не нужно будет. Всегда волнуюсь, что украдёт что-нибудь. Поставь в воду. Переодевайся, поехали ужинать.

После ужина, пока ехали домой к Саше, оповестил что нужно заехать к знакомому на несколько минут. Я кивнула.

Остановились, достал из бардачка ежедневник, а мне на ноги упала пачка денег перемотанная резинкой.

– Ой. – поднял, закинул обратно и убежал.

Саши не было минут двадцать. Я успела два раза покурить. Вернулся. И достав деньги из бардачка начал демонстративно пересчитывать.

– Молодец. Не взяла.

– Что? – не поняла я.

– Говорю, что ты молодец. Могла бы и достать пару купюр, подумав, что я не замечу. Всегда такую проверку новым девушкам делаю. Заметила? Специально долго не приходил.

– И было такое, что не досчитался?

– Было, конечно! А ты и подавно должна была взять. Ты ж из бедной семьи. И студентка. Ну, теперь я тебе верю.

Я настолько ошалела от подобного умозаключения, что не нашлась что сказать.

Ужин в ресторане. Совместная ночь. Учёба. Ожидание Саши с работы. Домашние дела. Ужин в ресторане. Совместная ночь… И так по кругу почти две недели. Квартирная кошка с выгулом на поводке.

– Саш. Я хочу с подругой встретиться.

– С какой? С Ирой? Если с Ирой, пусть приезжает к нам.

– Нет. С Дашей. Хотим поболтать под бокал вина.

Взял мой телефон. Покрутил в руках и начал методично клацать.

– Что ты делаешь?

– Удаляю номера телефонов.

– Зачем?! – охренела я и потянулась в его сторону.

– Они тебе не нужны. – встал и отошёл в другой угол комнаты.

– Я, может, сама решу кто мне нужен? Дай сюда телефон.

– Я не хочу, чтобы ты со всеми подряд общалась. Оставил номера папы, мамы, свой и Иры. Вполне достаточно. И к подруге ты не поедешь. А теперь даже и не позвонишь. И вообще. Я договорюсь, чтобы тебя на заочку перевели. Нечего мальчикам глазки строить.

– Саша. А может, я сама решу, что мне делать?!

– Что ты всё "решу-решу"? Женщина, в принципе, не может принимать решений. Для этого есть мужчина. Я знаю, что для тебя лучше.

Сказать, что я охуела – это как ничего не сказать, а просто пожать плечами.

На следующий день я не ответила на звонок Саши в обеденный перерыв и не дожидаясь последней пары, сбежала в общежитие.

Позвонил незнакомый номер.

Они, сука, теперь все стали незнакомые!!!

– Да?

– Привет.– сказал Сергей.– Только спокойно отреагируй, пожалуйста. Очень тебя прошу.

– Валяй…

– Где ты?

– В общаге.

– Я сейчас к тебе приеду. Ровно на одну минуту. Не ругайся со мной с порога.

– Зачем?

Вопрос остался без ответа. Сергей отключился, а я записала номер.

Поднялся в комнату и вручил подарочный бумажный пакет:

– Я не могу тебе объяснить происходящее, но возьми это.

– Ты нормальный?! Это пистолет! – заглянула я в кулёк.

– Да. Огнестрельный. Он совершенно чистый. Без истории. Ты уже из такого стреляла. Помнишь? На даче. У меня небольшие проблемы. Могут надавить через тебя. Вероятность, что ты пострадаешь очень и очень мала, но я волнуюсь. Не думай ни секунды. Стреляй.

– Серёжа, а чё за хуйня-то?! – тупила я, – А если я кого-нибудь угандошу с перепугу?!

– Твоя задача – остаться живой. Но думаю до этого не дойдёт. Надеюсь.

– Серёжа, а за незаконное хранение мне сколько сидеть, если что?

– Нисколько. Утром пишешь заявление в свободной форме о находке с актуальной датой и спокойно носишь с собой. В случае, если вдруг его у тебя найдут, спокойно, без сопротивления, доброжелательно таращишь глаза, как ты умеешь и утверждаешь: "Нашла. Несу сдавать." и звонишь мне. Всё. Пока.

Подался вперёд, поцеловал меня в макушку и уехал.

Заебись. Пистолет. Вот же ценное приобретение. Ума не приложу – как я раньше без этого счастья жила? Задумчиво покрутила в руках, достала обойму, воткнула обратно, перевела предохранитель на боевой взвод, потом обратно на предохранение и положила в сумку. Тяжёлый, сука. Теперь и сумкой навернуть, так черепно-мозговая травма обеспечена.

Стук в дверь. На пороге стоит Саша.

– Юля, что за игра в прятки? Я звоню, а ты не берёшь трубку! В чём дело? – сразу заорал.

– Саш, сбавь тон. Пожалуйста. Ты меня пугаешь.

– Юля. Ещё раз спрашиваю! В чём дело?! Ты хочешь меня потерять? Ты не хочешь быть со мной?

– Не хочу. – выдохнула я.

– Хорошо. Юля. Достаточно об этом просто сказать. Не надо прятаться. Я не мальчик, чтобы за тобой бегать. Поехали, заберёшь свои вещи и вернёшься на такси. Я уважаю твоё решение.

– Прекрасно. – обрадовалась я.

Дома у Саши меня ждал филиал ювелирного магазина.

– Выбирай, что нравится. Я собрал на свой вкус. Что не подойдёт – верну обратно. Решить нужно сегодня.

Я дикими глазами смотрела на кучу золота в бархатных подложках, разложенных по обеденному столу.

– Саш, я за вещами приехала. Заберу и уеду.

– Смотри! – будто не слышал меня. – Вот эта цепочка с вот этой подвеской… Красиво же? Тебе нравится?

– На собачью медаль похоже. "За верность хозяину."

– Вот, тогда смотри это… – перебирал в руках украшения.

– Саш. Я за вещами. Спасибо. Не нужно.

– Ладно. Давай так. Поедем поужинаем. Поговорим. А потом уже заберёшь свои вещи и я тебя отвезу. Обещаю.

– Хорошо. – почему-то согласилась я.

Ужин проходил спокойно и вкусно. Я цедила коньяк и была в почти хорошем настроении.

– Юля, что всё-таки, тебе не так? Я к тебе со всей душой.

– Саш. Я ошиблась. Я зря морочу тебе голову. Ты приятный мужчина и достоин хорошей девушки. Но я… Саш. Я люблю другого. Это нечестно по отношению к тебе, в первую очередь.

– Юль, ну это только в кино любовь с первого взгляда и на всю жизнь. Подумай. Может, привыкнешь? Я же по-хорошему прошу.

– А может быть по-плохому? – подняла я бровь.

– Может, Юля. Конечно. Я просто так не отступлюсь.

– Ты пугаешь? У меня от страха атрофируется именно та часть мозга, которая отвечает за всё.

– А ты боишься? – захохотал Саша. – Будешь хорошей, послушной девочкой и всё будет замечательно.

Я отошла попудрить носик.

Нормальный расклад. Давай по-хорошему, а то будет по-плохому. Ок.

Когда я возвращалась, навстречу мне шла официантка с подносом в руках. То ли нога у неё подвернулась, то ли каблуком зацепилась… Не знаю. Только увидела как она, лицом вперёд, летит на меня. Я инстинктивно выставила руки. Её лицо я спасла, а колени и посуду – нет. На грохот повернулась все гости, которые были в зале. Одинокая кокотница, получившая инерционное движение, в гробовой тишине стучала ручкой под столом. Я помогла девушке встать, спросила всё ли нормально и мы начали собирать черепки, пять секунд назад бывшие посудой.

– Что ты здесь устроила?! – вздёрнул меня на ноги Саша.

– Это не я! – сказала я, подумав, что меня обвиняют в том, что сбила официантку с ног.

Хотя, я и могла. Но не в этот раз.

Саша кинул деньги на стол, схватил меня за предплечье и волоком потащил на выход. Я еле успела подцепить свою сумку.

– Позорище! Идиотка! Что ты творишь?! Чёртова сука! Дура! Плебейка! Тупая тварь! – зашвырнул в машину. – Я полжизни хожу в этот ресторан!!! Ненормальная!!! Мразота!!!

– Саша!!! Я не роняла официантку!!!

– Да хоть ногами её пинай!!! Нахуя ты лезешь к ней?! Нахуя ты полезла собирать посуду?!

– Чё? – не поняла я и на всякий случай пристегнулась, потому как мы не ехали, а низенько летели.

– Зачем ты к ней полезла?! Упала?! Пусть валяется, пока не уволят! В следующий раз будет под ноги смотреть!

– Она упала. Упавшему человеку нужно подать руку и помочь встать…

– Никто! Никто с места не сдвинулся! Ни один человек! Одна ты полезла поднимать!!! Ещё и посуду собирать!!! Юля!!! Это официантка!!! Просто официантка!!! Она должна тебя обслуживать, а не ты её с пола поднимать! Может, она вообще пьяная была?! Позор!!!

Мы на бешеной скорости домчали к дому. Саша выволок из машины спотыкающуюся на каблуках меня, дотащил до крыльца и швырнул на землю. Открыл дверь. Схватил за шкирку и пихнул внутрь.

– Зайди, блядь!!!

Теперь я зацепилась каблуком и уже сама упала.

– Ты, сука, напилась?! Ты спьяну решила, что она тебе подруга?! Ты, тварь, пить не умеешь?! В наркологию тебя пристроить, да?! – визжал Саша.

Сидя на полу прихожей, я подтянула по-турецки ноги и с искренним недоумением лицезрела концерт по заявкам телезрителей. Хоть и без заявки.

– Ты – дура!!! Конченная дура!!! Ты понимаешь это?!?! – тряс меня за плечи Саша, – Она— официантка!!!

Я стремительно трезвела и понимала (Наконец-то!!!) что мне делать.

– Ты дура, да?! Ты понимаешь, что ты – дура?! – визжал Саша, – Она официантка!!! Она – обслуживающий персонал!!! Не человек!!! Персонал!!! Единственное, что она умеет – подавать тарелки и доедать с них объедки!!! У неё нет ни ума, ни образования, ни денег, чтобы жить по-другому!!! И ты!!! Ты!!! Полезла к ней!!! У тебя совсем самоуважения нет?!

– Почему же? Есть. – сказала я, встала с пола, отряхнула юбку на жопе и сходила в кухню за своим кульком с вещами.

Саша стоял в пороге.

– Дай мне выйти. Пожалуйста

– Ты никуда не пойдёшь!!! – продолжал орать Саша. – Я так сказал!!!

– Саш. Успокойся, пожалуйста. Я боюсь, что тебя кондрашка хватит. И слюни летят во все стороны… Если я тебе должна что-то материальное – назови сумму. Физиологически точно не должна. Моральная компенсация подразумевает только словесное сожаление о том, что я не оправдала твоих ожиданий. – была я нарочито спокойной.

– Ты!!! Плебейка!!! Колхозница тупая!!! Неделю учу тебя не вылазить самой из машины!!!

– «ВылЕзАть». – поправила я.

– Ждать!!! Сука!!! Ты должна ждать пока я открою дверь и подам руку!!! Я тысячу раз предложил тебе купить нормальные вещи, но ты ходишь в своём тряпье!!! Как я тебя поведу знакомиться к родителям, если ты – такая?! Я готов вложить в тебя деньги, а ты!!! Ты!!! Упираешься!!! И ведёшь себя как быдло!!! Уму непостижимо!!! Кинулась поднимать официантку!!! Сказать стыдно!!!

И тут мне запахло Маратом с Мариной…

– Саша. Дай мне выйти. Разговор совершенно бессмысленный и бесцельный.

– Ты никуда отсюда не выйдешь, пока не научишься себя вести сообразно приличной компании!!! На будущей неделе поедем к моим родителям и ты должна нормально выглядеть и нормально разговаривать!!! К этому же дню брось курить! Мне нужны нормальные дети, а родителям нормальные внуки!!! Ты поняла меня?! Я уже маме всё о тебе рассказал и мы планируем свадьбу!

– Саша… – охуевала я, – Какая свадьба?! Дай мне выйти.

– Такая свадьба! Ты думаешь, что ты кому-то нужна?! Ты – не девственница!!! Тебе не стыдно?! В 18 лет не девственница!!! Думаешь, кому-то ты нужна?! Подстилка! Я согласен на тебе жениться, а ты, тварь неблагодарная, отказываешься?! Я с тобой занимался сексом и ты выйдешь за меня замуж!!!

– Саш… Ты совсем дурак, да?

– Я не отступлюсь!!! Ещё не хватало, чтоб меня бросила какая-то провинциальная девка! Ты глянь на себя!!! Ни кожи, ни рожи! Кому ты нужна?! Тем более, что я тебя уже трахнул! Я – твой единственный шанс устроиться в жизни!

– Саш… – пребывала я в состоянии полнейшего охуенеза, – Ну, не за всех же с кем спишь надо замуж выходить?

– Шлюха!!! – завизжал на ультразвуке Саша и отвесил мне пощёчину, – Проститутка!!! Шалава!!!

И всё встало на свои места. Отрезвляющая, во всех смыслах, пощёчина.

– Так. – тряхнула я головой. – Слушай сюда, адепт культа Нетронутой Писечки. Дай. Мне. Выйти. – сказала я и сделала шаг вперёд.

Саша выхватил откуда-то из-за обувницы пистолет, передёрнул затвор и направил на меня.

– Я тебе сказал! Ты никуда не пойдёшь! Иди в комнату!!!

– Хорошо. Давай так. – спокойно сказала я, покопалась в висящей на локте сумке, достала пистолет, которым меня накануне одарил Сергей и проделала те же манипуляции, что и Саша. – Дай. Мне. Выйти. Сейчас же.

– Откуда у тебя это?! – спросил Саша внезапно севшим голосом и выпучил глаза.

– Шутки закончились. Я не намерена больше тебя слушать. Если ты думаешь, что я не выстрелю, подумай ещё. Вякнуть не успеешь. Разделаю на куски и вынесу на помойку. Последний раз говорю. Дай. Мне. Выйти.

Он молча посторонился, я подхватила свой кулёк с вещами и боком, мимо него, держа перед собой пистолет, вышла спиной в двери и со всей дури шандарахнула, закрывая её.

Так-с. Вечер не задался.

За мной не пошёл.

Всё закрыто.

Возвращаться за ключами, пожалуй, не буду.

Несколько секунд пособображала, перекинула вещи и туфли на улицу и полезла через забор. "Лишь бы не свалиться и не покалечиться…" – думала я, пока скреблась ногтями по металлу. Хорошо, что есть за что зацепиться и не сильно высоко.

Тёмная улица. Редкие фонари. За полночь.

Подобрала свои пожитки, обулась и пошла прямо.

Дура. Правильно сказал. Форменная. Выйди куда-нибудь на свет, глянь адрес и вызови такси.

Блядь.

Хоть бы один номер вспомнить. Всё ж поудалял. Сволочь.

Остановилась покурить.

Меня меленько трясло. То ли от страха, то ли от злости, то ли от холода.

Юля. Ты сама это заслужила. Своей глупостью. Сама. Виновата только ты сама. Но такой хуйни не ожидала. А чего ты ожидала?! Блядь. А если бы вправду выстрелил?! Или я. Я могла. Домой. Надо идти домой. Не перестреляли друг друга – уже хорошо. Труп не прятать. И Серёже спасибо. Прям вовремя подогнал. Ну, всё нормально и закономерно. Скоро уже будет транспорт ходить. Доберусь. Никуда я не денусь.

Шла минут 40, наверное.

На другой стороне улицы машина.

Хер с ней.

Замедлилась.

Разворачивается через сплошную.

Подъезжает ко мне.

– Девушка! Можно с вами познакомиться?

Я молча повернула голову. Чёрный тонированный "БМВ". В машине вижу двоих. Бритые головы. Протокольные лица не обезображенные интеллектом и интеллигентностью.

Вас-то мне сегодня и не хватает для полного комплекта приключений, так сказать.

– Девушка! Что же вы одна гуляете тёмной ночью? Вдруг обидит кто! Дураков много.

"Уж, если кто и обидит, так это вы!"– подумала я, а вслух сказала:

– Да вряд ли. Я уже пришла. Почти.

(К утру, блядь, наверное, дойду. Если пешком.)

– Девушка, давайте мы вас подвезём? Ну, правда. Опасно же.

(Ценное наблюдение!)

– Ой, спасибо большое, ребятки. Не извольте беспокоиться, я почти уже дома.

Мне нужно было перейти дорогу и дальше вправо, но машина преградила мне путь и пассажир вылез:

– Девушка. Меня Иваном зовут. А это, – махнул рукой в сторону водителя, – Мой друг Миша. Как вас зовут?

– Юля.

– Очень приятно, Юля. Садись в машину. Довезём.

Деваться совершенно некуда. Ни единого человека. Бежать тоже не сильно вариант… Не стрелять же, в конце- концов?!

– Юль. Поехали. Ну, не тащить же тебя? – сказал Иван и подпихнул меня в сторону распахнутой задней двери.

Тащить.

Ну, то есть, меня в случае отказа готовы тащить. Я прикинула весовые категории. Дотащит. Без сомнений.

Вздохнула и шагнула вперёд.

На заднем сиденье лежала винтовка. И как-то сразу стало понятно, что не игрушечная с пластмассовыми пульками.

Я ещё раз вздохнула и села.

Захлопнулась дверь, Иван запрыгнул на своё пассажирское, мы тронулись, двери заблокировались. Вот прям совсем хорошо стало. Уютно.

– Куда ты идёшь среди ночи, Юля? – повернулся ко мне Иван.

– Домой. Очень хочется.

– А откуда? Почему тебя никто не провожает? Такси же можно вызвать. Зачем рисковать жизнью и здоровьем?

Чё там у нас в памяти валяется по этому поводу? Разговаривать надо. Чтоб в тебе увидели не просто тело, а личность. Эти. Как их. Чёрт бы побрал. Психологи криминальные так говорят. Или они не так называются…

– С парнем поругалась и ушла. – вслух сказала я.

– Аааа! Характер показываешь?

– Да нет. Расстались.

– Ну, бывает. Чё расстались?

– Не оправдали ожиданий друг друга.

– Ну, то нормально.

А мы, так-то, едем. И никто пока не спросил куда мне надо. Винтовка под жопой добавляет настроения. Оптимистического.

– Ну, всё равно, мог бы и такси вызвать. Тебе, кстати, куда?

Я назвала координаты студенческого городка и мужчины заржали в голос.

– Это ты туда "почти пришла"? Тебе пешком идти до обеда!

Я молча смотрела то на затылок одного, то на лицо другого.

– Юль. Не бойся. Я добрый.

– Ага.

– Правда. Только мне не верит никто. – видимо понял, что со мной каши в виде беседы не сваришь, включил музыку погромчее и минут через 20 мы уже въезжали в студенческий городок.

– Куда дальше?

– Налево, направо и прямо по курсу. – смелела я с каждой секундой.

Остановились на парковке.

– Юль, ты куришь?

– Да.

– Давай постоим покурим? Ты успокаивайся уже.

А меня прям отпустило под окнами родной общаги и я заулыбалась.

– На кого учишься?

– Ветеринарный врач буду. Может быть.

– На каком курсе?

– На втором.

– А ты сама откуда?

– Из Миллерово Ростовской области.

– Да ладно!!! – захохотал Иван. – Я из Зверево!

– Да? Я чуть-чуть там жила. Первые три года жизни.

– И родители на шахте работали?

– А где ж ещё в Зверево работать? – уже вдвоём улыбались мы. Но поиск общих знакомых результата не дал.

– Юль. Ты мне очень понравилась! Дай, пожалуйста, свой номер телефона. Может, погуляем когда. И мой запиши. Вдруг что, я подъеду. Хоть подвезу, а?

Я кивнула и продиктовала.

К общежитию подъехала машина такси. Вылезла моя распрекрасная Ира, таксист открыл багажник и вывалил кучу вещей на асфальт.

– Ира?

– Юля? Ты что здесь делаешь в ночь глухую?

– По ходу, тебя встречаю. Прости, что без цветов и оркестра!

– Спасибо! Очень приятно! – засмеялась подруга. – Что за милые молодые люди?

– Милые молодые люди любезно согласились меня подвезти.

– Откуда?

– Ир, давай позже.

– Юля, очень приятно было познакомиться, но нам пора ехать. Прости если напугали. Мы не специально. – и протянул мне руку.

Я приняла.

Мужчины умчали по своим неотложным, а мы сгребли пожитки и направились в общагу.

– Девочки! Вы с поезда что ли? – спросила сонная вахтёрша тётя Ира.

– Доброе утро. С поезда. Да.

И чуть позже.

– Ира. Что у тебя с лицом?

– Розы, блядь!

– Розы?! В клумбе что ль лежала?

– Не! – засмеялась подруга, – Это как я по юности. Пришла домой пьяная, а мама ж нарколог, за версту чует неладное. Вернее, алкогольное. И было у меня знание, что если пожевать петрушки, то она на 15 минут запах алкоголя отбивает. Ну, и решила я пожрать, чтоб же ж не унюхала. И, как раз, растёт во дворе. Открывается, значит, дверь. Мама в пороге, я в свете кухни и спрашивает: "Ира, ты пьяная, да?", а я ей: "С чччего тттты ввввазялааа?!", а она мне: "Тогда почему ты ЛЕЖИШЬ в свежеполитой грядке и ешь петрушку?"

Мы посмеялись.

– А это. – ткнула пальцем в самую большую царапину. – Этот мудак, который Макс, хлестал меня букетом по лицу, который твой Саша подарил. А они, сука, подвяли. Хлёсткие.

– Чё его разобрало? Приревновал?

– Куда там! Спросил, наглец, не хочу ли я у своего дяди денег для него попросить. Ещё ж и загнул сумму в миллионы. Я сказала, что не хочу. Ну, и слово за слово. Хуем по столу. Цветами по морде. Оно и к лучшему. А то б я ещё долго думала, что делать, как жить и кто виноват.

– Ну, да. Иногда, после получения по морде понимание ситуации настигает быстрее. – согласилась я.

– У тебя что? Поругались с Сашей?

– Типа того. – и рассказала свои ночные приключения. – Вот и пожалуйста. Он сволочь, а я дура. Встретились, блядь, два шерстяных друга. Пизда и валенок. Результат соответствующий.

– Ты как скажешь! – засмеялась Ира. – А прикидывался хорошо.

– Ой, да вообще без расстройства. Как гора с плеч. Что ни делается – всё к лучшему. – сумничала я прописной истиной. – Давай поспим что ли? Ночка выдалась развесёлая.

Неделя прошла удивительно спокойно. Саша молчал, Сергей молчал, Тарас тоже молчал. Видимо, машину чинил. У меня даже было время учить заданное и рисовать альбом по гистологии, а у Иры писать диплом. Тулились по вечерам за один письменный стол под двумя лампами и занимались полезными учебными делами. Идиллия.

К субботе заскучали.

Пошлявшись по клубам города ещё на моём первом курсе, нами было выбрано любимое заведение. Достаточно дорогое, по студенческим меркам, небольшое – человек на 200 зала, сравнительно недалеко от постоянного места проживания и со знакомым начальником охраны Русланом. Зная нашу особенность влипать в истории по шаблону "Жили-жили, обосрались.", последний фактор был немаловажным. Охрана клуба живо реагировала на проявление к нам внимания со стороны противоположного пола и в случае неуместной настойчивости принимала меры быстро и категорично. В заведении было много правил за нарушение которых можно было на раз-два влететь в "Стоп-лист" и больше никогда не быть гостем. Например, в отношении курения – без разговоров на улицу. Юля, в своё первое посещение, сильно нетрезвая, со словами: "Ой, да ладно! Я и тут нормально покурю! Пошли они на хер!", закурила в сортире. На втором облаке дыма, выпущенного из моей юной дыхательной системы, сработала система пожарной безопасности, всех находящихся со мной в туалете окатило с потолка ледяным составом для пожаротушения и мы оказались по щиколотку в воде, а через несколько секунд влетели охранники с огнетушителями. Ржали все до колик. Да так, что руководство клуба не применили ко мне санкций. Но прозвище "Зажигалка" прилипло крепко, как и систематические предложения повторить аттракцион. Так же, с этого дня я больше никогда не курила в местах, где написано "Запрещено!". Чёрт знает, что у них с потолка на голову падает.

И вот чудным вечером мы с Ирой нарядились в модные корсеты, короткие юбки, высоченные каблуки, хлобыснули коньяку для настроения и блеска глаз, вызвали такси и умчали веселиться.

– Здравствуйте, Ирочка и Юленька! Рады вас видеть!– расплылись в улыбках охранники.

– Здрааааасьте! – улыбались мы. И пройдя в зал приветственно замахали руками бармену. Он в ответ отсалютовал какой-то бутылкой. Уселись в любимый уголок, приветственные бокалы коньяка от заведения. И танцы. Бесконечные танцы с редкими перекурами.

На улице к нам подошёл мужчина:

– Доброй ночи, девочки!

– Доброй.

– Девочки, вы любите танцевать?

– Любим.

– Тогда я приглашаю вас на бесплатное обучение с дальнейшим выступлением в ансамбле "Тодес"! – торжественно заявил мужчина.

– Аааaа! – заржали мы. – А смотр танцевальных способностей будет проходить в гостинице или в сауне?

Мужчина замялся.

– Рафаэль! – шёл к нам охранник Дмитрий. – Девочки здесь только танцуют. Они с тобой не поедут, что бы ты не пообещал!

– Понял. – кивнул мужчина и исчез во тьме.

– Это Рафаэль. – пояснил Дима. – Он не очень здоров, но безобиден. Всю жизнь мечтал быть актёром, но не сложилось. И теперь, периодически, в сезонные обострения, он начинает думать, что он – это не он. Мы его не пускаем в клуб. Весёлый, но ему совсем нельзя пить. А наши добрые гости, конечно же, угощают. Его брат приезжал и очень просил. Мы – его любимое заведение. Даже не знаю гордиться ли. Кто у нас Рафаэль был сегодня?

– Сегодня был кем-то из "Тодес".

– А. Ну, нормально. В прошлый раз был представителем группы "Виагра", – засмеялся Дима, – Аж четверо на кастинг уехали!

– Сильно! – посмеялись и мы. – Не приведи Вселенная так крышей поехать.

Танцы, коньяк, танцы, коньяк…

– А у нас был учитель в школе. Географию вёл, – рассказывала Ира, – Так он очень сильно заикался. И вот замкнёт его на каком-то слове и он: "Мммммммм… Эээээээээ… Бббббббб…", а потом такой: "Да ебись он, блядь, в рот!!! Земной шар представляет собой…"

Мы хохотали, когда к столу подошёл Иван.

– Юля?

– Привееет!

– По голосу узнал. В лицо б никогда! Рад видеть в добром здравии и хорошем настроении!

(Ещё бы ты меня узнал! С таким раскрасом индейца на тропе войны! Я сама себя не каждый день узнаю.)

– Не город- миллионник, а деревня какая-то! – вслух сказала я, – Тоже рада тебя лицезреть.

– Идемте покурим? – предложил Иван.

Мы вышли на улицу. Охранник вопросительно глянул на меня. Я улыбнулась и подмигнула.

– Девочки, в 3.30 здесь будет наркоконтроль.

– А нам-то что? – пожали мы плечами, – Мы не употребляем такое, что могло бы их заинтересовать.

– Это хорошо, но думается мне, что лежать лицом в пол не очень хотите?

– Я бы сказала – совсем не хотим!

– Возвращайтесь в зал, забирайте свои вещи, – посоветовал Иван, – Вон моя машина, посидите, покурите и я вас отвезу. На всё-про всё минут 10.

Мы переглянулись и кивнули.

Да и наплевать бы на всё это мероприятие, но вдруг что – огнестрельное оружие в моей сумке может заинтересовать сотрудников правопорядка. Вслух я, конечно, ничего не сказала.

Мы прошли в зал, собрали свои манатки, на выходе я шепнула начальнику охраны Руслану: "Наркоконтроль на пороге.", кивнул: "Согласовано."

Иван усадил нас в машину на заднее сиденье и ушёл.

– Шпуль? Он кто?!

– Ир. Понятия не имею. Как обычно, впрочем.

В 3.30 подлетела вереница машин милиции, гражданских, со значками спецслужб и "Скорая помощь". Орава мужчин в камуфляже и масках, в костюмах с галстуками, в джинсах и кожаных куртках ломанулись в клуб. Охрана закрыла двери.

И тишина.

Через минут 10-15 вывели четверых человек с руками за спинами, рассадили их по разным машинам и делегация начала разъезжаться. К машине шли Иван и Сергей.

"Ёбтвоюмать!" – подумала я и вжалась в сиденье. Облагодетельствуй Вселенная того, кто придумал тонировку!

Мужчины постояли минуту, о чем-то поговорили, пожали руки, Сергей ушёл, а Иван сел за руль.

– Всё закончилось. Вас в студенческий городок?

– Да. А что это было? Наш любимый клуб не закроют?

– К клубу вопросов нет. Ни к руководству, ни к охране. Пошли навстречу. Сработали грамотно. Профессионалы. Вы успели наплясаться?

– Успели! – кивнули мы как два китайских болванчика на заднем сидении.

– Нате вам ещё для настроения! – и включил музыку.

Мы приехали к общежитию и вышли покурить:

– Девочки, наркотики – это самое страшное зло. Хуже ничего не бывает. Если захотите, я вам покажу кое-что. Вернее, кое-кого. Это на всю жизнь отобьёт у вас охоту "Попробовать в жизни всё!" – сказал последнюю фразу тонким и визгливым голосом.

На секунду мне показалось, что он спародировал.

– Уже хотим! – сказали мы опять дуэтом.

– Я тогда наберу по возможности на днях и договоримся.

Иван пожал нам руки и уехал.

Уже в комнате.

– Шпуль. Ты его не боишься?

– Не-а. Ир. Если б хотел что-то со мной сделать, то у него была распрекрасная возможность.

– Ну, да. Вроде вменяемый. Спокойный как танк. Терпеть не могу суетных мужиков-истеричек!

– Согласна. Мало что может быть отвратительнее.

– Привет, Юль. Иван. – напомнил о себе новый знакомый. – Моё предложение в силе. Если хотите, сегодня в 16.00 заберу вас.

– Привет. Хорошо. А мы надолго? Форма одежды?

– Вам хватит пяти минут для правильных выводов. Надевайте, что хотите.

– Ок.

Мы собрались, приехал Иван и благополучно домчали в пригород. Средних размеров дом за прозрачным забором.

Иван открыл калитку и пропустил нас во двор. На крыльцо вышла женщина:

– Здравствуй, сынок. – и пошла нам навстречу, – Ей хуже. Я не знаю что делать… – и расплакалась.

Нам стало неловко.

– Проходите. Мам, знакомые девочки.

Мы прошли через прихожую и зал к комнате в глубине дома. По ходу движения усиливался запах разлагающейся органики.

Иван открыл дверь. Тошнотворный запах ударил в нос, полумрак, окно завешено. Абсолютно никакой мебели. В углу куча не пойми чего. На куче лежит абсолютно голое, худое до

жути и серое существо. Существо шевельнулось, раздвинуло ноги и нассало под себя. Вонь усилилась.

Иван подошёл ближе и наклонился:

– Лен. К тебе пришли.

– Принесли? – встрепенулась, как оказалось, девушка. – Принесли?!

– Нет, Лен. Тебе ничего не принесли.

– Тогда идите на хуй. – снова уронила голову.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Иван.

– И ты иди на хуй!!! – заорала Лена. – Из- за тебя мне плохо!!! Ты!!! Ты меня убиваешь!!! – села на тряпках. – Принеси!!! Ваня!!! Ты же можешь, я знаю!!! Один раз!!!

– Нет, Лен. Не принесу. Не дерись, пожалуйста, с медсестрой. И попробуй что-нибудь съесть.

– Иди на хуй. – снова легла Лена, точнее даже, упала.

Мы молча вышли из комнаты, рядом с дверью стояла мама Ивана.

Во дворе уткнулась ему в грудь лицом.

Мы сказали: "До свидания." и пошли к машине.

В полном молчании проехали половину пути.

– Хотите кофе?

– Хотим. – кивнули мы.

Остановились возле первой попавшейся кофейни.

– Вы голодные?

– Нет… Иван, расскажи, пожалуйста.

– Расскажу, конечно. – вздохнул Иван, – Это моя сестра Лена. То, что сейчас с ней происходит – это ломка. И гангрена. Закупорены сосуды и нет нормального кровоснабжения. Уехала учиться в столицу. Престижный ВУЗ. Когда кинулись – наркоманка. Забрали домой. Сбежала. Нашли. Положили в клинику. Пролечили. Забрали домой. Сбежала, прихватив мамину шкатулку. Нашли. Пролечили дома. Сбежала. Нашли. Привезли домой. И так четыре последних года. Сейчас она в том состоянии, что не может бежать. У неё уже отказывают системы органов. Реальных шансов выйти из этого состояния нет. Мы можем только наблюдать и обезболивать. По сути – продлевать страдания. И знаете, что самое страшное? То, что это не моя сестра. В ней ничего не осталось от той красивой, умной и благополучной девушки. Ничего. Ни стыда, ни достоинства, ни стремления к элементарной гигиене. Ничего. Понимаете? Ничего. Оболочка, жаждущая только дозы. И если вы думаете, что можно вовремя остановиться и от одного раза ничего не будет. То вы не угадали.

Мы молчали. Одно дело слышать или читать о таком. Знакомых с подобным пристрастием у нас не было, а уж такое состояние первый раз увидели.

– Если хотя бы вас остановит от желания попробовать, та кого я вам показал – уже хорошо.

– Иван, какое отношение ты имеешь к наркоконтролю?

– Никакого. Кроме того, что любой производящий или продающий – мой личный враг. Для уничтожения которого я не остановлюсь ни перед чем. Я много смертей видел в своей жизни, но это… ЭТО… – развёл руками Иван.

– Ты же понимаешь, что всех не победить? Люди издревле употребляли наркотические вещества. Даже, вон, коалы жрут эвкалиптовые листья и постоянно в состоянии опьянения.

– Понимаю. Но очень хочу. Хочу всех победить. Если не будет спроса, тогда не будет предложения. В обратную сторону тоже работает, кстати. Не осуждайте, пожалуйста, условия её нынешней жизни. Никакой одежды она не терпит. Доставать её из-под кровати для капельницы – занятие не для слабонервных, а для мамы – физически невозможное. Ничего нет страш-

нее наркотиков. И финал всегда один. Без вариантов. А, поверьте мне, нет ничего важнее жизни любимых людей.

Мы допили кофе, Иван довёз нас к общежитию.

– Юль, очень хочу верить, что вы на всю жизнь запомните то, что видели. И предостережёте близких.

Мы с Ирой в молчании разошлись по своим комнатам.

Рано утром квакнула смс: "Лена умерла.", я ответила "Соболезную.".

Никогда не знаю, что говорить людям, которые теряют близких. Любое слово – глупое, бессмысленное и циничное.

1994 год. Мне 9 лет.

1 сентября в школе раздали списки развивающих кружков и дисциплин музыкальной школы, готовых принять деток. Пришла домой, рассказала маме и показала список:

– Вот тут вот есть пианино. Я бы пошла…

– Какое тебе пианино?! – возмутилась мама. – У тебя в детстве было игрушечное! Помнишь? Красное такое. Что ты на нём играла что ли?! Тем более, там нужно ноты учить, сольфеджио там всякое… Юля, твоя одноклассница, со второго класса уже пианино занимается и то не очень выходит, так она ж умненькая и усидчивая, не то что ты, у неё получится. А ты бестолочь. И водить. Кто тебя туда будет водить?

– Музыкальная рядом с моей школой. Я же сама хожу. – опустила я голову.

– А зима будет? А будет темнеть рано? Я что ль буду с тобой по городу таскаться? Из-за твоего пианино?! Оно мне надо?! Мне дома дел хватает, а папа на работе. Да и не будешь ты туда ходить! Ты ж безответственная! Ерунда какая. Иди не морочь мне голову своими глупостями. Ты, вон, балериной хотела стать! И что? Стала?! Так же и с пианино будет. Отстань от меня.

– Я буду ходить. Тебе нужно только заявление написать, чтобы меня приняли. Я очень хочу. – не сдавалась я.

– Ой, ты много чего хочешь! Учись, вон, нормально. Растёшь ты не красавицей. Волосёнки как солома да ещё и жидкие, – потрепала меня за косу, – Уши лопоухие, морда круглая, сама бревно-бревном. Может, хоть умная будешь. Хотя, тоже вряд ли. Вся в папу. С его средним образованием. Ох, нет с тебя толку и не будет. Всё в облаках витаешь. Что растёт? Бьёшься-бьёшься с тобой как рыба об лёд. Что ты опять с глазами на мокром месте?! Я тебе правду говорю! Слушай! Или что ты думаешь? Великой пианисткой станешь?! – переходит на крик. – По концертам будешь ездить?! Думаешь, что твой жизненный путь будет розами усыпан?! Да школу закончишь, родишь и будешь дома в халате драном сидеть! Ждать пока муж нагуляется! И дитё будет такое ж как ты! Глупое и неблагодарное! Ты для него всё, а оно вон губы дует, на правду обижается! Иди уроки учи! Не трепи матери нервы!!!

И я молча ушла.

Уроки уже выучены, но нужно сидеть за письменным столом и я по-тихому читала спрятанную книжку. В комнату забежала мама:

– Ты посмотри на неё! Я сказала уроки учить, а она сидит херню читает!

– Уже всё сделала. – набралась я наглости.

– Значит, открой учебник и решай всё подряд! У моего одноклассника Генки такой брат был! Всё порешает, а потом дальше по учебнику!

Единственным спасением был учебник сначала чтения, а потом литературы. Можно говорить, что задано и я читаю. Но иногда мама выхватывала книгу, сверялась с дневником и понимала, что читаю я совсем не то и начинался следующий скандал. Также, была другая беда – учебник был относительно небольшой и приходилось раз за разом читать одно и то же неделями. Но, в основном, в эти часы меня не трогали. Уроки же.

Зато после родительских собраний мама рассказывала дома:

– Писали изложение по новому рассказу, раз дали прочитать и пишите, у всех так-сяк, а наша дура лучше всех! – радовалась мама. – Ближе всех к тексту! Наталья Владимировна даже думала, что мудрит и списывает, но собрала учебники, а результат всё равно хороший! Это потому что я с ней занимаюсь и развиваю память, а не на самотёк, как у других мам. А ты говоришь – зря на работу не хожу! Где б была эта бестолочь, если бы я с ней уроки не учила?!

И через пару-тройку дней уже папа:

– Кума сегодня видел, их Олю записали на все кружки! Будет и шить, и вязать, и вышивать, и петь, и танцевать, и макрамЭ там какое-то, и из глины что-то лепить. Чудо-ребёнок! Давай нашу хоть куда-нибудь отдадим? А то уже стыдно людям говорить, что никуда не ходит.

– Куда её отдать?! Ты не видишь что ли?! Что она тебе танцевать будет? Или петь? Неповоротливая, неуклюжая, тупая, ленивая… Говорю ей: "Учи уроки!", захожу, а она сидит книжку читает! В угол забилась, вроде её не видно и строит из матери дуру!

– Валь, да ну пусть хоть читает.

– Да ерунду ж читает всякую! "Пеппи Длинныйчулок"! "Малыш и Карлсон"! Сказки эти дурацкие Андерсена! Чушь же! Я тебе говорю – она бестолочь. И с характером. Ох, ломать её ещё и ломать… Но, чувствую, бесполезно. Упёртая, что хоть убей!

Все эти разговоры в обязательном порядке проводились при мне и назывались "воспитанием".

По биологическим часам я – форменный жаворонок. Спать хочу в 22.00, а просыпаюсь в 06.00.

Маме же в 22.00 очень хотелось проверять сделанные на завтра уроки и содержимое портфеля.

– Неси сюда портфель!

– Почему тетрадь без обложки?

– Почему если тетрадь закончилась, ты носишь её с собой?

– Почему дневник не заполнен на следующую неделю?! Ну, и что, что сегодня только понедельник!

– Вас так учили решать этот пример или ты сама придумала? Нас не так учили! Принеси мне черновик, я покажу как нас учили!

– У тебя тетрадка скоро закончится! Почему ты не положила новую?! Я за тебя думать должна?! За меня никто не думал! Всё сама! Это ты такая безответственная!

– Расскажи правило! Что значит "не задавали"? На этой же странице! Как может быть упражнение, а правило на этой же странице завтра?! Рассказывай бегом!

Я рассказала то, что случайно прочитала, но завтра будем разбирать эту следующую тему на уроке.

– Вас не наизусть заставляют правила учить?! Бардак, а не школа! Я вот завтра пойду с учительницей разговаривать! Выясню, чему она вас там учит!

– Перескажи рассказ! Какой ты вывод сделала?!

– Что ты сидишь зеваешь?! Ты и в школе так делаешь?! У доски?! Я если бы в школе зевнула, знаешь, что бы мне было? Это вы сейчас такие! Бессовестные!

Отвечать на эти вопросы было совершенно необязательно. Мама знала на них единственный ответ: я – тупая и бестолковая. А пятёрки в школе "ничего не значат", потому что я их, наверное, со слезами выпрашиваю, как делала её подруга в институте.

Традиционный спектакль продолжался ровно до того момента, пока у папы, тоже жаворонка к слову, не заканчивалось терпение:

– Валя! Да пусть она уже спать идёт! И я лягу. Вам дня мало было на это всё?!

– Аааа! Ты не хочешь участвовать в воспитании дочери?! Пусть учится как хочет?! Ну, правильно. У вас же в семье никого с высшим образованием нет, вот пусть и у неё не будет! Пусть идёт двор подметать! Ты этого хочешь? – орала мама.

– Валя! Хватит.

– Сволочь такая! Прошлялся весь день и знать не хочет как у ребёнка дела в школе! Полюбуйся на своего папаню! – трясла меня за плечо. – Ему дела до тебя нет! Ты ему сто лет не нужна! Ему плевать на тебя и твоё будущее!!! Хоть сдохни, а ему всё равно! Одна мать за тебя думает!!!

– Валя!!! – начал орать папа, – Я на работе весь день был! Дай мне отдохнуть!!! Иди спать! – толкнул меня в плечо.

– Куда спать?! – визжит мама. – Пусть правило учит!!! А то "двойку" принесёт!

– Нам не задавали его! Мы его завтра будем разбирать! – уже орала и плакала я.

– Ленивая тварь! Лярва проклятая!!! Не может правило засратое выучить!!! Как ты жить собираешься если у тебя ума даже на это не хватает?! – тащила меня волоком мама в мою комнату. – Учи!!!

Я взяла учебник и тупо в него пялилась зарёванными глазами.

Скандал в зале набирал обороты и децибелы. В какой-то момент мама забежала и вырвала из рук учебник:

– Почему ты до сих пор не спишь, курва?! Ты как собираешься в школу вставать?! Уже 12 ночи!!! Ложись!!!

Вакханалия продолжалась до глубокой ночи.

– Валя!!! Я уже домой не хочу приходить! Зачем эти скандалы?!

– Серёжа!!! Я воспитываю нашего ребёнка и требую, чтобы ты тоже этим занимался!!! Но нет же! Ты же хочешь быть хорошим и поэтому ни во что не вмешиваешься!

– Это не воспитание, Валя!!!

– Ты живёшь, вроде с нами, но отдельно от семьи!!! Тебе на нас плевать!!!

Я, по привычке, замотала голову одеялом и поплакав в подушку заснула.

Утром мама сходила со мной в школу, где учительница сообщила ей, что тему, по которой меня вчера заставляли рассказать правило – будем проходить сегодня. И вообще, что я умная, вежливая и старательная девочка, только что-то происходит с почерком – начался наклон влево.

За школой мама потрепала меня за шкирку по поводу: "Почему ты не сказала, что вам это не задавали и зачем в очередной раз выставила меня дурой.", и, возмущённая моим безобразным отношением к родной матери, ушла домой. Вечером меня уже били за испортившийся почерк. Подобная проверка уроков происходила со второго класса ровно до конца девятого и по графику три дня через один. То есть, когда папа уходил в ночную смену, то мои уроки совершенно не интересовали маму.

Октябрь 2003 года.

Ещё одна спокойная неделя в учёбе, своих делах и спокойных вечерах в общаге. Я собралась посетить историческую родину и драгоценных родителей.

Ночь в поезде и я на месте.

Утро субботы.

День обмена новостями, вполне себе рядовым для города.

Соседка, объективно красивая, беременная девушка, 25 лет, проживала с мамой на втором этаже, вышла из подъезда, через двадцать минут вернулась в подъезд, но до квартиры не дошла. Соседи искали по подвалам, люкам и помойкам в округе. Через несколько дней, усилиями милиции, была обнаружена в квартире на четвёртом этаже, уже мёртвой, в процессе расчленения тела. Зашла к коллеге по просьбе начальника поинтересоваться как долго тот собирается употреблять алкогольные напитки и как скоро планирует вернуться к служебным обязанностям во вменяемом состоянии. Коллега был с сыном. Не просто убили. Издевались. Описывать это – слишком даже для меня. Светлая память Елене.

Девочки из первого подъезда нашего же дома в пьяном угаре забили на смерть мужчину, сделавшего замечание по поводу их поведения в кафе парка. От той, которая принародно сняла трусы и нассала на убитого нашли только кроссовки.

Потом родители поочерёдно жаловались друг на друга, вылавливая меня по квартире. Мама на то, что у папы очередная подруга, которой он уделяет время, с предоставлением доказательств словесных и вещественных. А папа на то, что мамины претензии и бесконечная слежка его порядком задолбали. К вечеру разгорелся семейный скандалище со взаимными упрёками и оскорблениями, вспоминанием ближайших родственников и призывами меня разрешить их споры. Оба надеялись на поддержку с моей стороны. Типа я – третейскАЯ, блядь, судья. К ночи охрипли и не разговаривая друг с другом разошлись спать. Оно и к лучшему, потому как я уже оглохла.

В городе была древнейшая и чудеснейшая традиция – в воскресенье, выходной день, жители города наряжались по принципу "я надену всё лучшее сразу", сгребали отпрысков под белы рученьки и шли на базар. Даже если совсем ничего не нужно. А потом неделю обсуждали кто как был одет-обут и накрашен, как чья жена увидела любовницу своего мужа и какое у неё было при этом лицо, как чей-то муж увидел первую любовь своей жены и какие сделал глаза в её адрес, кто как вёл себя из детей, кто что покупал или мерял, кто и что ел или пил и кто с кем разговаривал. Из всего увиденного делались какие-то выводы, всю неделю делились этими выводами по телефону и при личных встречах, а на следующий базарный день получали новую информацию или подтверждали уже имеющуюся.

– Давай, собирайся!

– Ма, мне ничего не нужно.

– Собирайся!

Маме обязательно нужно показать меня людям. Вдруг же кто не узнает, что я приезжала, будто кому-то это всерьёз нужно. Эдакое представление, где в роли занятной зверушки выступаю я. Так себе удовольствие, скажу я вам.

Мамины тётки оригинальностью не отличались:

– Ой, да какая ж большая выросла! Да красавица! – причитала очередная мамина подруга. – Невеста прям! Жених уже есть?!

Я молча подкатывала под лоб глаза.

– Да какой жених?! Она на нас папой насмотрелась и никогда в жизни замуж не выйдет! – хохотала мама. – Мой козёл, ты представляешь, загулял с…

Мама всегда знала с кем загулял папа. Даже если папа не знал. Но мама была уверена, что с минуты на минуту загуляет и преподносила это как свершившийся факт с соответствующими ситуации комментариями в адрес "распутной женщины", покусившейся на её благополучную семью. Так же, она всегда ставила в известность меня и таскала смотреть как бьёт камнями окна очередной пассии. К чему мне было переживать в раннем возрасте трагедию обманутой жены – до сих пор неведомо. Наверное, для того, чтобы когда она рассказывала о своих страданиях от измен мужа людям, можно было дёргать меня и говорить: "Вот, Юлька не даст соврать."

Слушать всё это было совершенно невыносимо.

Иногда мне удавалось свалить с папой на авторынок. Там не было ничего для меня интересного – машины, запчасти, автохимия и толпа праздно шатающихся мужиков, но там, к счастью, сто лет никого не интересовала моя личная жизнь и комплименты отвешивались в первую очередь папе: "Какая у тебя красивая дочка выросла!", папа гордился, задирал подбородок и говорил: "Вся в меня!".

Я пыталась чередовать походы на вещевой базар с мамой и на авторынок с папой, но дома неизбежно ждал скандал, инициированный заревновавшей стороной с упрёками: "Ты всегда больше любила папу!" – орала мама и: "Ты всегда больше любила маму!" – орал папа. Должна заметить, что испокон моего умения внятно говорить и относительно ясно мыслить, следствие

"Кого ты больше любишь – папу или маму?" мира и взаимопонимания в семье не прибавляло. А меня по детству доводило до форменной истерики.

По графику, после обеда, начинался "воспитательный процесс".

– Вон! Людкина Светка! Уехала в Ростов и вернулась домой беременная!!! – восклицала мама.

– А у Сергиенко две дочки, которые близняшки, уехали в Воронеж. И одна нормальная! Учится! А вторая родила! Ещё и скрывала! А её бросили и приехала с дитём на папину шею! Бессовестная! Замуж-то её не взяли! Сидит теперь дома! – вторил папа.

– А соседка Вика забеременела, а её парень сказал аборт делать, а её мама Катя сказала, что если делать аборт, то пусть расходятся, а то он потом женится и себе родят, а Вика, несчастная и бездетная будет с собакой гулять как твоя учительница Наталья Владимировна! И поженили их! Пусть рожают! – добавляла мама.

Вывалили на голову информацию обо всех неудачных беременностях-родах-отношениях и у меня задёргался глаз. Может, от децибел, конечно.

Начинался следующий этап.

– Только попробуй приехать домой беременной и бросить учёбу – мигом на улицу вышвырну! – орал папа. – Я тебе не Сергиенко! Хер знает чьих детей кормить не собираюсь!

– Ты слышишь, что тебе отец говорит?! Что ты молчишь?! Получи сначала профессию, чтобы ребёнка на ноги поднять, а потом рожай! Умей нести ответственность за свои поступки! А то ноги раздвигать научатся, а потом – мама с папой корми! Ты же глупая! Страшненькая! Толстая! Думай своей головой! Так, на раз-другой потаскать. Кто захочет на тебе жениться?! Так и будешь одна с дитём колотиться! – срывалась на визг мама. – Я, вон, не ты! А и то сколько проблем, чтоб мужа в семье удержать! От тебя же, дуры, сбежит через день!

К поезду, к дёргающемуся глазу начинал дёргаться правый угол губ.

– Чё ты кривляешься, лярва? Думаешь оно нам надо – твоих выблядков на ноги поднимать?! Сама учись!

На вокзале следующая стадия:

– Да что ж ты так на мало приехала?! – голосила мама.

– Да мы ж тебя любим! – причитал папа.

Я оправдывалась учёбой, коллоквиумами, сдачами и пересдачами.

Ночь в поезде и на ближайшие пару месяцев я была избавлена от пыток родственной любовью и заботой о моём будущем, благо сотовая связь была дорогой и информация с нравоучениями ко мне поступала дозированно и по графику созвона.

Октябрь 2003 г.

Двое суток я восстанавливала, пошатнуТУЮ своими ближайшими, психику. На третьи позвонил Сергей.

– Привет.

– Привет.

– Как дела?

– Нормально.

– На будущей неделе собираюсь в Черноземье, могу тебя домой закинуть.

– Нет, спасибо. Только приехала и отдышалась от радости общения с дорогими родственниками.

– Понял. Юль, прошу одолжения.

– Проси.

– День рождения Марата. Нас пригласили. Вдвоём. Пожалуйста, не ставь меня в неудобное положение и не заставляй объясняться почему я пришёл один.

– Я подумаю. – пожала я плечами, будто меня видно.

– Юль, я часто тебя прошу?

– Ок.

– Это "да"? Тогда ещё. Твоё чёрное платье уже видели все и не по одному разу. Давай, пожалуйста, купим новое? И не чёрное?

– Многовато просьб… – протянула я, но внутренняя шопоголичка взликовала.

– Я завтра заеду после обеда? Идёт?

Как бы я не злилась, подозревала и самоутверждалась, но предстоящая покупка очень резко подняла настроение. У Сергея был отличный вкус плюс возможность позволить мне то, что я сама себе не могла. Хотя, по-честному, кроме недорогого секонд-хенда я ничего не могла. Даже не сток. Сучка продажняя.

На следующий день мы приехали в один из самых дорогих магазинов готовой одежды в нашем городе, задумчиво пошлялись по торговому залу, нагребли ворох платьев, но я уже точно знала что возьму.

– Серёж, как?

– Твою ж… – округлил глаза Сергей, – А хоть чуть скромнее в той куче ничего не нашлось?

На тонких бретелях, с полуголой спиной, песочного цвета, шифоновое платье в пол.

– Ааа… – затроил он. – Ааа, бюстгальтер куда надевать?

– Чё тебе речь потянуло? Не инсульт, часом? – подколола я. – А, никуда. Не подразумевает.

– То есть, хочешь сказать, вот так и будет?

– Ага! – кивнула я.

– Юля, не постесняюсь и скажу, платье такого же цвета как твоя кожа и на первый взгляд ты выглядишь совершенно голой.

– Ну, и ладно. Но если ж присмотреться, видно что на мне платье? – пожала я плечами. – Не просвечивает же?

– Вот да! Очень не хватает, чтобы оно ещё и просвечивало! Я махал такие карусели. Давай что-то на верх смотреть… Ибо, если присматриваться, то все гости обоих полов из всего праздника увидят и запомнят только твои соски!

– Как ты? – заржала я.

– Да, блядь! Как я!

Так же были выбраны кожаная короткая куртка бежевого цвета с лёгкой золотинкой, бежевые туфли, и соответствующее бельё. Подходящая сумка имелась в наличии дома, а в магазине, кстати, не имелась.

– Давай вместе пообедаем? – предложил Сергей.

– Давай! – радостно согласилась любительница пожрать. – Шаурмой!

– Шаурмой?!

– Ага! Я знаю тут недалеко на базаре прекрасное место. Там ребята- армяне таааааакую шаурму готовят! С ума можно сойти!

– Нормальная?

– Ну, я пока не травилась и авось не сегодня.

– Я имел в виду, ты – нормальная? – засмеялся Сергей.

– Ой, ладно тебе! А то ты не знаешь ответа на свой вопрос! Идём!

Через полчаса мы сидели на лавочке сквера, поедали вкуснейшую шаурму, запивали томатным соком из пакетов и блаженно щурились на заходящее октябрьское солнышко.

– Я весь в соусе! – возмущался Сергей.

– Ага. Гля как уляпался. Хлеще меня! Ты ж ешь её неправильно! Вот смотри. Сначала здесь кусаешь, а потом здесь. Потом чуть поворачиваешь и кусаешь тут. Вооот! Видишь, и всё аккуратно получается.

Праздник был назначен на вечер субботы.

Намылась, намазалась, волосы решила оставить как есть. Платье, телесного цвета бельё и чулки, шикарные туфли на шпильке, моднючая куртка из тончайшей перчаточной кожи с рукавом три четверти.

Прибежала Ира.

– Шпууууль! Охуенно! – выразила восхищение подруга. – Волосы только как у Маргариты, когда она уже ведьмой стала! Щётку дать?

– Какую щётку? – не поняла я.

– Ааа… Ты не к Сатане на бал?

– А! Я поняла!

Мы весело посмеялись.

– Только что-то надо с украшениями порешать. Слушай, я недавно в беспамятстве, купила бижутерию под золото, мне кажется сюда хорошо будет. Щас принесу!

– А у меня от бижутерии уши чешутся. – сказала я.

– Ой, потерпишь! Неженка- мороженка! Ну, или почеши втихаря.

И не ошиблась. Самое то. Цветочные мотивы и висюльки, всё как я люблю. А то, что бижутерия. Да и хуй с ним. Когда-нибудь потом будут бриллианты. И вообще, я где-то читала, что дорогие украшения на молодых девушках смотрятся нелепо и выдают дурной вкус.

– С богом, Параська! – поцеловала меня подруга. – Но духи у тебя говно. Терпеть не могу такие запахи!

– А я терпеть не могу твои духи! – засмеялась я. – Какие-то дикие смеси огурцов и арбузов!

– Не огурцы, а свежие нотки!

– А надо, чтоб цветочками! Пока-пока!

Я пробежала через парковку и плюхнулась в любезно открытую дверь машины.

Знаете, как нужно правильно садиться в машину? Нужно повернуться полубоком, посадить попу на сиденье, а потом элегантным движением втянуть ноги в салон. Вот я тоже знаю, а в машину вваливаюсь согнувшись в три погибели как сутулая собака, с обязательным: "Ох, блядь!"

– Юля, ты шикарно выглядишь! – сказал Сергей.

– Ага. Красота необыкновенная. Неотразимая ни в одной калюже.

– Калюже?

– В луже.

– Ладно, не будем углубляться в толкования диалектов. – улыбнулся он. – Только не снимай куртку, пожалуйста. Когда ты наклонилась я уже всё увидел в вырезе для спины. Боюсь представить как бы это выглядело без верха.

– Спасибо! Не буду.

– Хорошо. Тебе куда-нибудь надо?

– Не-а!

Дом у Марата был в черте города и действительно огромный. Небольшая компания, человек в 50, собралась в зале на первом этаже, сновали незаметные официанты, приятные дамы, элегантные мужчины, сияющий Марат и Марина с глазами в пол.

Выпивали, поздравляли, общались. Новые люди, уже знакомые, этот кажется из прокуратуры… Может, нет…

– Здравствуйте, Николай Семёнович!

– Здравствуйте, Юленька. Вы потрясающе выглядите!

Пожалуйста вам, глава города.

Я прихлёбывала шампанское в уголочке и размышляла, что всех этих людей связывает. Дружба? Слишком разные по возрасту, по положению… Ой, Юля! Ты, вон, вообще! На себя посмотри! Кто ты такая и что здесь делаешь!

– Тут на входе гостей нужно на верёвки к входным дверям привязывать. – сказала я подошедшему Сергею. – А то они хуй дорогу найдут, так и будут блуждать по коридорам, пока не помрут от старости.

– Тебе в туалет надо? – догадался он.

– Ага. Махни рукой в какой он стороне, пожалуйста.

Мы прошли влево, потом ещё какой-то замысловатый коридор, виднелась комната с открытой дверью в глубине и дверь прямо по курсу.

– Иди прямо. Справа дверь – кабинет Марата.

– Да уж не переживай! – засмеялась я. – Туалет от кабинета отличу. Не нассу Марату в кресло.

– Иди давай. – сказал Сергей и легонько шлёпнул меня по попе. – Тебя подождать?

– Да, наверное, не заблужусь. – ответила я и пошла по коридору.

Уже ж говорила, что умею появляться в местах, где меня не ждут.

Проходя мимо открытой двери я инстинктивно повернула голову.

У меня на глазах Марат с размаху ударил Марину в солнечное сплетение. От удара пятьдесят килограммов Марины подкинуло вверх и она упала на колени. Марат наклонился, схватил её пятернёй за шею и что-то шипел в лицо. Я встретилась взглядом со взглядом Марины и шагнула мимо двери.

Выдохнула. Достала телефон, будто отвечая на звонок, громко сказала: "Алё!" и шагнула обратно. "Привет!", ещё шаг в проём двери.

Марат отдёрнул руку от горла Марины.

"Да нет… Не очень удобно. Ты поболтать хотела? Я позже тогда наберу!", говорила я сама с собой.

– Ой, простите, пожалуйста… Я помешала. Мне так неловко.

И сделала вид, что отключила разговор.

Марат вздёрнул Марину за шкирку на ноги.

– Да ничего страшного. Марине поплохело. Наверное, лишнего выпила. С ней бывает. – и уже Марине. – Давай я отведу тебя умыться.

И потащил практически волоком в ту сторону, где мне показал туалет Сергей.

Я пошла следом. В дверях туалета Марат обернулся и вопросительно посмотрел на меня.

– Мне туда тоже надо! – улыбнулась я, – Мы не подерёмся за раковину! Обещаю!

Шагнув мимо Марата, дёрнула Марину за руку и втолкнула внутрь сразу за собой захлопнув дверь.

Не сильно вежливо по отношению к хозяину дома, но думать и планировать мне было особенно некогда.

Марина молча смотрела на меня круглыми от удивления и совершенно трезвыми глазами.

– Что за нахуй у вас здесь происходит? – шёпотом спросила я.

– Он меня когда-нибудь убьёт. – так же шёпотом ответила Марина. – Может, даже сегодня.

– Чё так тихо? – постучал в дверь Марат. – Вы там спать легли?

Спать лечь, должна заметить, было где.

– Неть! – крикнула, спустила воду в унитазе и открыла кран с водой. И уже Марине, – Он так и будет стоять под дверью?

– Да.

– Ну, давай тогда выходить.

– Я не хочу… Сейчас он продолжит, а потом выйдет к гостям и будет улыбаться.

– Ок. Давай свалим?

– Куда?

– Я ещё не знаю, но сейчас придумаю. Так. Выходи первая, я следом. Щас засру ему голову, что не до тебя будет.

Открыла дверь, Марина быстро пошла по коридору, а я вцепилась в локоть Марата:

– Никогда не была в таком огромном туалете! Дом потрясающе красив! Всё так шикарно! Чудесный интерьер! Вы сами всё продумали или кого-то приглашали? Превосходно! А бассейн, ты говорил, с подогревом? Бесподобно! А если я прямо сейчас соберусь поплавать? Можно? Прямо сейчас? А подогрев нужно заранее включать? А покажи мне кухню, пожалуйста! Обожаю кухни и мечтаю, что у меня будет когда-нибудь своя и чёрная! Всенепременно чёрная! А корт за домом? А покажешь? А, может, когда-нибудь и меня научишь в теннис играть, а то в детстве только в бадминтон умела! Сильно они отличаются?

Марату было явно не по себе от моего не в себе, он таращил глаза на мои идиотские возгласы и шёл как деревянная кукла. Таким образом мы вернулись к гостям. Я отыскала глазами Сергея и отцепилась от Марата так же внезапно, как прицепилась. Буквально на полуслове.

– Серёж, Марат Марину только что ударил! – возмущённым шёпотом шипела я, – Она, бедолажечка, аж на колени упала! Прямо в солнечное сплетение! Он сказал, что она пьяная! Он соврал! Она— трезвая как стёклышко!

– Юль. Не лезь не в своё дело. Они муж и жена, и уже много лет. Без тебя как-нибудь разберутся.

– Вот ещё!

– От меня что ты хочешь?

– Ничего! – ответила я, взяла новый бокал с шампанским и ушла искать Марину.

Нашла достаточно быстро, в кухне, которую мне так нетерпелось глядеть минут 5 назад.

– Марин, меня Юля зовут.

– Я знаю, Юль. Марат тобой мне плешь проел. Какая ты замечательная и как Серёже повезло.

– Поехали погуляем? Попьянствуем и поболтаем?

– Ты думаешь, он разрешит? Да и тебя Сергей не отпустит со мной.

– А ты спрашиваться собралась? Типа "Марат, а можно мне с Юлей погулять?"– захихикала я.

– У нас так, да.

– Пиздец у вас, я тебе скажу. А ну-ка хлебни… Я ещё из этого не успела. – протянула ей бокал и сбегала за двумя следующими.

– А как мы возьмём машину?

– Нахуй она нам? Мы такси вызовем.

– Он меня точно убьёт.

– Но точно не сегодня, Марин. Звоню?

– Звони.

Совместными усилиями такси было вызвано за несколько домов от нашего местонахождения. Марина сбежала первой, открыв боковую калитку, а я следом.

Шалость удалась.

Из такси позвонила Ире:

– Дорогая моя, присоединяйся к нам! Мы через 15-20 минут будем в нашем любимом клубе! Только не отрывайся от коллектива и будь любезна явиться в вечернем платье!

– Ты время видела?

– Самое то! Ещё скажи, что ты спишь и не приедешь!

– Ок. Скоро буду.

Обожаю людей, которых не надо уговаривать.

Мы вылезли не доехав до нужного места, вопрос нас искать и найти – недолгий. А мы, я точно, не планировали сегодня находиться. И пробежались дворами к клубу.

Позвонил Сергей.

– Юль, ты где?

– Серёж, мне срочно нужно было уехать.

– Могла бы и сказать.

– Я тебе смс написала, разве не дошла? Не хотела отвлекать… – слепила горбатого на ходу.

– Ясно. А Марина, случайно, не с тобой?

– Нееееет! – внаглую отпёрлась я.

– Её Марат ищет.

– Ну, так позвоните.

– Позвонили уже, Юля. Первым делом. Телефон в кухне. Чё ты пыхтишь? Бежишь что ли?

– Немножко.

– Куда бежишь?

– Да так. Надо. Ой, садится! Пока-пока.

И выключила телефон.

– Марин, ты свой забыла.

– Ну, и хуй на него. – флегматично ответила Марина. – Мне всё равно кроме Марата никто не звонит.

– Доброй ночи, Юленька! – расплылся в улыбке охранник,– А где Ирочка?

– Вот вам пока Мариночка, прошу любить и жаловать, а Ирочка скоро подъедет!

Мы присели за стол.

– Что пить будем? Коньяк будешь?

– Буду! Юля, я всё что хочешь буду.

Я не знаю сколько мы выпили до приезда Иры, потом с Ирой, бесконечные танцы, перекуры и Марина оказалась вполне себе приятной и пластичной дамой.

– Девочки! А погнали в стриптиз? – внесла предложение Ира.

– А погнали! – ответили мы.

Снова такси, три пьяные девки в вечерних платьях и на шпильках, с остатками коньяка в бутылке и под "…И снова седая ночь, и только ей доверяю я…" домчали к следующему клубу.

Четверо мужчин восточной наружности за нашим столом, хохот, разговоры, когда никто никого не слышит и текила рекой. Ага. На шампанское с коньяком.

Говорил мне папа: "Старайся не мешать алкоголь. Но если вдруг, то только на повышение градуса и только из одной алкогольной группы. То есть, вино ты можешь запить коньяком или бренди. И будет относительно нормально. Пиво можешь запить виски, они оба солодовые. Но что попало в себя лить не надо. Дури много, ещё и плохо будет. Очень плохо."

Не в коня корм! Мне всё нужно проверить на собственном опыте.

Я помню, что мы с Мариной танцевали на барной стойке. Нам хлопали, визжали, свистели и кидали под ноги деньги.

Помню, что о чём-то договаривались с мужчинами за нашим столом и жали друг другу руки. Потом орали в караоке: "Хочешь я убью соседей, что мешают спать?". Потом танцевали. Потом обнимались. Потом ехали.

Потом мой пьяный мозг отдал тело на откуп инстинктам и больше ничего не помню.

Проснулась я от страшной головной боли в полутёмном помещении.

Со скрипом скосила глаз.

Шторы. Большое окно. Завешено.

На потолке большая и красивая люстра с висюльками.

Всё светлое и ненавязчивое.

На гостиничный номер похоже.

Пощупала свой живот, чтобы определить одета я или нет. И не определила.

Рядом кто-то сопит.

Голову поворачивать было страшно.

Во-первых, могла отвалиться или треснуть… Я не знаю, что лучше.

Во-вторых, мне придётся посмотреть на того, кто рядом…

Собралась с духом и повернулась в сторону звука.

Ира!

Подруга!

Никогда раньше я не была настолько рада её видеть!

С трудом села и огляделась.

Тут же на кровати спит Марина. Живая хоть?! Сопит.

Все одеты и обуты.

Скинула туфли, прошла к окну и отдёрнула штору.

Большая широкая улица, много машин.

Я прищурилась. Сильно вдалеке узнался Исаакиевский собор.

Две с лишним тысячи километров от того места, где я помню, что пила текилу.

Санкт-Петербург.

Пиздец.

Голова, повторюсь, болела самым жутким образом.

Я подметила, что когда засыпаешь в платье и туфлях, то на утро болит голова. Наверное, кровоснабжение туфлями нарушается. Ну, не от шампанского же с коньяком, сдобренных текилой?!

– Ир. Блядь… Мы в Питере! – потолкала я подругу в бок.

– А теперь тебе куда надо?! – не открывая глаз спросила подруга.

– Ира!!! Мы в Питере!!! Ты слышишь меня?! В Санкт-Петербурге!!!

– Шпуль, завали, пожалуйста, хлебало и дай поспать. Сама выспалась и орёт. Мы недавно легли. – сказала Ира и перевернувшись, замоталась в покрывало на манер шаурмы.

– Марин, мы в Питере… – потолкала я вторую спящую красавицу.

– Ну? В Питере. Да. Куда ты хотела, там мы и есть.

– Марин. Как мы сюда, блядь, попали?

– Юля. Самолётом. Отъебись, пожалуйста…

– Каким, нахуй, самолётом?! Я летать боюсь!!!

– Вот именно так ты и сказала. Выжрала подряд пять шотов и мы поехали в аэропорт. Дай поспать, а?

Ох, бляяаа…

Дышите, Юля Сергеевна, дышите.

Я прошла в ванную. Из зеркала на меня глядело что-то невообразимо страшное. Видели когда-нибудь нетопыря Дарвина? Погуглите. Во. Он сильно красивый по сравнению со мной. Поплескала водой в лицо и попила из ладошек. Лучше не стало. Объективно – даже хуже.

Я разделась и села под душ. Стоять у меня прям хреново получалось. С полчаса я впитывала всеми фибрами своего организма живительную силу воды и отмывалась от вчерашнего, живописно размазанного, макияжа. Одноразовые шампуни, гели для душа, мочалочка… Пусть Вселенная всячески одарит того, кто придумал эти малюсенькие упаковочки, чтобы такие курицы как я могли приобретать человечий вид для выхода в люди.

Постирала под краном труселя и на удивление целые чулки, притулила на полотенцесушитель. Пьянка пьянкой, Питер— это прекрасно, а бельё должно быть чистым.

Вышла я из ванной в махровом халате, вполне себе живой и очень голодной. А потому что закусывать надо.

Пистолет!!! Пистолет!!! Мать твою, Юля!!! Черти б его взяли!!! Сука!!! Он был в сумке!!!

Меня пробило в холодный пот и потемнело в глазах.

В сумке. Заряжен.

Ох, блядь.

Интересно, какой дурак впустил в самолёт в жопу пьяную девку с заряженным огнестрельным оружием?!

Ладно. На месте – уже хорошо.

В халате, интересно, пожрать пускают? Это ж, похоже, гостиница. Должны ж тут где-то кормить?!

В пороге номера стояла инвалидная коляска.

Немного неожиданно. Но после осознания местонахождения – хрен с ней.

Сунула в карманы сигареты, зажигалку, банковскую карточку и покинула номер.

В халате и тапках, под удивлённым взглядом девушки в фартуке и с пылесосом, я зашла в лифт. Первый этаж. "Поехали!". Шо Гагарин.

Какой Гагарин?! Пьянь тропическая. Не проспалась ты, что ли.

– Вы ж утром в инвалидном кресле были! – всплеснула руками Ольга за стойкой ресепшена и тут же поправилась, – Доброе утро! Рады приветствовать вас в нашем отеле!

"Вот это уже прям совсем заебись!" подумала я, а вслух сказала:

– Чудесное исцеление воздухом Санкт-Петербурга. Доброе. Милая Ольга, а будьте так добры, соизвольте махнуть рукой в сторону местного общепита.

– А? – подвисла Ольга, – А! Ресторан уже открылся. Но вы. Вы в халате… Впрочем, там сейчас никого нет. Владимир вас проводит.

Откуда-то из-за стойки блеснула макушка, а через несколько секунд показались полтора метра Владимира.

– Доброе утро. Пройдёмте.

Мы пошли по коридору.

– Владимир, а скажите пожалуйста, присутствовали вы при явлении меня с подругами?

– Дааа. – расплылся в улыбке Владимир.

– А, будьте любезны, составьте пожалуйста компанию на завтраке?

– С удовольствием.

На завтрак у меня был омлет, жареный бекон, сушёный хлебушек с сыром и чёрный кофе.

Владимир ограничился кофе с конфеткой.

– Расскажите мне, пожалуйста, как мы сюда прибыли? – попросила я.

– Феерично! Извольте. Сегодня около 5 утра прибыли четверо граждан Соединённых Штатов в компании трёх прекрасных дам. Номера для граждан были забронированы, а дамам предоставлен по требованию. Дамы настаивали на совместном проживании женским коллективом. Граждане не спорили и оплатили сутки номера дам.

– Прекрасно… – я нервно почесала щёку.

– Конкретно вы – были в инвалидной коляске. И в обуви на высоком каблуке. Громко смеялись и выражали радость от благополучного прибытия в Северную столицу. Разместили вас по номерам. Граждане два часа назад отбыли в сопровождении прибывшего за ними переводчика и оставили вам устное сообщение, что вернутся в 17.00. Так же. Час назад звонил мужчина, представился сотрудником правоохранительных органов, интересовался обо всех прибывших. В частности, дамами. Назвал имена и фамилии. Описал внешность и одежду.

– Хм?

– Прошу прощения, возможно, что я лезу не в своё дело… Но мне показалось, что это вовсе не сотрудник никаких не органов и, судя по тону общения, у дам намечаются проблемы.

– Владимир, вы совершенно правы. – вздохнула я. – Можно с кружкой на улицу?

– Если очень нужно, то конечно можно. – кивнул Владимир.

Холодным октябрьским утром, всклокоченная девка с кружкой кофе и сигаретой проветривала дурную и похмельную голову посередь Санкт-Петербурга…

Вернулась в нУмерА.

– Девочки! Подъём!

– Чё ты опять орёшь? Чё тебе не спится? – спросила Ира.

– Поднимайся! Марина!

Девчонки сели на кровати.

– Грёбаный ты жаворонок! Марин, глянь на неё! Рожа свежая, румяная! Будто не бухала!

И Марина с Ирой заржали.

– Девочки. Мы тут, так-то, с американцами…

– Я тебе больше скажу! Одного из американцев Ахмедом зовут! Самый американский американец! – продолжала смеяться Марина. – Вообще ты сейчас не новость сказала! Проспала, видимо!

Опять ржали вдвоём.

– Вы мне лучше скажите, почему я в инвалидной коляске была?

– Вспомнила что ли? – веселье не утихало.

– Куда там! Владимир сказал.

– Кто такой Владимир? – спросила Ира. – Новый знакомый? Куда дальше летим?

И опять взрыв хохота.

– Та, блядь!!! Можно чуть серьёзнее?! – возмутилась я.

– Аааааа!!!! Серьёзнее!!!! Шпуляяяаааа!!!! – бились девчонки в припадке весёлости.

– Ты была в инвалидной коляске, потому что "Ума нет – считай калека!", твоя ж фраза и это был тот самый случай!!! – окончания истерики пока не предвиделось.

– Включи лучше телефон. – посоветовала Марина и ушла в ванную.

И я включила.

Через минуту уже звонил Сергей.

– Алё…

– Хули "алё", Юля?! Какого хуя?!

– Серёж, можно чуть конкретнее вопрос и чуть тише? Голова очень болит.

– Не может болеть то, чего в принципе нет!!! – заорал Сергей, – Какого чёрта ты в Питере?!

– Так получилось…

– Юля!!! "Так получилось" – это когда вместо яблок в магазине груши взяла!!! А это пиздец!!! Я убью тебя, Юля!!! Я за ночь на полголовы поседел!!!

– Хорошо, что не на всю голову, Серёженька…

– Не умничай! Сейчас положу тебе денег на карту, купите билеты и летите домой.

– Серёж, я летать боюсь.

– Ты нормальная?! – снова заорал Сергей. – Значит, в Питер ты лететь не боишься, а из Питера боишься?!

– Я поездом тогда…

– Никакого поезда! Выпретесь где-нибудь и лови вас по всей стране! Я сам тогда приеду. Оставайтесь в гостинице.

– Откуда ты знаешь, что мы именно в гостинице?

– Юля. Об этом знают собаки Васильевского острова и крысы Адмиралтейства!

– Хуясе.

– Давай так. Оставьте деньги за билеты на ресепшене для своих спутников, сами с ними не встречайтесь. Оплатите номер и сидите на жопах ровно. Я скоро приеду. Без концертов, пожалуйста. Вдруг что – звони. И не вздумай выключить телефон. Если у вас есть хоть капля разума, оставайтесь на месте. Будь умницей.

И отключился.

– Девочки. Серёжа сердится.

– Странно, да? Я представляю, что делает Марат. – сказала Марина. – Надо валить отсюда. В другой гостинице нас найдут так же быстро.

– А у меня тут бывший одноклассник живёт. Игорь. Мы когда-то встречались. – сказала Ира. – Давайте к нему махнём? Где-то в блокноте и адрес был.

– Во! – согласились мы.

Мы привели себя в порядок, сгребли свои вещи.

– Чё с коляской делать?

– Это аэропорта. Надо сказать, чтоб вернули.

Внизу прошли к банкомату.

Сумма счёта не порадовала. Восхитила!

– Девочки, вы случайно не помните, что мы за билеты должны?

Попросили на ресепшене конверт, положили в него деньги за билеты и номер, Ира сверху, своим красивым написала "Sorry", попросили номер телефона какого-нибудь такси и ушли.

Три девки в вечерних, очень лёгких платьях, смотрелись весьма странно и не по сезону среди жителей Петербурга. Такси приехало быстро.

– Ир, думаешь, он очень рад будет нас видеть?

– Понятия не имею. – хихикнула Ира. – Пять лет прошло уже как мы встречались.

Прибыли достаточно быстро, расплатились и покинули машину, нашли подъезд во дворе многоэтажного дома. Ой, блядь. Парадную! Мы ж в Питере. И нужную квартиру. Позвонили. Ещё позвонили. Ещё раз позвонили. Тишина.

– Наверное, дома нет. – пожала плечами Ира.

– Или тебя, ненаглядную, в глазок увидел. – предположила я. – И решил не открывать!

Дверь открылась и на пороге возник мужик в трусах. Его отделяло лет примерно двадцать от того, чтобы быть одноклассником Иры.

– Здрасьте! – хором сказали мы.

– А где Игорь? – спросила Ира.

– Не знаю Игоря. – сказал мужик и пожал плечами. – Я тут живу. И я не Игорь.

– Ага.

– Полгода живу. Квартиру купил.

– Ну, ладно. Простите за беспокойство.

– Помогите!!! – раздался истошный женский крик из квартиры. – Вызовите милицию!!!

Мужику перекосоёбило лицо и он попытался захлопнуть дверь, я успела сунуть сумку в проём и мы вопросительно воззрились друг на друга.

– Это. Бабушка. Моя. Она больная. С головой беда. Ей кажется… – заюлил мужик.

– А можно мы посмотрим? – спросила Ира.

– Права не имеете сюда заходить!!! – заорал мужик. – Идите на хуй!!!

– Культурная, блядь, столица. Хули ты орёшь? – шагнула Ира через порог.

Я не знаю, что было в моей голове. Не спрашивайте.

– Зайди внутрь. – сказала я и направила на него пистолет, мгновенно достав его из заднего кармана сумки.

– Кто вы? – попятился мужик.

Мы втроём вошли в квартиру и прикрыли дверь.

– Дед Пихто и баба с пистолетом. – очень к месту вспомнила я детскую присказку. – Кто здесь? Где вы?

– Я здесь! – откликнулся голос.

Мы пошли на звук.

Херасе "бабушка".

На полу сидела зарёванная девушка в домашнем халате.

– Нормально у вас тут. Атмосферненько. – протянула Марина. – Где-то я уже такое видела… Точно! У себя дома!

– Давай, шуруй вон в тот угол. – показала направление пистолетом. – Сразу говорю – заряжен. Шутить не буду. – и уже девушке. – Что случилось?

– Он не даёт мне уйти!

– А тебе прямо сейчас надо?

– Да! – зарыдала она.

– Ну, собирайся. Пошли. – сказала Марина и подала руку, чтобы помочь встать.

– Пошли? – переспросила девушка, принимая вертикальное положение.

– Да. Да! Собирайся. Если хочешь, то прямо сейчас.

– Подождите! – возмутился мужик. – Вы кто такие?! Чё вы лезете не в своё дело? Это моя девушка!

– Мужик. Скажу правду. Так и быть. Открою твои глаза на несправедливость этого мира. Твоё – это то, что ты у себя в носу наковырял. – сказала Ира. – И стой, где стоишь. Мы, это, бабы нервные да дурные. Не нарывайся.

Девушка носилась из угла в угол, скидывая вещи в спортивную сумку.

– Документы не забудь. – подсказала Марина.

– Точно.

– Да что происходит?! Ты никуда не пойдёшь!!! – снова завозился мужик в своём углу.

– Ой, ты ещё. Кандидат в покойники! Стой уже молча. Тебя никто не спрашивает.

Сборы заняли минут 15 и мы вышли из квартиры. Я, не зная чего ожидать, выходила спиной вперёд. Мужик не шелохнулся, но вслед сказал:

– Я в милицию позвоню. Ответите за похищение!

– Звони куда хочешь. – ответила я и захлопнула дверь. – Хоть в суд по правам человека!

Спустились пешком, на улице закурили.

– Меня Арина зовут. – представилась девушка.

– Марина.

– Ирина.

– Юля. Заебись компания Арина, Ирина и Марина. Тебе куда, Арина?

– Домой хочу… В Новороссийск.

– Ааа! Землячка! – засмеялись мы.

– Девочки, а давайте что-то с жильём думать? – предложила Марина.

Зазвонил телефон. Сергей.

– Юля. У тебя совесть есть? Про ум уж не спрашиваю. С ним всё ясно.

– Есть. Чуть-чуть. Только с собой не взяла. Дома спрятала. Времена неспокойные, вдруг спиздят?

– Зачем и куда вы ушли из отеля?

– Та откуда ты уже знаешь?! Только ушли, а он в курсе!

– Юля, я прислал человека, а вас уже и след простыл!

– Зачем ты нам кого-то прислал?!

– Юля! Чтобы мне спокойнее было! Где вы?

– Арину спасали.

– Какую Арину?!– опешил Сергей.

– Какую надо, такую и Арину. Серёж, мы взрослые и самостоятельные женщины. Не надо нам нянек присылать. Сами разберёмся.

– Пиздец. От этого утверждения ещё страшнее стало. Будь на связи.

И отключился.

– В газетах печатают объявления о посуточной сдаче жилья. Мне кажется, это наш вариант. – сказала Ира.

Нашли подходящее объявление, созвонились, забежали по дороге в ближайший магазин одежды, купили себе куртки, джинсы, кроссовки, футболки, трусы, носки, переоделись там же в примерочных. В супермаркете рядом с домом прикупили мыльного-рыльного, полуфабрикатов и встретившись с хозяйкой взяли ключи, сообщив, что приехали из области посмотреть город на пару-тройку дней.

Через пару часов, уже намытые и в халатах с удовольствием уплетали свежесваренные пельмени со сметанкой в уютной кухне двухкомнатной квартиры.

– Девочки, а вы кто? – спросила Арина.

– Да хер его знает, как рассказывать. – пожала плечами я, – Праздновали день рождения её мужа. – кивнула на Марину, – Вышло разногласие во взглядах на семейную жизнь и мы поехали вдвоём в клуб, к нам присоединилась Ира, потом в стриптизе познакомились с мужиками, а они коротали время перед самолётом сюда, ну и прилетели. Близкое знакомство с ними нам оказалось неинтересным, поэтому свалили. Пошли к её однокласснику, – кивнула на Иру, – А там ты. Всё.

– Ну, вы блин, даёте… – протянула Арина. – А откуда у тебя пистолет? Или он игрушечный?

– Друг дал. На всякий случай. Видишь, пригодился. Давай про себя.

– Ой, я попроще. Познакомилась с ним, с Максимом, в Новороссийске, он там отдыхал у нас. Повстречались и он позвал в гости. Я наврала маме, что к подруге, а сама сюда.

– А зачем наврала? – спросила Ира.

– У меня мама не поняла бы даже того, что у нас уже были… Кгхм. Отношения. А уж то, что я поехала к нему – верх распутства. По её мнению. Ну, вот я явилась, день прошёл нормально. А потом получила ультиматум, что должна сидеть дома, рожать детей, заниматься домашними делами и ухаживать за его мамой, а так как я родами быстро "изношусь", то через несколько лет он заведёт любовницу. Дескать, ему по статусу положено.

– По какому, блядь, статусу?! Он кто?! Это у кого такие порядки статусные?!

– Он сказал, что военнослужащий. Так вот, я сказала, что такой вариант меня не устраивает, а он ответил, что уже поздно что-то менять. И я теперь его жена. Двое суток скандалила, чтобы он меня выпустил домой. Угрожал паспорт порвать, не бил, но за волосы трепал. А тут вы. Спасибо, девочки. Ещё бы день- другой такого и я бы в окно прыгала.

– Хм… А мама его причём?

– А он с ней живёт. Только когда вы пришли, её дома не было.

– То есть, это всё при его маме происходило?! – изумились мы.

– Да. Она поддакивала на каждое его слово.

– Во, больные.

– Кстати, девочки, почему я была в инвалидной коляске? – опять за своё больное спросила я.

– Потому что пьяных в самолёт не пускают, а инвалидов пускают. Мы сказали, что ты – инвалид, но коляска сломалась, поэтому тебя несут на руках и в аэропорте нашлась вроде как замена, чтоб тебя завезти. Ты б это видела! Картина "Барыня на выезде"! И, наверное, поэтому никто на пистолет не среагировал, когда рамка пищала. Тем более, мы ж с иностранцами были. Видимо, закрыли глаза на невменяемое состояние инвалидки. А здесь уже другую тебе предоставили. Вот и всё. – пояснила Марина.

– А вы не могли объяснить, что лететь никуда не надо, а надо перебазироваться в другое место, например, домой?! – возмутилась я.

– Шпуль, нам тоже было весело, если честно. В Питер, конечно, не так хотелось, как тебе, но ржачно было, пиздец! – засмеялась Ира. – Кстати, какой план действий? Зачем-то ж мы здесь?

– Эрмитаж, Кунсткамера, Зоологический музей. Это вот я хочу. В Петергофе холодно, да и закрыто уже, наверное, какие нахрен фонтаны? Если кому ещё куда надо – вносите предложения. На Эрмитаж день, на остальное ещё один и надо двигать домой. Как раз там все успокоятся и, авось, не поубивают нас. – продемонстрировала я полное непонимание причинно-следственной связи.

Я позвонила домой, набрехала маме, что всё хорошо и я в общежитии, позвонила Настя, девочка-соседка:

– Шпуль. Заходил замдекана и спрашивал, что у нас за кладбище на балконе.

– Какое кладбище?! Кто там умер?!

– Цветов же куча. Засушенных. Выкинуть можно?

– Да! Конечно! Спасибо.

– У тебя всё хорошо?

– Да, Настюш. Всё в порядке. Загулялась.

Цветов, блядь. От Саши ещё остались. Тьфу. Нашла, кого вспомнить.

– Привет. – проснулась моя совесть и я набрала Сергею.

– Что случилось?! – вместо "здрасьте". – Я выезжаю через час и меньше чем через двое суток буду на месте. Скажи где ты, сейчас же подъедет человек и всё решит.

– Серёж. Успокойся и не торопись, а лучше вообще не срывайся в дорогу. Всё в порядке. Мы в тепле, безопасности, сытые, тёплой девчачьей компанией и даже трезвые. Завтра пойдём по музеям погуляем, а потом домой. Не беспокойся.

– Что с тобой? Тебе плохо?

– Не. Нормально.

– А почему ты так разговариваешь?

– У меня совесть есть. Чуть-чуть с собой. Вот тебе показываю.

– Юля. Скажи правду.

– Серёжа! Иди в жопу! Раз в сто лет по-хорошему позвонила, а ты не веришь! Пока!

Первая проснулась, как обычно, я.

Умылась, сделала себе кофе. На запах и кухонный грюк пришла Марина.

– Доброе утро. – шёпотом приветствовала я.

– Доброе.

– Кофе будешь? Только чайник закипел.

– Буду.

Налила себе кофе и уселась напротив меня.

– Марин, что у вас с Маратом происходит?

– Юль. Женился на проститутке и бьёт за то, что проститутка. Я не знаю как это объяснить. Порой нормально, а порой как ты видела. Ревнует ко всем на свете. Да и пусть бы. Дети всё видят. Ну, хоть по лицу бросил бить. Я замахалась то нос ровнять, то рот зашивать. В прошлом году сломал ребро, оно воткнулось в лёгкое и чуть не померла. А тут его все знают, сбагрил меня лечиться в Германию и наврал, что в Греции отдыхаю. Мудак.

– Ну, дорогая, ты тоже не отстаёшь. Я была на твоём Дне рождения.

– Я тебе так скажу. Мне нравится его принародно оскорблять. Он ничего не может со мной сделать и бесится. Надеюсь, что его когда-нибудь инсульт накроет от этого! – засмеялась Марина.

– А не проще разойтись?

– Щас! Я не планирую остаться на улице. В нищете. Но боюсь, что убьёт. Или я его. Так и живём.

– Весело… – протянула я, – Что тебе будет за эту поездку?

– Ой, да ничего нового. Сначала изобьёт, потом пролечат, потом навешает на меня пару килограммов золота и купит новую машину. У меня, на самом деле, только один вариант – убить его первой. Но меня ж или посадят, или твой Серёжа в клочья разорвёт. Не любит он меня.

– Да ну.

– Что "да ну"? Думаешь мальчик-колокольчик? Как бы не так! Но если бы он знал, то что знаю я… С удовольствием бы стравила. Но и на Серёжу сердитая, уж сколько лет я перед ним жопой кручу, а ему хоть бы хны. Даже напрямую предлагала. Если б согласился – бонусом бы Марата сдала.

– Что там за тайна Мадридского двора? – заинтересовалась я.

– Это ж Марат организовал убийство отца Сергея и Виктора Ивановича с семьёй. Слышала, наверное? Но Иваныча ещё не нашли, он без вести пропавший. В смысле, тело. И не найдут. Марат не дурак. Ходит улыбается. Подлец. Он и под Сергея копает. Да только кишка тонка.

– Что-то слышала… А кто это – Виктор Иванович? – прикинулась я дурой.

– Ой, Юль. Я только точно знаю, что сейчас то, чем они занимаются, раньше было в руках Николая Сергеевича и Виктора Ивановича. Марат был даже не на вторых ролях и его это страшно бесило, а Сергей был совсем молодой, достаточно далеко, учился и практически не у дел, поэтому никого и не интересовал. Николай Сергеевич по-умному сына сберёг. Только и после этого зверского убийства, предпочли иметь дело с зелёным Серёжей, а не с Маратом. Опять в пролёте! Всё зря. – веселилась Марина.

– Я думала, они на равных.

– Да, конечно! Как Сергей скажет, так и будет.

– Чем они занимаются?

– Юль. Я тебе так скажу. Не знаю, знать не хочу и тебе в это лезть не советую. Там политика какая-то. Не просто так всё. – развела руками Марина.

– А если я Сергею перескажу то, что ты мне сейчас рассказала?

– Да говори. Покажу где поискать и не за бесплатно. Авось и от Марата избавлюсь.

– Как ты живёшь с такой информацией?

– Хорошо живу. Жду, когда можно будет продать подороже. А они пусть дальше друг другу руки жмут. Будет знать, как мне отказывать. Так смешно за ними наблюдать! А ты хернёй не занимайся. Лучше подумай как Серёженьку поудобнее прибрать. Желающих достаточно. Юля, у него денег немерено. Самое нужное, что есть у мужиков. Далеко не у всех, должна заметить. Деньги правят миром. И тот у кого деньги, тоже правит. И баба при нём будет в шоколаде. И мужик хороший. Правильный, грамотный, красивый. Он уже полгода на других баб и не смотрит даже, всё за тобой бегает. Как он в постели? Хорош?

– Я не знаю.– пожала плечами.

– Ты шутишь?! У вас ничего не было?!– вытаращилась на меня Марина.

– Нет. Он смотрит на меня как на говорящий кактус. С недоумением и иногда чисто поржать. Какие могут быть из этого близкие отношения? Марин!

– Юль, ты прости. Но ты дура. Вот, как раз, чтобы поржать он за тобой сюда и собрался ехать. Ага.

– Та ну, перестань ты. Ему разве такую как я надо? Он меня и как существо женского пола не воспринимает. Глупости.

– Юля. Зато вас уже давным-давно воспринимают как пару. И Серёжа, мне кажется, ждёт пока ТЫ до этого дойдёшь. Правда… Немножко, конечно, староват для тебя. Но это фигня. У нас с Маратом тоже разница большая. И ничего. У него зато ребята молодые!

– Марина?

– Что?! Тестостерон так и прёт!

– Дорогая моя, уж не за это ли ты битая регулярно?

– А и за это тоже! Ты б видела, как он злится! Умора! – захохотала в голос Марина.

– Пиздец.

И в кухню зашла Арина.

– Доброе утро, девочки. По какому поводу хохочете с утра пораньше? О, кофе.

Разбудили Иру, сгреблись и махнули в Эрмитаж.

– И вот, девочки, представьте! Латный кУстюм весит от 18 до 40 кг, да ещё меч плюс от 1,5 до 4 кг. Попробуй помаши такой хернёй… Да ещё с забралом, через которое ни черта не видно. Короче, тупо махали мечами в кого попадёшь, в того и молодец. – проводила я экскурсию в Рыцарском зале Зимнего Дворца своим девочкам и тем, кто не успел убежать от моего виденья мира и взгляда на историю. – А самое страшное, что латы надевались долго и только с помощью оруженосца, то есть, ни о каком снять и покакать речи не шло, поэтому все свои естественные нужды рыцарь справлял, по сути, себе в штаны. Потом куда-нибудь в речку и, может быть, вода лишнее вымоет.

– Как же они воняли! – ужаснулась Марина. – Они ж ещё и потели!

– Не "воняли", а "дурно пахли", как всегда поправляла нас учительница истории.

– А как со всей этой хренью лезть ещё и на лошадь? – удивлялась Арина.

– Да вот хер их знает. Крепкие, видать, были мужики… Но воооонючие! – смеялась Ира. – Вот тебе и рыцари! Так и мечтай!

– На белом коне!

Иностранцы нас, к счастью, не понимали.

– А вот Колыванская ваза… Уму просто непостижимо. Она меня и в первый-то раз потрясла до основания сознания, и сейчас. Это ж надо?! 19 тонн весит! Один только фундамент под ней 4 года сооружали. Какими же руками, инструментами и для чего это было сделано?! Аж дух захватывает.

– А вот "Даная" Рембрандта… Знаете эту историю? Акрисию, царю Аргосскому сказали, что он будет убит своим внуком и он заныкал любимую дочу подальше, чтоб же ж не залетела ненароком. А тут и Зевс увидел, влюбился и обратился в золотой свет, чтобы проникнуть к ней. И, таки, проник. И родила Даная Персея, который дедушку-то и грохнул. Как, собственно, и предрекалось. А картину покалечил кислотой и ножом один дурак в 1985 году. И помнить не хочу как его звали. Идиота кусок. Восстановили.

– Оох… У меня уже от этих жутких эмбрионов тошнота подступает. – жаловалась Арина в Кунсткамере. – Давайте на выход, что ли.

Выбегались за день и, поужинав, вечером снова собрались на одном диване перед телевизором.

Набрала Сергею.

– Привет.

– Привет. Что? – настороженно спросил он.

– Ничего.

– Всё в порядке?

– Да. Звоню сказать, что я живая.

– Прям вот так?

– Ну!

– А с чего это мне такая милость перепала?

– Настроение хорошее. Мы сегодня в Эрмитаже были.

– Тебя в Эрмитаж нужно каждый день водить, чтоб было настроение говорить людям, которые за тебя беспокоятся, что ты живая?

– Ой. Всё!

– Странно как-то…

– Ты, кстати, где?

– Подмосковье. Что-то начудить собралась, поэтому спрашиваешь? Успеешь или нет?

– Откуда столько недоверия? – оскорбилась до глубины души я.

– И правда! – засмеялся Сергей. – Даже сам не знаю!

– Ладно. Всё. Пока.

– Давай.

Четыре тюленьки лежали на диване.

– Девочки, а что вот мы… В Питер приехали, а в клуб не сходим? – спросила Ира. – Только по музеям таскаться будем? Так, что-то, и вспомнить особо нечего.

– Тебе впечатлений мало? – спросила Марина.

– В клуб хочется. Поплясать.

– А я, кстати, тут тоже ещё не танцевала. – сказала Арина.

– Ну, значит, решено. Погнали. А то Серёжка приедет и с нами не пойдёт и самих не отпустит. – не стала отрываться от коллектива я.

Было б сказано. Через 2 часа мы уже вызвали такси.

– В какой, девочки?

– В самый большой и самый классный!

Плясали, пьянствовали в баре, снова плясали, опять пьянствовали. Дури у всех было приблизительно одинаково, поэтому интересы хорошо сошлись. Настолько, что девочки меня чудесно поддержали в споре с совершенно незнакомым мужиком, которого я уверяла, что именно мы сойдём на берег Хельсинки без загранпаспортов, виз и прочей ебатни и меньше, чем через 12 часов вернёмся на борт парома. На кону стояли 10.000 зелёных. Где и каким образом я их собиралась добывать в случае проигрыша— покрыто мраком неизвестности по сей день.

А через полтора часа после спора пьяная девичья компания, предварительно поменяв деньги, отплывала из Санкт-Петербурга в Финляндию на пароме, с владельцем которого и поспорила.

Через десять часов мы проспались, привели себя в относительно человечий вид и вышли на палубу.

– Влад. Покажи хоть выигрыш!

– Ты всерьёз думаешь, что он твой? – заржал Влад. – Если вас задержит полиция, то вы будете выбираться с помощью посольства! И это будет гораздо позже, чем через 12 часов. Хорошо, если в этом году!

– Ой, Влад!

– Юля, вас посадят!

– Как посадят, так и выкопают! Тоже мне. Напугал.

– На. Любуйся. – распахнул бумажный пакет.

А ещё через двадцать минут наш дружный ансамбль "Безумные девки" ступил на землю Финляндии. С российскими паспортами, моей полной денег сумкой и, блядь, огнестрельным оружием в ней же. Потому как у Юли не хватило ни ума, ни фантазии притулить его в безопасном месте. Не спрашивайте от кого я собиралась отстреливаться. В душе не ебу.

Мы покинули территорию порта и зарулили в ближайшее кафе пообедать.

Почему мы решили, что не будем бросаться в глаза в своих платьях и на шпильках в порту и сойдём за своих – вообще за гранью понимания.

Пожрать мы не успели, как оказались задержаны полицией.

Один из представителей местной власти проокал и проакал, заикаясь на согласных, что-то совершенно невообразимое.

– Сссссууууукаааа… – выразила я радость от встречи. – Девоньки, прикидываемся дурами до последнего. Авось, отвалит.

Как по команде сделали овечьи морды.

– Инглиш? – спросил второй.

– Чуть-чуть. – сказала Марина.

– Вот и заткнись, пожалуйста.

И мы отрицательно замотали головами.

Спектакль обосрал нам бармен. У нас и так-то номер не сильно ладился, а тут ещё он:

– Русские они.

Мы дружно скосили на него глаза.

Бармен поокал и поакал с полицейскими и сказал нам по-русски:

– Вам нужно пройти с ними. В участке есть русскоговорящий.

Делать вид, что мы и русского не понимаем – было б совсем глупо и мы как-то разом решили не сопротивляться, пока вежливо просят и пообщаться с ихНИМ в участке по-русски. Хер знает, чё у них за полномочия. Может, им таких как мы можно в море топить. Без суда и следствия.

"Бля… Лишь бы в сумку не полезли. "– думала я, пока мы шкандыбали на каблуках по брусчатке под мелким дождиком.

В участке нам жестами показали, что можно присесть, скоренько пришёл приятный белобрысый мужчина в костюме и обратился по-русски:

– Добрый вечер. Разрешите взглянуть на ваши документы?

– Добрый.

Квартет "Ебанашки на выезде" дружно полез за паспортами.

Подали.

– Ага. Хорошо. Это всё? Загранпаспорта?

– Как вас зовут? – спросила я и улыбнулась.

– Антти.

– У вас совсем нет акцента! – восхитилась я. – Вы прекрасно владеете языком!

– Откуда взяться акценту, если я Андрей и полжизни прожил в Пскове?

– О? Вот это уже чудесно!

– Ничего чудесного, дамы. Вы находитесь на территории страны незаконно. Вы должны были оставаться на судне, на котором прибыли. У вас проблемы.

– Андрей… Нас укачало и мы хотели нормальной еды… Можно мы, пожалуйста, вернёмся обратно? Честное слово! Быстро и тихо. – сделала я жалобную морду.

– Нет. – глянул в паспорт. – Юлия Сергеевна. Я повторю. Вам нельзя было покидать судно.

– Ладно. Андрей, разрешите тогда хотя бы сделать один-единственный телефонный звонок?

– Хорошо. Адвокату?

– Да.

В моей пустой башке, как птичка в клетке, билось единственное знание – когда что-то очень пошло не так – нужно звонить домой, в милицию или дяде Боре. Домой как-то не очень хотелось, милиция – вот она полиция под жопой, не родимая, конечно, но всё же… Дядя Боря подходил как нельзя лучше.

Я набрала номер.

– Здрасьте, дядь Борь. Это Юля. – и назвала фамилию.

– Привет, Юлёк. Как дела?

– Дядь Борь. Так себе дела. Я в полицейском участке Хельсинки.

– Молодец какая! – обрадовался дядя Боря. – Что сотворила?

– Вторглась на территорию государства без соответствующих случаю документов.

– С Луны ты что ль упала в Финляндию? Вторглась она.

– Почти. Паромом.

– Ай, умница! Ай, лапушка! – снова похвалил дядя Боря. – Отец, я так понимаю, не в курсе? Сказать?

– Ой, нет! Пожалуйста.

– Юля. Если он будет тебя искать – я скажу. Имей в виду. В каком вы участке? Что у них там? Номер, адрес или что?

– Рядом с портом. 5 минут на каблуках.

– Ладно. Номер телефона определился. Разберусь.

– Дядь Борь. Я с подругами…

– О?! У вас там съезд дурных девок?

– Типа того.

– Ладно. Сидите, ждите, никуда не уходите. – пошутил весёлый папин друг.

– Всё. – сказала я Андрею и положила трубку.

– Я вам сообщаю, что вы задержаны. Сейчас вас проводят в камеру, где вы и будете дожидаться.

– Чего?

– Юлия Сергеевна. Приедет переводчик, вас опросят, составят протокол, потом будут что-то дальше решать. Я не занимаюсь этими вопросами. Я только поговорить пришёл. Сейчас только ждать. У вас сейчас даже вещи не могут досмотреть. Никому не нужен этот международный скандал. Могу только предложить сообщить в посольство о вашем местонахождении.

– Не, не надо. Спасибо.

Нас отвели в камеру. Или как оно там у них называется. Всей компанией в одни апартаменты. Щёлкнул замок. Так себе ощущение, скажу я вам. Не рекомендую.

– Заебись. – прервала молчание Ира. – Чё дальше?

– Пока ждём. – пожала я плечами.

– А чё ждём? – уточнила Арина.

– Пока дядя Боря что-то порешает.

– А он порешает? – спросила Марина. – Или, может, самое время Марату звонить?

– Должен. Девочки, всё будет хорошо. – пообещала я, едва не стуча зубами от страха.

– Ох, Шпуль, чтоб я ещё когда с тобой пьянствовала! – сказала Ира. – Ни в жизнь! Только в общаге и при замкнутых дверях. Ну, если вернёмся. Дяде что ль позвонить?

– Ир, давай чуть подождём.

– Ну, давай. Куда нам торопиться?

Пару часов мы болтали лишь бы о чём, чтоб было не так страшно.

Хуже всех пришлось Арине. Добрая и домашняя девочка, видимо, сто раз пожалела о знакомстве и в её глазах периодически собирались слёзы, которые она втихаря подтирала.

– Арин, да всё нормально будет. Давай обниму. – и дальше мы уже сидели в обнимку.

– Девочки! – послышалось откуда-то сбоку. – Вы же русские, да?!

– Да! – ответили хором. – А ты кто?!

– Девочки, если вернётесь в Россию, скажите в милиции, что Дарина, – назвала фамилию. – Здесь. Меня точно ищут. Я без документов. И не признаюсь кто я. Я убила клиента, чтобы бежать.

– Твою ж мать. Откуда ты, Дарина?

– Я из Ставрополья.

– Ооо! Землячка! – обрадовались мы.

– Меня папа точно ищет. Меня похитили.

– Так. Подожди. – сказала Марина. – Это ты пропала накануне своей свадьбы?!

– Да!!! – крикнула девушка.

– Дарина. Тебя года 4 ищут уже.

Пришёл разговаривающий по телефону Андрей:

– Вон они сидят, голубушки. Да. Четверо. И только российские паспорта. – засмеялся. – Ну, да… Хорошо…

– Пятеро! Нас пятеро!

– В смысле? – не понял Андрей. – Кто ещё с вами?

Протянул телефон:

– На!

– Алё!

– Кто с вами пятый? Вас же вчетвером взяли. Вы там почкованием размножаетесь?!

– Мы встретили Дарину, – сказала я понизив голос и назвала фамилию. – Из Ставрополя.

– Фамилию знаю… Ладно. Имею ввиду. К вам уже мчит дядя Миша.

– Ваш брат?

– Да. Он самый. Будьте умницы. Скоро будет. На ваше счастье.

– А Дарина?

– Юль. Там с вами не очень понятно. Но постараемся. Своих нельзя бросать. Пароль прежний. – хихикнул дядя Боря.

Я отдала телефон и Андрей ушёл.

– Вы меня правда заберёте? – спросила Дарина дрогнувшим голосом.

– Попробуем. Нам тебя до комплекта не хватает. У нас есть Арина, Ирина, Марина и срочно нужна Дарина.

Мы чуть подремали, притулившись друг к другу.

Ещё затемно зашёл Андрей с двумя большими дядьками. По дружелюбным и жизнерадостным мордам лиц сразу стало понятно, что братья-славяне и по наши души.

– Подъём. На выход. – сказал Андрей и открыл двери сначала наши, потом соседнюю.

– Пароль? – спросила я у дядек.

– Чё?! – опешили дуэтом.

– Вы должны знать пароль.

Мужики переглянулись.

– А! Синхрофазотрон. Пойдём уже, конспираторша. – и у меня за спиной.– А она крепко ебанутая…

– Я всё слышу!

Нестройным гуськом вышли на улицу и направились в сторону порта. Темень, холопиздрище, промозглый дождик с ветром, вбивающим капли воды прямо в кости, дорога как зеркало— самое то для туфлей на шпильке с металлической набойкой.

Не понравилась мне такая экскурсия. Зато Дарина была с нами.

Издалека я увидела паром на котором мы прибыли.

– Ребят, как вас зовут?

– Славик. – отозвался один.

– А второй?

– Славик. – отозвался второй.

– Удобненько. – не особо удивилась я. – Мне нужно кое-куда заскочить. Кто со мной?

– Никто. Тебе нужно на яхту и домой. Времени в обрез.

– Ну, мне очень надо. Ну, пожалуйста. Девочек на яхту и кто-нибудь со мной.

– Нет. Ты хочешь, чтобы мы все вернулись туда, откуда только что забрали вас?

– Ну, хотите я на колени встану?! – предложила я и, задрамши платье, встала-таки посреди улицы.

Славики молча воззрились на меня, девчонки хихикнули.

– Пиздец. Ладно, Юля.

Девочек оставили на яхте, а я со Славиками вскарабкалась на паром.

– Влааааааад!!! Доооброоое ууууутрооо! – прогорланила я.

Мне навстречу через минуту вышел сонный Владик.

– Какого хера?!

– Ты не рад меня видеть? Так. Влад. Я спор выиграла? Выиграла. Гони выигрыш.

– Ты кто такая? – стоял не двигаясь.

– Тебя парализовало от моей наглости или от радости встречи? – спросила я. – Влад, не тяни время. Я тороплюсь, очень устала и замёрзла.

Двухметровые квадратные Славики за моей спиной прибавляли уверенности, а Владу беспокойства.

Влад повернулся к нам спиной и лицом к лестнице вниз, я шагнула следом, между нами сразу встромился один из Славиков.

Мы спустились вниз и Влад вошёл в каюту, ближний к нему Славик вдвинулся в проём.

"Профессионалы!" – восхитилась я про себя.

Влад порылся в шкафу, вынул уже виденный мною бумажный пакет и отдал мне. Я заглянула, достала пачку перетянутую резинкой, перебрала пальцами.

– Спасибо! – присела я в книксене. – Приятно иметь дело с щедрым джентльменом, умеющим организовать досуг даме.

– Кто ты такая?!

– Лучше тебе не знать. – нагнала я интриги.

Ну, в самом деле, не говорить же, что ебанутая студентка факультета ветеринарной медицины?! Зачем расстраивать человека?

Мы со Славиками вернулись на яхту и тотчас же отошли от причала.

Я закурила.

На палубу вышел дядя Миша.

– Привет.

– Здрасьте.

– Юля, помнишь как на 1 Мая, раскачавшись в качели-лодочке на отдыхе в парке, ты отпустила руки и вылетела из неё, едва не убившись об забор по пути твоего полёта? Сколько тебе было? Лет пять?

– Помню… – зависла я.

– Так вот, что я имею тебе заявить – с того дня ума у тебя не прибавилось ни на единую копейку. Ты нынче проделала то же самое. И едва не убилась. Иди спать. Через 4 часа будем на месте.

– Где Дарина?

Дядя Миша молча махнул рукой в сторону.

Я пошла, куда показали.

Девочки кучкой спали.

Дарина задумчиво жевала бутерброд с сыром, запивала чаем с лимоном, увидела меня и кинулась обниматься:

– Спасибо! Спасибо тебе большое!!!

– Ой, Дарин. Это ж дядя Миша. Расскажи о себе, пожалуйста.

– Слушай. Я была у своего жениха. Через три недели назначена свадьба, всё готово, ресторан, гости приглашены, платье – костюм пошиты. Мы пили вино. Проснулась я на грязном матрасе в какой-то комнате со стенами даже без отделки. Рядом стояла кружка с вонючей водой и чёрствый кусок булки. Есть хотелось невыносимо. И я это съела. И выпила. Проснулась в борделе! – Дарина заплакала. – 4 года! Юля! 4 года!!! Потных, жирных, старых, извращённых ублюдков! И я не понимаю как туда попала! Не понимаю!!! Я ничего не помню!!!

– Тише чуть, милая. Не кричи, пожалуйста. Девчонки намаялись. – гладила её по голове и прижимала к себе.

– Ты понимаешь, что это сделал со мной мой будущий муж? Тот, с кем я собиралась растить детей! – перешла на шёпот, – Это точно он. Больше некому. Как же мне повезло, что ты меня забрала. Мне нельзя в посольство. Я убила клиента, чтобы бежать. И я сбежала! Я пришла пешком в Финляндию. Я почти дошла домой… Меня просто задержали на улице, спросив документы. У меня ничего с собой нет. Ни денег, ни единой бумажки. И мне нельзя говорить кто я. Меня, наверняка, ищут.

– Это ты молодец, я бы если пошла пешком в Россию, то оказалась бы не в Хельсинки, а во Франции. В лучшем случае. А то и в Занзибаре.

– Как же я хочу домой! Мой папа заберёт меня. Спасибо тебе! Насрать на этого старого ублюдка… Папа всё решит. Я не хочу в тюрьму.

Истерика. Форменная.

Я обнимала Дарину и просто ждала, не прислушиваясь, что она шепчет в моё плечо.

– Ты в безопасности, милая. Скоро вернёшься к папе.

Наконец, она затихла и притулив её в кресле и укрыв пледом, я вышла на палубу.

У меня дурацкий тип нервной системы: когда нормальные люди измотаны физически или морально – они спят, а когда измотана я – у меня трясутся руки в ритме тахикардии, дёргается глаз и сон отшибает напрочь. До самого Санкт-Петербурга я, завернувшись в одеялко, курила на палубе.

Май 1996 года.

В пятом классе, в неполные одиннадцать лет, меня настигло большое горе. Появилась менструация и начала расти грудь. Если о первом событии быстренько узнали все желающие и нежелающие, то второго мама не видела в упор.

– Валя, ей лифчик уже надо. – говорили мамины подруги. – Это уже просто неприлично. Из-под блузки же всё светится. Мечта педофила.

– Зачем он ей нужен? – удивлялась мама. – У неё сиськи большими не будут. Не растянутся.

– Валя. Она же уже стесняется! Посмотри! Горбится, закрывается руками, на улице +30, а она кофтой прикрывается.

– Ты стесняешься? – громко спросила мама. – Молчит. Значит, не стесняется. Застесняешь её! Гляди! Такая, что слова не скажи. Характерная. У неё ж и месячные уже пошли. Теперь только и следи, чтоб не залетела от какого-нибудь идиота!

Мама очень любила такие разговоры и чем больше слушателей, тем лучше. И так я непутёвая и очень тяжело со мной, а теперь вот ещё и про это думай.

А стесняться уже, к слову, было чего.

Я резко выросла из большинства вещей, летние майки-футболки плотно натянулись в области груди и появились желающие меня потрогать. И из числа ровесников и из тех, кто постарше. Ну, и десятилетний худой ребёнок с сиськами первого размера— то ещё зрелище, я вам скажу. Лето бесконечного позора.

Только после беседы уже с учительницей английского языка мама сдалась и повозмущавшись купила мне первый бюстгальтер. О чём, конечно же, оповестили всех в округе и теперь от мамы можно было слышать следующую жалобу:

– У нашей дуры ума не наросло, а сиськи выросли. Из-за её сисек меня в школу вызвали! Не хватало ещё из-за сисек в школу ходить! Ладно б из-за учёбы! Позорище! Много внимания ей. Мальчики лезут, а она дерётся. Одному глаз подбила, другому щёку разодрала. Не девочка, а чёрти что растёт. Пришлось лифчик покупать. Покажи! – обращается ко мне. – Не стесняйся. Здесь все свои. Такая злюка растёт. С таким характером, что ой-ой-ой.

А ещё эти проклятые сиськи болели и шевелились при ходьбе. Школьные уроки физкультуры превратились в ад. Бюстгальтер немного спасал от неприятных и непривычных ощущений и я в нём ходила практически круглосуточно, чем несказанно веселила маму и она снова делилась своим мнением:

– Моя! На свои прыщи напялила лифчик и носит его не снимая! – новая тема для разговора с подругами. – Представь, мусор идёт выносить и в лифчике! Я ей говорю: «Кому ты, овца, нужна на помойке со своим лифчиком?». Леди растёт! Прям как не моя дочь, а английской королевы. Что ты из себя строишь, спрашивается? Такая дура.

С менструацией было ещё интереснее.

– Кобыла! – орала мать и меня десятилетнюю, била колготками по лицу. – Тупая кобыла! Достала уже своими месячными! Сколько раз тебе говорить?! Положи себе в портфель тряпку и затыкайся ней!

– Ма, купи мне прокладки… – плакала я. – Хоть в школу. Я не могу с такой тряпкой в сумке. Вдруг выпадет?

– Какие тебе прокладки, ленивая курва?! Руки отвалятся постирать?! Не имей привычки озадачивать меня своими дурацкими проблемами! Думать мне, что ли, больше не о чем как про твои месячные?!

И до девятого класса я так и не смогла объяснить, что если эту застиранную, страшенную тряпку увидят мои одноклассники, то мне только вешаться.

Ситуацию неожиданно разрешил папа. У меня закончились нервы, я набралась наглости и прямым текстом попросила, а он просто дал мне денег на предмет гигиены. Мама была в бешенстве.

– Зачем ты дал ей деньги?! Чтобы она курить начала?

– Валя. Она попросила, я дал. Значит, ей нужно. А вообще было бы хорошо, если бы эти вопросы решались без моего участия.

Но впредь я обращалась только к папе.

Из первого бюстгальтера я выросла и он начал врезаться уже не то, что в кожу, а в мышцы и этот растёртый до крови и воспалившийся след как-то случайно увидел папа.

– Что это?

– Лифчик. Мал. Уже.

В ближайший базарный день, папа умыкнул меня от мамы и впихнул в палатку с бельём.

И опять домашний скандал.

– Зачем ты её балуешь? – орала мама.

– Ты видела спину?! – орал папа. – Ты видела?! Она же при тебе переодевается! Почему ТЫ ничего не предприняла?! Куски засохшего мяса! Валя! Это нужно лечить! Чем-то мазать что ли! Займись этим!

– Чё ты вообще с ней пошёл? У неё что матери нет?! А теперь все так и будут говорить! Ещё и к Тайке повёл!!! У неё самое дороге бельё на всём базаре!!! Чё ты лезешь не в свои дела?!

Ну, виновата, конечно, оказалась я. Во-первых, я обнаглела, что раз в 4 года мне новый лифчик покупай, а во-вторых, что специально своими выходками ссорю маму с папой и если бы не я, то с их отношениями всё было бы хорошо.

Приблизительно в это же время начались проблемы с моим женским здоровьем. Любое сообщение о болях или игнорировалось, или комментировалось в духе: «Что ты мне сказки рассказываешь?! У меня никогда ничего не болело! То у тебя, наверное, контрольная на кото-

рую ты идти не хочешь или спросить должны, а ты, курва, не учила!». Иногда вызывали "скорую", чтобы укололи обезболивающее.

В 17 лет мама сводила меня к гинекологу перед университетом с единственным вопросом девственница ли я. Ответ её удовлетворил, но меня послали на УЗИ.

– Много новообразований. – говорила врач. – Из-за этого должна быть болезненность. Как можно было не заметить? Нужно заниматься этим вопросом, сдать анализы на гормоны, прояснить этиологию, возможно даже сделать биопсию и рожать как можно скорее. Уже сейчас будет проблемой забеременеть и выносить, а дальше станет просто невозможным. Мамаша, это же всё не за один день наросло. Почему вы раньше не озадачились?

– Она никогда ни на что не жаловалась. – пожала мама плечами.

А выйдя из кабинета при всей очереди в женской консультации отхлестала меня своей сумкой с криком:

– Ты что, тварь такая, думаешь тебе трахаться разрешили?! Понаберут во врачей неучей, понапокупают себе дипломов за сало и они мелят, что попало! И так херня какая-то выросла, так ещё жди, что в подоле со дня на день принесёт! Своих пусть детей шалавами воспитывают! Медицина ни к чёрту!!!

И повела меня на УЗИ щитовидной железы, потому как решила, что я "пучеглазая". А в местности йода мало. И рыбу я не ем.

– Врач сказал, что щитовидка как по учебнику. Идеальная. – рассказывала мама папе за ужином. – Ты вот только шляешься и не интересуешься здоровьем ребёнка. Хорошо хоть я слежу.

Октябрь 2003 г.

Нас встретили, но не в порту, а на каком-то частном причале, рассадили по машинам и привезли в дом дяди Миши.

Мы дружненько помылись, в каждой спальне был санузел, и собрались на завтрак.

– Дарина, я уже говорил с твоим отцом. Позавтракай, приди в чувства и набери ему. Он близок к состоянию инфаркта. Говори только спокойно, пожалуйста. Чрезвычайно взволнован.

– Спасибо! – кивнула Дарина. – Вам всем самое большое спасибо! За всё! Я не знаю как вас благодарить! Честно. Я уже не ждала помощи.

– Ваша встреча, девочки, – дядя Миша развёл руками, – Это что-то невообразимое и невероятное! Потрясающее! Будто само Провидение собрало вас в этой точке мира! Вы уж простите, милые леди, но дядя Миша немного фаталист…

– Ну, да. Встреча действительно интересная. Интересно. Есть этому какое-то практическое применение? – глядя на недоумённые взгляды, я продолжила. – Ну, допустим, нашу весёлую четвёрку закинуть в какую- нибудь страну и мы там соберём всех несчастных земляков. Сработает? Как думаете?

– Шпуль. Ты совсем не спала, да? – спросила Ира.

– Совсем. Надо?

– Надо, Юль. – поддержала Марина.

– Я ебала такие приключения. – снова высказалась Ира.

– Ну, и зря. Мне понравилось. – хмыкнула я.

– Юля, если ты позавтракала, то мне нужно с тобой переговорить. – сказал дядя Миша. – Бери свой чай и пойдём со мной, пожалуйста.

Мы прошли в кабинет, через стенку с гостиной.

– Присаживайся куда и как удобно.

Я влезла в кресло и сложила по-турецки ноги.

– Дорогая моя. Знаешь, человеку при рождении отмеряются годы жизни, годы счастливой жизни, годы неудач… Они чередуются, как угодно Провидению. Или Высшим Силам. Или Богу. Сама для себя решишь в своё время. То же самое касается любви и везения. Фарта. Да.

Именно фарта. Я тебе вот, что хочу сказать. То, как вам повезло сегодня ночью – так мало кому везёт. Абсолютно все звёзды сошлись в едином сценарии, чтобы вы оказались в моём доме живыми, здоровыми и свободными. Особенное внимание прошу к "свободными". Это невероятное стечение обстоятельств! И если ты вычерпала весь фарт на свой остаток жизни – не ропщи. Даже Славики! Единственные, кто умеет и имеет право управлять яхтой – оказались на месте. Вы просто никогда ранее не имели дел с финской полицией! Вы отделались даже не испугом. Я говорю, положа руку на сердце, если бы мне кто-то рассказал подобное – я бы ему не только ни в жизнь не поверил, а ещё бы и усомнился во вменяемости. Но я верю своим глазам, ушам и чуть попустевшему банковскому счёту.

Я подняла брови.

– Ты же не думаешь, что всё это было организовано за "спасибо"?

– Нет, дядь Миш. Назовите, пожалуйста, сумму. Я возмещу.

– Юля. Речь сейчас не о деньгах. Хотя я их очень люблю и уважаю. У тебя есть то, за что я готов заплатить гораздо больше, чем сегодняшней ночью.

– Что?

– Юля. Не напрягайся. Я не претендую на дочь друга! Ответь мне, пожалуйста, это тебя уже несколько дней ищут южане? В частности, Сергей Николаевич?

– Меня, дядь Миш.

– По описанию точно тебя. Как минимум, платья. Когда-то давно я был дружен с Николаем Сергеевичем и Виктором Ивановичем. Коля погиб, а Витя пропал без вести. Думаю, тоже погиб. Место Коли занял его сын Сергей. А к нему у меня подхода нет. Мы на разных ступенях иерархической лестницы. И я был бы очень не против свести с ним знакомство. Но Сергей очень закрыт и ты – единственная ниточка, которая может меня привести к желаемому. Что ты об этом думаешь и как долго вы ещё будете играть в кошки-мышки?

– Играть нам совсем недолго. Прямо сказать – наигрались уже. Сергей где-то совсем рядом. А думаю… Дядь Миш. Мы, по сути, никто друг другу. Но знакомство у вас получится.

– Юля. Если мужчина ищет женщину и едет за ней через всю страну, задействовав все возможные и невозможные связи и знакомства, а женщина говорит, что они "никто друг другу", то она либо лукавит, либо нагло врёт, либо непроходимо глупа. Выбери сама. Я хочу с ним встретиться. Ты— повод.

– От меня что вы хотите? Номер телефона?

– Юля! Ты меня недооцениваешь! Я его знаю. Так же, какой компанией прибыли и где остановились. Ты уже звонила?

– Ещё нет. Боюсь. – хмыкнула я.

– Вот и хорошо. Я позвоню первый. Ты не против?

– Звоните, дядь Миш. Я пойду посплю. Только если будет меня убивать, вмешайтесь, пожалуйста.

– Хорошо.

– Спасибо.

И я, покурив на веранде, ушла спать.

Проснулась в тёплой неге от объятий и запаха парфюма Сергея.

– Привет. – сказала я и потянулась.

– Я столько слов придумал, пока ехал. А вспомнить ни одного не могу…

– Хм. Серёжа, это склерозушка подкрадывается. Зачем ты, собственно, ехал в такую даль? Погуляли бы и припёрлись обратно.

– А ты садистка, Юля.

– Чё это?

– Сказать нечего. Я рад, что всё закончилось и вполне благополучно. Чуть с ума не сошёл за эти дни. – сказал Сергей и запустив руку в волосы затылка, прижал к себе.

– Ты, мне кажется, преувеличиваешь…

– Давай собирайся. В гостиницу и завтра домой.

– А чё в гостиницу?

– Ну, нельзя же бесконечно злоупотреблять гостеприимством Михаила Иосифовича.

– Кстати, Серёж. – и кратенько пересказала беседу с дядей Мишей.

– Он мне всё это прямо сказал. Взаимовыгодное знакомство. Но, честное слово, это не стоило седой головы и нервного тика, которые ты мне организовала.

– Надо вещи забрать из квартиры. Чтобы не покупать и в платье не ехать. – снова потянулась я и обняла Сергея.

– Девочки уже забрали. Арина очень не хотела расставаться с какой-то распрекрасной курткой. Внизу ждут только тебя. – поцеловал меня в лоб и ушёл.

– Я ещё живая! Чтоб в лоб меня целовать. – пробурчала я в спину, но Сергей сделал вид, что не услышал.

Да. Ждали только меня.

– Проснулся наш художественный руководитель цирковой труппы по смертельным номерам! – приветствовал меня дядя Миша. – Ты, Юленька, спи больше, пожалуйста. От тебя так вреда меньше! А если спорить с кем о чём соберёшься – заранее сообщи. Хоть письмом. Хоть факсом. Хоть почтовым голубем! Но, чтоб готовы все были. А вообще, милости прошу в гости. Любым составом!

– Дядь Миш? – пока обнимались, шёпотом спросила я. – У меня есть 10.000 долларов. Я хочу вам оставить. За беспокойство.

– Юля! – отстранился дядя Миша. – Это твои деньги, я не претендую. – и доверительным шёпотом. – Внакладе я не остался. Оставишь – больше никогда не впишусь за тебя.

Расселись и поехали в гостиницу.

Благополучный и спокойный вечер, такая же ночь и ранним, холодным, мерзким с недоснежком-полудождиком утром выдвинулись тремя машинами на юг.

– Если едем на Кавказ – солнце светит прямо в глаз. Если едем мы в Европу – солнце светит… – продекламировала я.

– Юля! – мы с Сергеем вдвоём в машине.

– Что?! Тоже в глаз. А ты про чё подумал?

– Я вот тут подумал, что тебе пить совсем нельзя. У тебя своей дури на десятерых.

– Так уж и на десятерых! – возмутилась я. – Это вот что-то воспитательным процессом засмердело.

– А ты как хотела? – хмыкнул Сергей.

– Вот так – точно не хотела.

– А без вариантов. Будешь по самый дом выслушивать всё, что я о тебе думаю.

– Так себе перспектива, знаешь ли… Прям, хуёвая, я бы сказала. Можно я в другую машину пересяду?

– Нет, конечно.

– Жаль. Дарину где заберут?

– Ещё не знаю. Данил едет навстречу. Такая история мутная.

– Да, она говорила.

– Юль, 4 года искали. Вот прям искали. Все мы. И никаких следов. Её будущий муж всё говорил о каком-то поклоннике. И что интересно – никто поклонника не видел и даже не слышал о нём. Разве так бывает у девочек?!

– Бывает, Серёж.

– Юль. У меня к тебе много вопросов, на самом деле.

– А никак без них? Тем более, что я, возможно, не знаю ответов.

– Никак. У тебя всегда с собой паспорт?

– Да.

– Зачем?

– Вот, как раз, для таких случаев! – засмеялась я.

– Смешно тебе?

– Да!

– Зачем вы с Мариной сбежали?!

– Спасались от мужского произвола! И, кстати, в твоём лице поддержки не нашли. Хотя попытались!

– А ты что хочешь? Чтобы я Марата учил как ему себя с его женой вести?! Нет, Юль. Это так не работает. И тебе, на будущее, очень не советую лезть в чужие отношения.

– Ага! Вот так бы Арина и осталась с этим идиотом в квартире! А он бы её убил, расчленил и выкинул! Как не лезть?

– Кстати, об Арине. Что там было?

Я поведала историю знакомства.

– Юля!!! Как вам это в голову пришло?!

– А что было делать?!

– Милицию вызвать! И всё! А если бы он что-то с вами сделал?! – искренне возмутился Сергей.

– Что? Что он мог сделать с тремя оголтелыми бабами? Я больше боялась, что пристрелю его. Не со зла. С перепугу.

– Ты чё?! Охренела?! Решила, что ты – героиня боевика?!

– Ну, нет. Так получилось.

– Пиздец. Зачем вы полетели в Питер?

– Вот про это я не знаю.

– Как с вами Ира оказалась?

– Я ей позвонила!

– Зачем?!

– С ней веселее!

– Бесспорно.

– Ты лучше расскажи как ты узнал в какой мы гостинице? Очень интересно.

– Сначала потеряли Марину. Потом выяснилось, что и тебя нет. Машины на месте. Прояснили по такси. Приехали по адресу. Вас там и близко нет, но таксист видел куда вы бежали. Поискали. Пришла информация по стриптизу. Погнали туда, а вы уже двумя машинами умчали в аэропорт. Мы приехали ровно в тот момент, когда взлетел самолёт. Рейс. Граждане. Такси. Бронь. Что ты улыбаешься? Смешно?!

– Не, ну ты видел как я смоталась и следы запутала? Скажи?

– Давай я тебе расскажу, как тебя в инвалидной коляске в самолёт грузили?! Кстати, где сейчас пистолет?!

– Спасибо, мне уже рассказали. – кивнула я и достала из сумки. – Вот.

– Пиздец, Юля. Я ещё надеялся, что ты догадалась его оставить дома или выбросить. Последнее заявление от какого числа?

– Ни от какого. Его нет.

– Это слов у меня нет! Как вы договорились о поездке, если граждане по-русски не говорят, а переводчик их только на месте ждал?!

– Дааа?! – удивилась я и тут же нашлась, – Текила стёрла языковой барьер! Они, наверное, на нас обиделись.

– Разворачиваемся обратно?! Поедем извиняться?! – неожиданно взбесился Сергей.

– Та уж ладно. Мы за билеты и номер оставили. А ожидания… Ну, что ж теперь.

– То-то они ничего не хотели, когда к ним приехали! Хорошо, хватило ума деньгами разойтись. – заулыбался Сергей. – Я уж плохо о вас подумал!

– Гля! Шо ты подумал?! Что мы?! Кгхм. По-другому разошлись, судя по твоему лицу? Ты за кого нас принимаешь?! – заорала я.

– А чё думать, Юль?

– Мы! Приличные девушки! Или ты полагаешь, что за поездку в Питер я готова на это самое?!

– А за что ты готова?

– Серёжа. Только любовь. Я – чистейший гуманитарий. Рассчитывать не умею. Могу хуйни насчитать.

– Жаль.

– Что, блядь, "жаль"?!

– Жаль, что мне ничего не светит.

– Откуда ты знаешь? – развеселилась я. – Ты ж ничего не предлагал!

– Юль. Мне 35 лет. Что я тебе 18-летней могу предложить?! Кроме как не отходить ни на шаг, издалека смотреть и изредка обнять. Я себя педофилом чувствую!

– Какие мысли тебя волнуют… Я даже не знаю, что и говорить. Признаться честно, я думала, что дело во мне. Что я недостаточно хороша для тебя. Поэтому, кроме приятельских отношений МНЕ ничего не светит.

– Ты с ума сошла?! Что в тебе может быть "недостаточно хорошим"?!

– Ну, я не знаю. Дело вкуса.

– Теперь я точно знаю, ты – сумасшедшая!

10 мая 2003 года.

Субботний вечер, из студенческого общежития схлынул народ, смеркалось, я с двумя подругами курила, сидя на лавочке и поджав по-турецки ноги.

Рядом остановилась машина, вышел мужчина, в машине на пассажирском сиденье ещё один, направился прямо ко мне.

– Привет.

– Здрасьте.

– Йогой занимаешься?

– Нет.

– Как ты так ноги сложила? Меня научишь?

Окинула взглядом мощную фигуру.

– Если не сломаешься, скидывай туфли и садись.

Разулся и сел на лавочку. Свернул ноги не хуже меня.

– Молодец какой! – похвалила я и поднялась на руках с поджатыми ногами.

Мужчина с лёгкостью повторил.

– Ну, охуеть теперь!

– Меня Сергей зовут. А тебя?

– Юля.

– Очень приятно.

– Скоро пройдёт. – пообещала я.

– Поехали покатаемся? Пообщаемся?

– Мне мама не разрешает в машину к чужим дядьками садиться. Даже если будут звать котяток смотреть!

– Поехали с подругами? – предложил Сергей.

И не успела я рта раскрыть. Представьте только – я и не успела слова сказать, как подруги со словами: "Конечно!!!" полезли в машину! Сергей ухмыльнулся.

– Поехали. Не бойся.

– Кого бояться, если страшнее меня никого нет?! – пыталась хорохориться я.

– Тогда смелей.

– Блядь?! Девочки?! – заглянула я в открытую дверь.

– Юль, поехали покатаемся полчаса и вернёмся!

– Блядь! – снова сказала я и полезла в машину.

– Это Дима. – сказал Сергей.

– Красивый мальчик! – захихикали подруги. – Сергей, вы угостите дам шампанским?

– Конечно, девочки. – и остановился возле магазина.

Одна бутылка была выпита из горла в салоне, другая на берегу Кубани и девочки стремительно косели и веселели.

– Юля, почему не пьёшь? – спросил Сергей.

– Не пью. Не хочу. Не уговаривайте. В выпивке и любви не должно быть насилия. – ляпнула где-то услышанную фразу.

Через 40 минут у нас были: совершенно трезвые водитель, пассажир, я и две пьяные девки, требующие музыки для танцев.

– Девочки, давайте мы вас отвезём в общежитие? – предложил Сергей.

– А уже поздно! Нас не пустят! Пригласи нас в гости! Мне вот Дима очень понравился! – пищала одна из подруг и висела на перепуганном парне.

– Ок. В гости. Только Дима не останется, он домой уедет.

– Как так?! – возмущалась подруга. – Я не каждый день говорю мужчинам, что они мне нравятся! Это нужно ценить! Уговорю остаться! Поехали!

Меня, в полном ахуе, затолкали на переднее сиденье, а несчастного Диму зажали сзади. Боюсь представить, что он там пережил. Так и доехали до дома Сергея. Дружно поднялись на десятый этаж, открылась дверь и компания ввалилась в прихожую.

Казалось, что мы с Димой были одинаково изумлены происходящим, но молча прошли в комнату.

– Девочки! Ещё шампанского?

– Даааа! – заорали подруги.

Открылась новая бутылка и разлилась по фужерам. Я пригубила. Сергей с Димой вышли в прихожую, Сергей что-то сунул ему в руку и Дима вышел из квартиры.

Девочки продолжили разливать и пить шампанское, а я с ужасом глядела на двух умниц-скромниц-краснодипломниц. Именно такими они себя и позиционировали.

Сергей старался сдерживать смех.

– А где Дима?! – очнулась одна из подруг.

– Он домой уехал. – сказал Сергей.

Воцарилась звенящая тишина.

– Мы тогда тоже домой! – сказали девочки и прихватив бутылку недопитого напитка, направились к порогу.

Я обулась и шагнула к двери.

– Ну, мы же здесь просто так, да? – спросила подруга. – Только же она нужна?

Сергей молча кивнул.

– Тогда мы её тебе оставляем! Только она – целка. Не даст. – и вышли из квартиры, захлопнув перед моим носом дверь.

Я обомлела. Стояла и молча слушала как шумит лифт.

– Хорошие подруги… – сказал Сергей.

– Что есть, то есть. – ответила я.

– Ну, проходи.

Я снова скинула обувь и на негнущихся ногах прошла в комнату.

– Ты вообще что-нибудь пьёшь?

– Да. Коньяк. Если можно.

– Такая молодая девушка пьёт коньяк? – удивился Сергей.

– Да.

Ушёл в кухню, вернулся с бокалами и коробкой конфет.

– Прости. Лимона нет. Могу сходить.

– Не надо. Спасибо. Переживу.

Разлил. Чокнулись.

– За дружбу, Юля.

– За дружбу, Серёжа.

– Сколько тебе лет?

– 17.

– Мне 3 дня назад стукнуло 35. У тебя зубы по бокалу стучат. Не трясись. Я тебе чем хочешь поклянусь, что ничего не сделаю против твоей воли.

– Спасибо. – почти прошептала я.

Передо мной стоял взрослый, здоровенный, под два метра, крепкий подкаченный мужик. Блондин с серыми глазами, вчерашней щетиной на квадратной челюсти и шрамом на лбу, уходящим в щётку коротко постриженных волос.

Шансы мои не ноль, а минус. И страшно, пиздец.

– Юля. Я предлагаю тебе вечер и ночь под кино, коньяк, конфеты и беседу. Очень хочу, чтобы ты осталась сегодня со мной. Только, пожалуйста, без глупостей. Но если принципиально настроена уехать – вызову такси или сам отвезу куда скажешь. Не нужно прыгать в окна или пытаться меня убить. Договорились?

– Я не боюсь. Почти.

– У тебя зрачки по размеру радужки. Успокойся. – и протянул мне руку ладонью, размером чуть меньше лопаты, вверх. Я, секунду подумав, положила свою руку ладошкой вниз.

– Успокойся. Умойся. Помой ручки. Погуляй по квартире. Всё хорошо.

– Говоришь, как кошке в новом доме. Походи. Понюхай. Вот твой горшочек…

– Ну, вот! – засмеялся Сергей. – Чувство юмора проснулось! Походи, киса. Горшочек там. – и махнул рукой в сторону.

Я так и сделала. Погуляла по уютной, чистой, трёхкомнатной квартире и пришла обратно.

– Полегчало?

Я кивнула.

– Тебе дать что-нибудь переодеться? Моё или мамино?

Я подняла брови.

– Да, Юль. У меня есть мама Елена. Она жила у меня больше месяца, пока делался ремонт в её квартире. И есть её вещи.

– Нет, спасибо. На месте мамы я была бы очень возмущена если бы мои вещи носила какая-то девка.

Сергей выдал светлую футболку и я ушла в ванную.

И правда. Мы пили коньяк, разговаривали, смотрели всё подряд по телевизору и я спокойно уснула под его боком.

Октябрь 2003.

Мы едем из Санкт- Петербурга на юг.

– Помнишь как мы познакомились?

– Помню.

– Я тебя до этого дня видел 8 раз. Димку часто подвозил, он с девчонкой встречался из соседней общаги. Брат моего друга. А как увидел первый раз, подумал "Мне б такую! Я б самый счастливый был!", предложил подвезти, а ты мне что сказала?

Я пожала плечами.

– Я помню. Ты сказала "Уже пришла." Таким тоном… Снежная королева.

– Не помню, Серёж. Не имею привычки лазить по чужим машинам и не приглядываюсь особо кто там со своими предложениями. Не обижайся.

– Да ну! В тот день, как подъехал познакомиться. Мимо проезжал и увидел, как ты на пеньке стояла, смешная, что-то подругам рассказывала и сигаретой махала. В шортах своих коротких, синих, на круглой попе. Я себе пообещал, что сегодня ты моя будешь. И нет. До сих пор не моя. Помнишь, как ты на подоконнике сидела и курила?

– Помню! Выпустила дым тебе в лицо. Ты сказал "Не смей так делать." А я со словами: "А что? Ты меня в окно выкинешь?!" опрокинулась назад. – засмеялась я.

– Смешно тебе? Юля. Я на тот момент, несмотря на все свои обещания, был готов взять тебя силой. Ходила по квартире в моей футболке, светила сосками и красными трусами через белую ткань. Не знаю как бы я заглаживал свою вину и чем бы оправдывался, но подошёл именно за этим. И когда успел схватить тебя за бёдра, чтобы ты не вывалилась с десятого этажа, именно в этот момент я понял, что дороже тебя у меня никого нет и я могу только ждать милости Вселенной. А сделать тебе страшно или больно— не могу.

– Слушай! А ты ж и специально дал мне такую футболку?

– Ну, да. – улыбнулся он. – Смотреть же можно.

– Серёж, нам никто не мешает наверстать упущенное.

– Ты серьёзно?

Первый же отель на дороге был наш.

А у меня появился ответ для Марины. Хорош. Безмерно.

Когда мы вернулись в компанию на обед, все хитренько улыбались.

– Дарин, звонил твой папа. Мы пока никуда не едем, он через час-полтора будет здесь. Так что, у всех есть время поесть, покурить и отдохнуть.

Мы быстро перекусили и умчались обратно в номер.

– Как ты, моя хорошая? – спросил Сергей.

– Замечательно. – прижалась я ближе. – Бля, мне в универе не знаю что сделают. Выгонят, наверное, ко всем чертям. Год только начался, а я уже напрогуляла.

– О. Про учёбу вспомнила! – смеялся и гладил мои волосы. – Всё решим. Не волнуйся. Ты же ко мне переедешь?

– Не знаю. Я ещё не думала об этом.

– Хочу, чтоб ко мне. И от учёбы недалеко.

– Ну, да. При желании можно пешком добраться. Вместо моей утренней пробежки.

– Знаешь, что странно и страшно?

Я молча повернула голову и подняла бровь.

– Ты по возрасту, при определённых обстоятельствах, могла бы быть мне дочерью. Как тебе это?

– Это у тебя, Серёжа, возрастное! – засмеялась я. – Проснулся инстинкт гнездования! Я твой возраст заметила только в день знакомства и абсолютно спокойно его принимаю. Больше скажу – мне нет совершенно никакого дела до этой цифры. Кстати, дядя Миша говорил о Викторе Ивановиче, он тоже думает, что тот погиб.

– Все так думают. Его видят самый минимум людей. Причём, никто не знает кто ещё кроме них самих.

– Всё-таки скажешь зачем меня отвёз познакомить?

– Ты ж сама говоришь – познакомить. Мы всегда хорошо ладили, а после смерти отца стали ещё ближе. Вот и захотел тебя показать.

– Хм. И какова резолюция?

– Вот ещё! Резолюция! То, что я и сам знаю! Сказал держать тебя изо всех сил.

– Это всё блины. – заявила я. – Они так на мужиков действуют. Бабушкин рецепт для привлечения женского счастья. Действует как приворот на всех, кто отведает! – смеялась я.

– Юля! Да ты ведьма! – ржал и обнимал меня Сергей.

– Немножко! Кстати, ты его сына не искал?

– Втихаря нет. Мне бы хотелось, чтобы ты с ним переговорила на эту тему. Раз уж он тебе открылся.

– Ок. Сгоняем.

Зазвонил телефон.

– Да. – название отеля, километры от Москвы. – Подъезжай. Всё верно.

Я вышла в коридор:

– Дариинаа! – заглянула в открытую дверь. – Беги! Папа.

И Дарина побежала. Из комнаты, по лестнице вниз, через обеденный зал и парковку, с размаху в объятия невысокого, худощавого и смуглого мужчины.

– Папа!!! – визжала и плакала она.

– Доченька!!! – орал и плакал он, хватал за голову и целовал лицо.

Мы, всей компанией, не двигались с места и украдкой подтирали слёзы. И девочки, и брутальные мальчики.

Сцена была действительно душераздирающей.

Когда эмоции чуть утихли, Данил подошёл к Сергею:

– Спасибо. Спасибо за дочь. Твой должник. До конца моих дней.

– Данил, я только довёз. – легонько подтолкнул меня вперёд. – Это всё Юля. Они познакомились с Дариной в участке Хельсинки.

– Как вы туда попали? – удивился Данил.

– Это чуть длинноватая, но занятная история. Дарина в курсе событий, расскажет по дороге.

– Спасибо, Юля. Спасибо большое. Спасибо, что не прошла мимо беды моей дочери. Я не знаю, что говорить. Я бесконечно благодарен. Приезжайте в гости, пожалуйста! – Данил жал двумя руками мою руку. – Мы будем очень рады вас видеть. Спасибо. А сейчас поедем. Мама наша в больнице. Я ей ничего не сказал по поводу поездки. До последнего боялся, что это какая-то ошибка. Она из больниц не вылезает, как Дарина пропала.

– Данил, ты же сам за рулём приехал. Назад далеко. Отдыхать, так понимаю, не будешь. Давай я тебе водителя дам?

Предусмотрительный Сергей всегда путешествовал с двумя водителями на машину. Кроме своей.

– Спасибо. Если можно… Я же никому не сказал куда и зачем еду. – помахал ногой и мы все только сейчас заметили, что Данил в домашних тапочках. – Как позвонили, так и побежал!

– Ребят, в Ставрополь кто? – спросил Сергей.

– Я. – вызвался один из парней, Макс, что ли. Наверное.

– Отлично. Доброй дороги.

Мы обнялись с Дариной.

– Спасибо, Юль.

– Пожалуйста, дорогая. На связи.

– Будь счастлива.

– И ты.

Все перецеловались, переобнимались, попожимали руки, похлопали друг друга по плечам и спинам, Дарина с папой влезли на заднее сиденье машины, Макс сел за руль, помахали нам ручками и отбыли.

– Серёж, а как Макс вернётся из Ставрополя? – протупила я.

– В смысле? – недоумённо посмотрел на меня Сергей.

– Это ж не его машина.

– А там, конечно, ни машин нет, ни поезда не ходят, ни самолёты не летают! Тебе подремать надо, детка…

Ну, да.

Мы продолжаем путь домой.

– Юль, всё хочу спросить. Откуда это стремление помочь и спасти? Вот хоть взять, Арину. Хоть, Дарину. Ты же понимаешь, что большинство людей просто прошли бы мимо?

– Ой, Серёжа. По мне так обычное дело. Ну, может, ещё чувство вины…

– Какой такой вины в твоём нежном возрасте?

– Ты прям послушать это хочешь?

– Детка, я бы тебя слушал и слушал до конца своих дней. Скажу честно, я не видел раньше таких девочек как ты. Несмотря на свой возраст ты настолько отзывчивая и мудрая, что я просто удивляюсь. И при этом такую херь творишь, что уму непостижимо. Рассказывай.

– Ну, слушай. В моём седьмом классе к нам пришла девочка. Маргарита. Рита. Хорошенькая неимоверно. Светлые волосы под короткое каре с чёлкой, кукольное личико, густые тёмные ресницы, карие глаза… Ну, вот эта "золотая красота", когда волосы светлые-светлые, а глаза тёмные-претёмные. Она когда улыбалась, то щёки приподнимались и от глаз было видно только щёточки ресниц. Пухлые губы, идеальные зубы, и чистая— чистая кожа… Стройная. Мама её хорошо одевала. У неё был лаковый рюкзачок, кроссовки на огромной платформе и красная короткая кожаная курточка. Мне такие вещи даже и не снились. Я донашивала мамины школьные и институтские. Мальчики школы дружно влюбились, а девочки так же дружно возненавидели, особенно те, кто ни умом ни внешностью не блистал. А она такая была. Летняя. Понимаешь? Я не знаю как сказать. Солнечная. Вот… Вот! Как у Бредбери в его "Рассказе о любви": "… воплощение лета— дивные персики среди снежной зимы, точно прохладное молоко к кукурузным хлопьям ранней ранью в июньский зной…" Вот точнее всего, пожалуй. Я со своим корявым языком и скудным умом не смогу сказать лучше. При этом, Рита была доброй и умненькой. Я таких людей больше в жизни не встречала. И девочки школы, разновозрастные должна сказать, всё ей угрожали "тёмной", какой-то расправой. Самые тупые, злобные и уродливые сбились в кучу против красивого ребёнка. Страшная хуйня, на самом деле. Вот это вот: "После школы получишь!", какие-то ядовитые записки, нелепые сплетни, гадости в глаза и за спиной. И при этом, на контрольной: "Дай списать!". Рита… Да в ней, наверное, и не было никакой злопамятности. Просто не было. Каждый, кто просил у неё помощи – получал её. И это злило многих ещё больше.

Я в травле не участвовала и так как мы жили в одной стороне, то ходили домой вместе. Со мной связываться особо желающих не находилось и все предложения из категории "Пошли за школу, поговорим." в адрес Риты, разбивались о моё железобетонное: «Девочки. Идите, пожалуйста, на хуй. Мы домой.»

25 ноября в школе был праздник "Коса— девичья краса" и я принимала участие после уроков. Мне в волосы, они длинные тогда были, навтыкали каких-то листьев, что-то там пионервожатая намудрила с причёской, я покрасовалась на сцене, Рита меня подождала и мы вместе пошли домой.

– Рит, что ты так медленно идёшь? Пойдём быстрее!

– Я не могу…

– Тебе плохо?

– Нет… Я просто не могу быстрее…

Я не стала настаивать, мы взялись за руки и медленно побрели в сторону дома. Дошли до моего, а Рите нужно было чуть дальше.

– Я так не хочу домой…

– Почему, Рит?

– Я не знаю… Я не хочу…

– Рит, уже поздно, темнеет рано. Не шляйся где попало. Иди домой.

– Может, ты ко мне в гости? Ни разу ж не была. Я маме про тебя рассказывала.

– Не, Рит. Уроков херова куча. Давай в следующий раз?

– Ладно…

Забегая во двор, я посмотрела ей вслед. Рита шла, еле переступая ногами, опустив плечи и голову.

У меня было два варианта: пойти с ней или пригласить к себе. Ни на один из них не хватило ума.

На следующий день Рита не пришла в школу.

А ещё на следующий мне позвонила одноклассница и сказала, что Риту убили. И её маму тоже.

Не буду грузить следственными подробностями, я оказалась последней, кто видел Риту живой.

У Риты был двоюродный брат. Родной племянник её мамы. Жил практически у них. Тётя его кормила, поила, одевала, обувала, учила, лечила и т.д. Потому как сестра не очень благополучная сама по себе, так же неблагополучно вышла замуж. Бухали, короче, по-чёрному. Мама Риты когда-то там продала ларёк, оставшийся ей от мужа, покончившего жизнь самоубийством. Брат и племянник Саша решил, что ему очень нужны эти деньги.

Утром все вместе позавтракали. Рита ушла в школу. Племянник стукнул тётю по голове, убил её этим ударом, оттащил в котельную в подвале, перемыл посуду, намыл пол и сел играть в приставку. Ждать Риту. Она пришла домой. Серёжа, он её пытал… Шестнадцатилетний подросток пытал свою тринадцатилетнюю двоюродную сестру. Он хотел знать где лежат деньги. Он был уверен, что они дома. Зная Риту и её отношения с мамой, она скорее всего, и не знала. Замучал до смерти, тоже оттащил в подвал, облил тела ацетоновой краской, там же в котельной найденной. Нашёл три тысячи денег, забрал столовое серебро и включил газ. Как он потом говорил, что "Видел в кино, когда включён газ и звонит телефон— дом взрывается." Взяли его через несколько дней. Он угнал машину и пёрся в сторону Украины.

А 29 ноября уже были похороны.

Два гроба во дворе дома, между ними на табуретке сидела старшая сестра Риты. Студентка Ростовского ВУЗа. Уже даже не плачет, а тихо стонет… "Скорая помощь" дежурит под воротами… И пошёл первый снег…

Снежинки падали на загримированное, само на себя не похожее, в остатках краски, просвечивающих через тональный крем, лицо Риты… И не таяли. Сестра прикасалась к ним пальцами, снежинки превращались в капельки и она шептала: "Красавица моя…"

Я молча покурила две подряд.

– Так вот, Серёжа. Меня не покидает мысль, что если бы я в тот день позвала её к себе. Или пошла с ней. То Рита, этот солнечный лучик, осталась бы жива..

– Или, если бы ты пошла вместе с ней, то были бы мертвы обе.

– Возможно. Теоретически. Но мне кажется, что нет. Серёжа, если я могу помочь – я всегда помогу. Может, я тысячу раз окажусь неправа и влезу не в своё дело, но один раз точно окажусь нужна, по-настоящему, когда решается вопрос жизни и смерти.

Светлая память Маргарите и её маме Зинаиде.

– Серёж, чё с Ариной будем делать? В Новороссийск прям повезём?

– Ну, да. Там у них с Лёшей что-то намечается. Такие взгляды неоднозначные.

– Да? Ну, хорошо. Не заметила. – пожала плечами я.

– Конечно, хорошо. Что ж плохого-то? Макс на Дарину глаз положил, Лёша на Арину. Совет да любовь. Ребята у меня хорошие. Я ублюдков не держу.

– Макс на Дарину?! – удивилась я.

– Ну, да. – засмеялся Сергей. – Тоже не заметила?

– Неть.

– Моя ты внимательная!

– Есть такое… А ты прям за всеми всё сечёшь?

– Да.

– А расскажи что-нибудь о своей семье? – попросила я.

– А что тебе интересно?

– Всё, что захочешь рассказать.

– Я, так как ты, рассказывать не умею. Папа с мамой познакомились в Болгарии. Мама, я уже говорил по- моему, француженка. Папа – русский, он там был по делам, а мама отдыхала. Отсюда и двойная фамилия. Они долго спорили по этому поводу, но пришли к соглашению. Папу во Францию не выпускали, а мама сюда смогла. Но без права выезда на Родину. "Железный занавес" и всё такое. Они много пережили, пока добились права быть вместе.

– Молодцы какие.

– Они с отцом были как одно целое. Одинаково думали, одинаково делали. Ссорились только на почве ревности. Ну, мне кажется, что поводов для конкретной ревности не было. Да и не могло быть. Мама красивая, яркая, общительная, у неё декольте – папа волнуется. Папа видный, но замкнутый, беседа с какой-нибудь дамой – мама волнуется. Они любили очень друг друга. После смерти отца кто только маме не предлагал руку и сердце. Всем отказала. Да я и представить не могу, кто может заменить ей папу.

– А ты знаешь французский?

– Да, и вполне сносно.

– Класс! – восхитилась я. – Де кум теля пассэ?

– А? – Серёжа подвис. – А! Это шутка какая-то, да?

– Ну, да. Раскусил. Шутка.

– А ответ на это есть?

– Конечно! Кум теля пассэ на задвирках!

– Где ты это берёшь?! И как это всё умещается в твоей голове? – смеялся Сергей.

– Кладезь бесполезных знаний. Помещается всё, кроме нужного, например, анатомии и гистологии!

– Расскажи теперь о своей семье.

– Я?! Серёж… – замялась я. – Мне на ум приходит только то, что людям рассказывать нельзя.

– О? Интрига? Давай, Юль Сергевна!

– Хм. Ну, ты сам попросил! Чтоб совсем понятно было. Слушай. Первое, что на ум пришло. 8 Марта. Всё семейство собиралось дома у прабабушки и прадедушки со стороны отца. Сбежались все родичи города и близлежащих территорий, чтобы поздравить их, бабушку с Женским днём, а дедушку с Днём рождения. Бабушку эта хуйня невероятно злила и свои поздравления любимому мужу она вкладывала в фразы: "Чёрт старый! Угораздило тебя в такой день родиться и испортить мне праздник!", и далее по тексту, будто дедушка выбирал дату рождения. И это страшно веселило гостей. Накрывался совместными усилиями стол, доставался из погреба алкоголь— домашнее вино для девочек, водка – для мальчиков. Одаривались подарками, заранее припасёнными: духами – трусами – пудрами – помадами, выпивали и заводили граммофон..

– Граммофон? С пластинками?! – удивился Сергей.

– Ага! С ними самыми! – засмеялась я и запела, – Огней так много золотых на улицах Саратова! Парней так много холостых, а люблю женатого!

– Юля! – смеялся Сергей, – Ты не ту профессию выбрала! Тебе тамадой надо быть! Где на тамаду учат?

– А я не выбирала. Ладно! Так вот. Гости, возрастом от лет от семи до восьмидесяти пяти дружно подпевали. Потом дедушка доставал баян и обязательно первой звучала песня: "Я встретил девушку – полумесяцем бровь! На щёчке родинка, а в глазах любовь!" С этой песней дедушка сватался к бабушке в бог весть каких лохматых и в очередной раз признавался ей в любви. Потом уже были "Ой, мороз, мороз! Не морозь меня! Не морозь меня! Моего коня!" – горланила я на всю машину. Ну, и любимая бабушкина "Ландыши, ландыши! Светлого мая привет!". Папенька мой к тому моменту уже знатно повеселел и вместо: "Ты сегодня мне принёс не букет из пышных роз, не тюльпаны и не лилии…" Пел: "Ты сегодня мне принёс кошку дохлую за хвост! А она такая вкусна-а-ая!". На тот же мотив. А он же ещё как выпьет, так весёлый такой становится. Озорной, шо спасу от него никакого нет. Вот и в этот день решил он над маменькой подшутить – завалил её в сугроб, натолкал за шиворот и натёр снегом лицо, а снег мартовский подтаял накануне и обратно замёрз! Сказать по совести, так- то не снег был, а лёд. Маменька накрашена ж в лучших традициях девяностых: тональный крем, пудра, сиреневые тени, лиловая помада, чёлка налаченная как у Иден из "Санта-Барбары". И как потекло это всё к ебеням вперемешку с кровью! Орут все! Пиздец. И маманя, была нормальная баба, а стала за одну минуту, шо мокрая курица ещё и чёлка эта сосулькой висит. Ну, и насколько ей приятно было, думаю, можно представить.

– И смех, и грех! – смеялся Сергей. – Так зачем он это сделал?

– Ну, пошутил мужик. – развела я руками. – Хохочет, весело ему. А маменьке прям совсем не понравилось. Праздник испорчен и требует уходить домой. Папенька не очень хочет, но соглашается. Пока та себя в относительно приличный вид приводит, этот на посошок употребляет. Меня пинками и пошли. Маменька мандит, папенька не угомоняется. В центре города папа решил повторить шутку, чтоб может со второго раза оценили и снова проделал с маменькой тот же фокус. Маман, взбешённая вконец, лупила папаню кульком с подарками, пока кулёк не порвался и из него не вывалились подаренные ей прабабушкой шикарнейшие розовые репетузы! Атласные панталоны! Такие – от выше пупа и по колено!

– Дальше! – хрюкал Сергей.

– И маман, подхватила панталоны и херачила папаню уже ими. Времени шестнадцать часов праздничного дня, население гуляет, а тут мы… Скоморошье представление. По итогу. Мы с мамой идём домой, а папа, недооценённый талант клоунского мастерства, в противоположную сторону. Мы дома, и переоделись, и помылись, и поужинали. "Уж полночь близится, а Германа всё нет."

– Германа?

– Серёж, это "Пиковая дама". Ну? "Тройка, семёрка, туз.. Тройка, семёрка, дама..". Нет? Ладно. Проехали. Я сплю уже, а маменька заламывает руки и бегает по квартире в ожидании запоздниившегося супруга. Звонок в дверь. Коллеги папеньки торжественно заносят тело дражайшего главы семейства. Кладут на пол прихожей, желают доброй ночи и валят во тьму. Мама раздевает папу от верхней одежды, орёт конечно как ненормальная, папенька встаёт на четвереньки, снимает штаны вместе с трусами, и стоя в позе рыбом, показывает нам жопу и блюёт в свою норковую шапку. Оставляется спать в прихожей. Утром картина маслом – печальный и помятый папенька смотрит в полную блевоты шапку. Винегретом он там закусывал, или селёдкой под шубой. Хуй его знает. Но цвет красивый. Розовый, шо те панталоны. С праздником, девочки. Глядите как я красиво наблевал. Ну, и ор весь день, конечно.

– Ооох! – просмеялся Сергей, – Это ж сколько тебе лет было? Не помнишь?

– Да как такое забыть? 1992 год, мне неполные 7 лет было.

– Хорошо, что ты с юмором относишься. – посерьёзнел он.

– Серёженька, а я если без юмора буду относиться, в частности к своему семейству, кукухой крякну. Окончательно и бесповоротно. Поэтому – только ржать. И тебя посмешить.

Так, за разговорами, промчали Златоглавую, в Воронеже остановились переночевать и на следующий день добить оставшийся путь.

– Вот тебе и ответ на твой вопрос. Лёха везёт Арину в Новороссийск. – улыбнулся Сергей. – Подошёл сейчас, попросил.

– Ну, и замечательно. И ты топай сюда. – откинула я одеяло.

Смешно. Спать с Сергеем я начала на полгода раньше, чем НЕ спать…

Домой приехали около 20.00, Лёша с Ариной умчали. И что-то мне подсказывало, что не сразу на историческую родину девушки. Расцеловались с Мариной у её дома.

– Ты ко мне?

– Не, Серёж. Меня сегодня в общагу, завтра в универ хоть схожу. Ире тоже б надо бы. Обидно будет, если с пятого курса выгонят. А за нашими не заржавеет. Выпрут за милую душу.

– Ты подумай о переезде ко мне. Если хочешь, конечно.

– Подумаю, Серёженька. Обязательно. До завтра.

И мы с подругой ушли в общежитие.

– Шо, красота моя, по коньячку за возвращение?

– Шпуля! Иди ты в жопу! Я с тобой больше не пью!

– А чё? – успела удивиться я и зазвонил телефон.

Иван.

– Привет.

– Привет.

– Юль, такое дело. Только не обижайся.

– Хм? – не поняла я.

– Я вроде как с тобой знакомился. Мне неудобно…

– Вань, говори прямо, а.

– Юль. Мне Ира очень понравилась. Прям любовь с первого взгляда. – выдохнул Иван.

– Тю! А на что обижаться-то? – засмеялась я, – Любовь – это прекрасно! А уж с первого взгляда и подавно.Щас. – и закрыла микрофон рукой. – Ир! Тебе Иван понравился?

– Да. А чё?

– Я твой номер дам?

– Дай.

– Вань, давай я тебе её номер телефона дам?

– Я собирался вас вдвоём пригласить и сам попросить..

– Вань, мы взрослые люди. Давай, пожалуйста, не будем на свидания втроём ходить, а? Позвони и идите напару. Она не против будет.

– Думаешь?

– Думаю. Я тебе смс скину.

– Хорошо. Спасибо большое.

– Всегда пожалуйста, Вань. Доброй ночи. – и отключилась.

– Ну, жди звонка.

– Вот и хорошо. От вас с твоим Серёжей такие флюиды, что мама не горюй. Вон аж Арину с Дариной зацепило.

Душ, сплетни факультета и общаги, пока кипит чайник на кухне и родная кровать..

Возвращение блудного попугая. Интересно, этот придурок машину починил после банки-то с помидорами? Что-то молчит. Оно тебе всралось, Юля?! Спи давай! Тоже мне "любовьдавайпомиримся". Нашла что вспомнить.

На учёбе я, конечно, была как с Луны упавшая. Народ уже за зимнюю сессию волнуется, а я по Финляндиям всяким шароёблюсь.

Четверо суток я днями и ночами судорожно рисовала альбом по гистологии, писала какие-то рефераты, подгребала "хвосты" и до ночи носилась по отработкам пропущенных занятий. Сказать по правде, привезённые деньги хорошо помогали и мне и Ире.

В общагу возвращалась затемно, когда нормальные студенты уже отдыхали, лёгонько подбухивая.

Позвонила Марина и рассказала, что после грандиозной драки с битьём предметов интерьера и посуды по случаю её возвращения у них с Маратом начался "медовый месяц".

Дарина отдыхала дома от всех своих событий, а её папа искал несостоявшегося супруга, но пока безрезультатно.

Арина собирала вещи на переезд к Лёше, под возмущённые вопли своей маменьки, без стеснения заявлявшей, что "Арина – её собственность и должна жить только с ней, а не с каким-то там мужиком."

Ира сходила на свидание с Иваном и в благостном расположении духа занималась дипломной работой.

Мои родители и родственники пребывали в относительно спокойном состоянии, потому как дядя Боря и дядя Миша сохранили в тайне моё путешествие, а я, как послушная доченька, каждый день отзванивалась и рассказывала как дела в универе.

И мы с Серёжей на телефоне планировали ближайшие выходные.

Вот прям всё чудненько и своим чередом.

Сглазила блядь.

– Ты ко мне в пятницу?

– Да, Серёж.

– Или ты не хочешь?

– Серёж, я чуть раскидаюсь с учёбой, а то я когда тебя вижу, про неё думать не могу.

– А о чём можешь?

– Та ни о чём! Только о том самом. Хочу заниматься любовью, рожать детей и варить борщи!

– Отлично! – смеялся Сергей.

– Мне тоже нравится! Но надо чуть привести в божий вид учебный процесс. Обнимаю и целую! Я побежала в общагу. Уже темень беспросветная.

– Юль, ну опасно же… Ну, что ты сопротивляешься?

– Серёж. У нас студенческий городок, всё тихо и спокойно, а я никому нахер не нужна, чтоб на меня нападать. Не волнуйся. Пока-пока.

– Люблю тебя, детка.

Я поговорила в курилке на факультете и понеслась в общагу. Был один нормальный путь – по освещённым аллеям, а был через ёлки, но ощутимо короче.

Вот второй я и выбрала.

Выбежала из ёлок и краем глаза увидела припаркованную на дороге машину, которая резко тронулась в мою сторону. Я прибавила ходу. Ещё одно резкое движение машины и остановилась прямо возле меня. Во, думаю, дурак. Я стала и развела руками, дескать, "Куда прёшь,идиот?". Сзади меня топот, я обернулась на звук и получила удар кулаком в лицо.

Мир засветился новыми яркими красками.

Сзади хлопнула дверь машины и меня схватив за волосы и развернув, несколько раз приложили лицом в капот. Тут же выдернули из рук сумку.

Я почувствовала как хрустнул нос.

Ещё несколько ударов об капот.

Отшвырнули на землю, пнули раз в бок, хлопнули двери машины, все уехали и я осталась в гордом одиночестве лежать в луже с разбитой мордой.

Села, потрогала лицо, оно стремительно отекало, а кровь заливала глаза.

Так. Пока я на адреналине и хуёво, но что-то вижу, надо добираться в общагу. Дальше будет хуже.

Встала, разглядела свою сумку, валяющуюся на асфальте. Хорошо. Покопалась, наощупь нашла шифоновый шарф, замотала ним лицо и тайными тропами, чтобы никого не встретить, пошла в общагу. Благо дело – пять минут пешком. Спотыкаясь, уже толком ничего не видя, пробежала в свою комнату.

Девочки мои были дома и первым делом завизжали.

– Девочки, принесите мне холодной воды, пожалуйста. – попросила я разбитыми губами.

– Юля!!! Что случилось?

– Воды, девочки, пожалуйста… Таз.

Воду принесли, я встала на четвереньки и смывала кровь, попутно ощупывая лицо. Видеть, уже практически ничего не видела.

Рассечения. Много. Нос, да, сломан. Радовало только одно – зубы на месте.

В сумке звонил телефон.

– Юль, телефон. Дать?

– Да. Кто звонит?

– Номер не записан…

Как знала, что нужно ответить.

– Алё?

– Как дела, сука? – спросил весёлый голос Саши. – Всё хорошо у тебя? Долго я тебя выслеживал!

Я молчала.

– Ты там не сдохла? Смотри мне! – заливался смехом. – Как морда заживёт, приедешь просить прощения. Не приедешь – так и останешься в следующий раз валяться на асфальте. Поняла меня, мразь?! Никто не смеет со мной так поступать!!!

Я наощупь сбросила звонок.

И продолжила умываться, захлёбываясь слезами, соплями и кровью.

Снова зазвонил телефон.

– Юль. "Серёжа" написано.

Я протянула руку, кто-то из девочек нажал на зелёную кнопочку.

– Детка, ты дошла нормально? Я почему-то волнуюсь.

И я просто гундосо завыла.

– Юля! Что это значит? Где ты?!

– В общаге. – выдавила я из себя, собравшись с остатками разума.

– Я еду.

Как выяснилось опытным путём, мыть разбитую морду можно бесконечно. Девочки два раза сменили воду, я уже видела только свет через опухшие веки, а уж как выглядела и думать не хотелось.

Громыхнуло в дверь, кто-то открыл.

Рядом со мной и тазом на колени упал Сергей.

– Детка! Что?! Что это?!– поднял руками моё лицо,– Бляяаааадь… Ну, не упала же. Так. Сядь на попу. Дай сапоги сниму. Девочки, дайте чистое полотенце! Прижми к лицу.

Подхватил меня на руки, прижал лицом к себе, девочки подали мою сумку и побежал к машине.

– На заднее сиденье. Только лицо? Ещё куда-нибудь били?! Юленька, соберись, пожалуйста! Мне нужно понимать куда тебя везти!

– Только морда…

– Всё будет хорошо, детка. Алё! Владимир Николаевич! Я к тебе еду. Девочку везу. Лицо. Сильно. Хорошо. Да. Хорошо. Конечно. Минут 20. – и уже снова мне,– Ты знаешь кто это сделал?

– Да.

– Потом скажешь. Сегодня убью. Голова кружится?

– Да.

– Всё будет хорошо, детка. Обещаю.

Принёс меня так же на руках и на что-то посадил…

Не вижу…

Ничего не вижу…

Только свет…

– Здоров.

– Привет. – мужской голос. – Что у тебя? Твою мать! Это пиздец. Лена! Позовите Лену! Надо шить. Что сможем – зашьём, что не сможем – затянем. Вот тут и тут швы будет видно. И нос… Нос нужно ставить сейчас. Как зовут?

– Юля.

– Юль, – потрогал меня за плечо, – Сейчас нужно ставить нос. Будет больно. Ты готова?

Я кивнула и потеряла сознание.

Очнулась в горизонтальном положении, на морде ковырялись. Не больно, но ощущается.

– Ага. Она с нами. Как ты? Слышишь меня?

Что-то сунулось в мою руку.

– Сожми мой палец.

Я сжала.

– Хорошо. Терпи. Уже совсем чуть-чуть осталось. И не плачь.

– Детка, я здесь… Уже почти всё.

– Завтра вечером приедете на перевязку. Лучше полулёжа. Холод. Самой не вставать. Сотрясение, но при покое, всё будет хорошо. За этим в аптеку. И уколол диуретик. Поторопитесь домой.

Меня снова на руки и в машину. Я потрогала лицо. Сплошной бинт.

Сергей привёз меня к себе.

– Можно как-нибудь в ванную? Я в луже валялась…

– Можно, конечно.

После принёс меня в спальню, лёг рядом, я забинтованной мордой уткнулась куда-то в грудь.

– Всё будет хорошо… Моя красивая девочка… Всё починим… Что-нибудь болит?

– Нет.

– Ну, и хорошо. Попробуй поспать…

Практически весь следующий день я пролежала с головой под одеялом, а вечером, замотавшись полотенцем, поехали на перевязку.

– Ну, что. Отёк, конечно, ещё сильный. Иначе и быть не может. Швы на месте. Юля, простите мой вопрос, но кто вы по национальности?

– В свидетельстве о рождении папа – русский, мама – русская. А вообще донские и запорожские казаки, хер знает кто там намешан, евреи и цыгане. Это всё ближайшие прабабушки и прадедушки.

– Хорошая смесь. – засмеялся врач. – У вас очень интересная кожа. Очень тонкая и очень плотная одновременно. Я работаю хирургом уже 24 года, больше чем вы живёте на свете, и такую вижу первый раз. К тому же, у вас очень хорошая регенерация. Я, поверьте, много видел

травм. Будем надеяться, что эта особенность сослужит вам хорошую службу. И цвет. Бежевый, что ли? А синяки часто остаются на коже?

– Практически никогда. Обычно, в месте удара через несколько дней проявляется жёлтое пятно.

– И на вас это практически не видно?

– Да. Если не приглядываться, то не видно.

– Ну, хорошо. Давайте 3 дня перевязок, потом будем смотреть.

На пятый день с меня сняли бинты и некоторые швы. 2 шва оставили. Глаза почти открылись, веки были опухшие и жёлто-зелёного цвета. А-ля хозяйка болот. Можно играть кикимору без грима. Ну, и нос, конечно. Неимоверной красоты. Лицо в отпечатавшейся фактуре бинта. Истерика от моего внешнего вида накрыла меня прямо в процедурном кабинете.

Через час я уже смотрела на себя в домашнем зеркале и мазала швы мазью. Сзади подошёл Сергей и обнял меня.

– Детка, кто это сделал? Фамилию, имя, номер телефона или машины, адрес… Всё, что угодно. Что знаешь?

– Всё знаю.

– И скажи за что. Решения моего это не изменит, но я должен знать.

Я вздохнула и всё рассказала.

– Хорошо, Юленька. Всё будет хорошо. Ничего не бойся.

На следующий день Серёжа первый раз за неделю оставил меня одну на несколько часов.

Синяки, в моём случае – зеленяки, и вправду сходили достаточно быстро, но очень беспокоили швы. Особенно в верхней части щеки, почти под глазом. Но в целом, я уже приобретала человечий вид, а не персонажа из фильма "Вий".

Сама помылась, нашла футболку, по длине так вполне себе платье, и издалека уже стала похожей на девушку.

Приехал Сергей.

– Моя девочка. Как ты?

– По сравнению с тем, что было – хорошо. Как твои дела?

– Тоже хорошо. – и кинул на пол спортивную сумку. – Уже можно с тобой серьёзно поговорить?

– Говори.

– Юля, выбирай себе, пожалуйста, мужчин повнимательней. Я за двадцать минут беседы с ним будто в говне вывалялся. Это не то, что не мужчина… Это даже не человек. Реально кусок говна.

– Что он говорил?

– Говорил. – пожал Сергей плечами. – Он не говорил. Он визжал и плакал. Проклятия в твой адрес, оскорбления, обвинения в краже денег, жалобы на то, что ты его заразила.

– Ёбнутый.

– Юленька, я даже говорить об этом не хочу. Скажу только одно – ни он, ни его ублюдки больше к тебе близко не подойдут. И вообще, ближайшие пять-семь лет будут заняты своим, резко пошатнувшимся, здоровьем. И ты. Пожалуйста. Будь умницей и не лезь в постель к таким… – Сергей скривился. – Вот таким. Я в ванную.

Скинул с себя всё в корзину и зашумела вода.

Я заглянула в сумку. Она была забита деньгами. В рублях и долларах.

– Серёж, а что в сумке? – уселась на коврик.

– Ты ж уже посмотрела. – хмыкнул он.

– Блядь… Ну, да.

– Спрашивай прямо.

– Откуда и зачем столько денег и почему в сумке?

– Твой. Неудавшийся. Во всех смыслах. Передал извинение.

– Не поняла.

– Юля, я знаю только два способа поставить человека на место – это деньги и физическое внушение. Кто угодно может выёбываться сколько угодно, но ровно до того момента, пока не попадёт на серьёзную для него сумму или не получит в ебало. В данном случае я скомбинировал. И могу с уверенностью сказать, что информация оказалась понятой и принятой. Так же. Это твои деньги. Мне они не нужны.

– А мне зачем?

– А тебе, Юленька, пригодятся. На дороге, знаешь ли, не валяются.

– Ладно. Пусть они… Пока там… В уголочке полежат.

Морда хорошела с каждым днём и превращалась в лицо, швы поубирали все. Только местами облазила. Но конечно же, ещё было всё видно. И мне на радость росли новые ресницы.

– Надо же! – удивлялся мой доктор. – Вот тут прямо совсем хорошо! А тут удачно под волосы затянули. Я прямо доволен. Но мне вот тут не очень нравится. – ткнул пальцем в то, что и мне не нравилось. – Но теперь только ждать. Через несколько месяцев можно будет попробовать шлифануть. Но, милочка, чуть подождать придётся.

А следующую неделю меня, накрашенную как деревенский забор в семь слоёв, чтоб на солнце не выгорало и дождём не пробивало, Серёжа уже возил в универ.

Забрал после пар.

– Поехали по магазинам?

– За шмотками?

– За шмотками.

– И за горшком для запекания?

– И за горшком.

– И за формой для пирогов?

– Ммм? Пироги будут?

– Будут!

И поехали.

– Юленька, что у тебя за привычка – хватать пакеты? – говорил мне Сергей вечером. – Тебе мужчина рядом зачем?

– Ну, точно не кульки носить. – пожала я плечами.

– Детка, оставь это мне, пожалуйста. Договорились?

– Серёжа. В чём подвох?

– Какой подвох?

– Ну, не бывает таких мужчин как ты. Должно быть что-то в тебе такое… Эдакое. Недостаток. Большой-пребольшой. Мне не могло так повезти.

– Есть такой, Юленька.

– Скажи! – залезла на колени.

– Ой, лисица же! – и обнял меня. – Я ужасный собственник. Ничем своим не готов делиться. И никем, кстати, тоже. В моей квартире живу только я, за рулём своей машины только я. И за своё готов убить.

– Ну, вот ещё! А как ты миришься с тем, что теперь и я здесь живу?

– А ты – это тоже я. Часть меня. И вот о чём попрошу. Не дай мне, пожалуйста, засомневаться в тебе. Я не знаю что будет. Не пугаю, не предупреждаю. Прошу. Я понимаю, что ты совсем молоденькая и у тебя ветер в голове, хотя иногда и умно рассуждаешь. Но если вдруг… Я хочу знать первый.

– Мы сейчас говорим о том, что я пересплю с кем-то за твоей спиной?

– Именно. Я не хочу об этом думать. И твой этот Саша. Как ты вообще могла на такое позариться?!

– Серёженька, ну ж его в жопу!

И полезла целоваться.

Рабочая неделя проходила относительно спокойно. Лицо требовало всё меньше тонального крема, Серёжа возил меня на занятия и обратно, вместе обедали, потом я занималась домашними делами и уроками, а он возвращался вечером.

– Чем так вкусно пахнет? Пирог?

– С творогом!

– Скоро будет?

– Уже готов. Почти и остыл.

– Где я так угодил Вселенной, что мне такое чудо досталось? – целовал меня Сергей.

А к концу недели вечером позвонила мама.

– Как дела?

– Нормально.

– Как в институте?

(О, как хорошо я знаю этот тон…)

– Нормально.

– Занятия пропускаешь?

– Бывает.

– А почему нам пришло письмо из деканата о том, что пропущено более 50% занятий?! А?!

– Я что пропустила, то уже отработала.

– Так. Ждём тебя на выходные. Если не приедешь, то на следующие приедем мы и притащим тебя домой за патлы. Поняла?!

– Поняла.

– Так и говори: "Я поняла и на выходные приеду домой."

Я повторила и мама отключилась.

Заебись.

Вечером приехал Серёжа, я его кормила ужином и сообщила:

– Я на выходные должна ехать домой. За пиздюлями. – и пересказала разговор с мамой.

– А почему "должна"? А если не приедешь?

– Если не приеду, то уже к середине следующей недели родители будут здесь и подкреплённые кодлой родственников припрут в деканат. А потом будет грандиозный скандал и позорище. Мама не постесняется бить меня на людях и орать. Она даже специально выберет момент, чтобы как можно больше людей увидели её страдания от непутёвой дочери.

– Нормально. Давай я с тобой поеду?

– Нет, Серёж, спасибо. Там и так будет крыша подниматься, а если я ещё с тобой. Боюсь представить. – покривила я душой, представив всё в красках.

– Детка, одно дело – орать на тебя, а совсем другое – разговаривать со мной.

– Резонно. Но они будут орать и на тебя.

– Ровно одну минуту, пока мы обуваемся.

– Ооох. Представить страшно. Не надо мне сюжетов "Маленькой Веры". И так весело живу.

– Хорошо. Давай я тебя отвезу. И заберу как только скажешь. Гостиница в городе есть.

– Меня будут встречать на вокзале. Ехать до Каменска на машине, а там садиться в поезд, мне кажется глуповато.

– Ладно. Как считаешь нужным. В любом случае, вдруг что – звони.

Билет на вечер пятницы. Прощание на вокзале.

– Как приедешь, сразу набери.

– Напишу. Не смогу разговаривать без вопросов перед кем отчитываюсь.

– И не лазь по тамбурам с сигаретами со своими.

– Хорошо.

– И из поезда не выходи.

– Не буду.

– И с людьми там особо не знакомься.

– Не буду. Серёж, я полжизни в поездах. Всё будет хорошо.

– Юленька, обычно после того как ты говоришь, что всё будет хорошо – начинается пиздец. Я прямо уже подметил. – обнял меня Сергей.

– Страшнее моих родителей в ближайшие двое суток ничего не предвидится. Не переживай.

– Я люблю тебя, детка.

– А я тебя.

Январь 2000 года.

В моём втором классе родители где-то раздобыли песцовую шкуру и спросили у меня желаю ли я из неё шапку. Я закатила истерику по поводу невинно убиенного и отказалась.

А в пятом классе я, давно выросшая из коричневого пальто с вышитой на кармане ёлочкой, была облагодетельствована новой курткой – модным чудовищем вырвиглазового бирюзового цвета. Как обычно, с запасом на вырост. Отходила в ней зиму, а весной её постирали и весь синтепон благополучно упал вниз. То есть, снизу куртки было пышненько, а сверху кроме ткани не было более ничего. После каждой стирки синтепон сбивался в кучку и к моему девятому классу превратился в один-единственный ком в районе жопы. Только капюшон остался в первозданном виде и мама регулярно начёсывала искусственный мех, упрекая меня в неумении беречь вещи.

Так же, у меня были два свитера из которых я давно выросла и чтобы это было не так заметно, подтягивала рукава до длины три четверти и мамина институтская кофта. Ещё у меня были джинсы 32-го размера, до которого я, к счастью, не доросла до сих пор.

И с шестого класса, как только на меня надевали эту куртку в связи с похолоданием, я начинала болеть. Ангина сменялась ларингитом, он ларинготрахеитом, тот в свою очередь бронхитом на фоне бесконечных соплей. И так по апрель, когда, наконец-то, теплело.

– Что ты опять гундосая?! – спрашивала мама. – Мороженое съела на морозе? Овца. Сто раз тебе говорила! Не ешь мороженое! Тебе нельзя. У тебя горло слабое.

– Я не ела мороженое. Мне холодно. Мне постоянно холодно.

– Что тебе холодно? Носки надень!

– Ма, синтепон в куртке упал и мне дует в спину.

– Где он упал?! – щупала мама низ куртки. – Хорошая куртка! Не сочиняй! Думаешь, сейчас за новой тебе побежим? Обойдёшься.

– Что ты дома сидишь, как тычка? – спрашивал папа. – Все дети на горке. Я сейчас шёл, так чуть с ног санками не сбили. А ты сидишь не вылезаешь! Иди хоть погуляй.

– Там холодно.

– Не ребёнок, а какое-то говно декоративное! – возмущалась мама. – Никому не холодно, одной ей! Я себя в детстве помню, так на меня с утра шубу наденут, на улицу выставят и я до вечера могла гулять.

– Мам, у меня очень холодная куртка.

– Да ты посмотри на неё! – орала мать. – Она мне уже все мозги вынесла своей курткой! Да, она не очень модная. Но ведь "Вещь перестаёт быть модной ещё пока вы оплачиваете покупку." – цитировала кого-то из телевизора. – Носи и не выделывайся! Я тебе сказала

русским языком – новую покупать не будем! Ишь какая! Модница растёт! Об учёбе бы так думала, как о тряпках!

А к зиме девятого класса мне сшили шапку из несчастного песца. Огромную, круглую и с завязками под подбородком.

Утро началось.

– Надевай новую шапку!

– Я не буду её носить.

– Чё это ты не будешь?! Будешь, конечно!

Напялили на меня шапку. Посмешище. Практически голая спина, зато меховая шапка на голове.

– Ты менингита себе хочешь? И так болеешь постоянно! – подключился папа и в психах разорвал мой единственный головной убор – ангорковый берет.

Через сорок минут мама волокла меня зарёванную, с подбитым синеющим глазом, с разбитым носом и губами в школу, чтобы я по дороге не сняла шапку. Втащила в кабинет и поставила перед классным руководителем и 11-м классом, пришедшими на урок истории.

– Простите, Елена Анатольевна! Она сегодня опоздала! Никак с утра эта дочь английской королевы не могла подобрать гардероб для посещения школы!

– Ладно. – покивала учительница. – Юля, у вас сейчас биология. Иди.

Я оставила вещи в классной раздевалке, мама прошлась со мной с третьего этажа школы до первого, навтыкала мне под лестницей и проследила, чтобы я пошла учиться.

Шапку после школы я принесла в сумке. Мама обнаружила шерсть на застёжке и воспитание продолжилось.

Четыре дня меня таскали в школу в шапке, а обратно я приходила без неё. После выходных от меня все отстали и я ходила только в капюшоне. И, конечно, заболела.

Сидела дома, чем неимоверно раздражала маму и учила уроки. Выходила в школу на один-два дня и возвращалась или с гриппом, или с простудой.

– Я тут подумал. А поехали в Москву? – озарило папу к концу новогодних каникул, когда пьянствовать уже надоело. – Так, одним днём! Погуляем.

– А поехали! – согласилась мама.

– Можно я не поеду? – спросила я, представив целый день по улицам Златоглавой в своём полуголом виде.

– Вот же неблагодарная! – возмутились родители. – Её в Москву на каникулы везут, а она не хочет!

И утром следующего дня мы уже были в Москве.

Раннее утро, на улице минус 30 с копеечкой, мама в пальто по пятки, папа в дублёнке, оба в норковых шапках. И я. В свитере на голое тело и в бирюзовой тряпке. Мы приехали в Лужники покупать мне дублёнку. Такую, как мама видела у моих одноклассниц.

Папенька хлобыснул чекушечку в ближайшей пельменной и мы пошли.

С меня снимали то, что называли курткой перед каждой палаткой, в которой что-то приглянулось маме и надевали промёрзшие дублёнки.

– Надень! Стань ровно! Что ты сгорбилась? – лупила меня кулаком по спине. – Выпрямись! Я не могу понять как сидит! Ну, вот что на неё ни надень, а она как дура. Вроде, и неплохая, а на ней как на чучеле огородном! Не надо синюю дублёнку! Она на лицо отсвечивает и оно тоже получается синее!

– Женщина! – вступилась одна из продавщиц. – Что вы делаете?! У вас ребёнок замёрз до синего состояния, а не дублёнка отсвечивает!

– Какой она уже ребёнок?! Кобыла. Потерпит. – тычок в спину. – Иди уже давай. А ты как хотела дублёнку выбирать? Чтобы тебе домой кучей принесли, а ты мерила?! Потерпишь.

– Всё надо выстрадать. – поддакивал папа.

С 7 утра до 14 часов дня я пробыла на морозе, практически в одном свитере. Дублёнку, кстати, не купили. Я горбилась и мешала маме рассмотреть.

Уже в поезде папа влил в меня полбутылки светлого пива и наутро я вылезла в родном городе с лихорадкой. Весь день тряслась под одеялом. На следующий уже нужно идти в школу.

– Ты вставать собираешься, лентяйка? – спросила мама, заглянув утром в спальню.

Я молча встала и не выходя из комнаты упала в обморок.

Папа ушёл на работу, а мама вызвала «Скорую». До её приезда привела меня в чувства и учинила допрос.

– Ты, курва, беременная, да?

– Нет.

– А чё ты тогда упала?!

– Мне плохо.

– Я вот только, когда беременная была, один раз так падала… И ты беременная.

Меня забрали в больницу, первым делом к гинекологу и маму страшно волновал вопрос девственница ли я.

– Я не понимаю. – разводила руками терапевт. – Хрипы, бронхи, крепитация, ангина, плохой анализ мочи, воспалённые придатки… Я бы предположила сильное переохлаждение.

– Да ничего такого не было! Где ей переохладиться? – говорила мама. – Она дома сидит безвылазно! Просто такая невдалая. Чуть ветер дунет – сразу болеет. В кого она такая пошла?! Мы вот с её отцом не такие!

Две недели в больнице. Месяц дома. 1 марта я вернулась в школу. На следующий день снова температура, обморок, больница, мама, заламывающая руки: "Когда уже это закончится?» и грипп с осложнениями на сердце, почки и, конечно, лёгкие. Куда ж без них.

В школу я снова вернулась в конце апреля, чуть поучилась, посдавала выпускные экзамены девятого класса и получила дома пиздюлей за четвёрошный аттестат, потому что «тварь проболела, лишь бы в школу не ходить!».

Но в этот же год я получила отличный бонус от мамы:

– Значит, так. Больше я твоей учёбой не занимаюсь. Сама, что хочешь, то и делай. Закончишь школу на "тройки" – ПТУ. На "четвёрки" – техникум. "Четвёрок" больше, чем "пятёрок" – филиал Строительного в нашем городе. Большее количество "пятёрок" – будем думать о высшем образовании в областном городе. Поняла?

Я кивнула.

Декабрь 2003 г.

Ночь в поезде. Радостные от долгожданной встречи родители обнимали и целовали меня на перроне. Мимо проходящие умилялись. Дочь-студентка приехала к соскучившимся родителям. Милота.

Дома, после завтрака, началось.

– Что ты можешь сказать в своё оправдание?

– Я отработала всё, что прогуляла.

– Зачем прогуляла?

– Так получилось.

– Что у тебя получилось? Тварь ты безответственная! Тебя зачем послали? Учиться! А ты там чем занимаешься?!

Дальше уже можно молчать.

– Учиться тебя отправили! А ты по дискотекам шляешься со своей Иркой! – начала орать мама. – Говорила я тебе! Дружи с ровесниками! Какого чёрта?! Чему она тебя путнему научит?! Я в прошлый раз у вахтёрши, или у кого-то там, спрашивала про неё, что она из себя представляет, так мне ТАКОЕ рассказали! И я тебе сказала, чтоб ты с ней не общалась! Она

сейчас закончит и уйдёт, а тебя на хуй выгонят!!! Довела уже мать до матюков! Приедешь, сядешь дома как тычка и на будущий год в ПТУ пойдёшь! Будешь "Помоги Тупому Устроиться"! Пойдёшь по стройкам штукатурить!

– Тебя учиться послали!!! – орал папа. – В хороший ВУЗ! А ты! Кто тебе разрешал не ходить на занятия?! Обнаглела, тварь неблагодарная!!! Я её кормлю всю жизнь! Учиться послал! А она, свинья такая выросла!!! Кто ты без образования?! На трассу пойдёшь? Там много не надо ума. Ноги только раздвигай и деньги получай. Хорошие! Лёгкие! И ничего делать не надо! Скотина!!!

– А вот теперь про ноги раздвигать. Научилась уже, папа. – мама с ора резко перешла на елейный голосок. – Мужик у тебя появился… Да, доченька?

Я молчала.

– Что ты молчишь?! – снова заорала она, – Поэтому учиться стало некогда?! – и снова сбавила тон. – По нашей просьбе дядя приехал к тебе в общежитие. С проверкой. А ему вахтёрша говорит: "Давно её не видела." Он на факультет, а вот и ты, красавица, идёшь. На каблуках как проститутка вышагиваешь!!! Он и посигналил, и покричал, и руками помахал, и позвонил. Куда там! На телефон глянула, кинула в сумку и полезла в большую чёрную машину. С мужиком целоваться! Это к нему так бежала, что дядьку родного не заметила! Он-то номер записал. Проверит кто такой.

(Час от часу не легче. Дядя проверит.)

– Кто он такой? – вступился папа. – Тебя учиться послали или трахаться?! Вырастили шалаву!

– Кто он?! Что ты молчишь?! – замахнулась мама, но не ударила. – Что ты молчишь, курва?! Это как так надо трахаться, чтоб на учёбу времени не оставалось?! Учёба должна быть на первом месте! Или что… Или ты замуж собралась?!

– Кто её возьмёт, Валя?! Она же— чума!!! Глянь на неё!!!

– И я ж про это. Ты думаешь, что ты нужна кому-то что ли, кроме родителей? – притащила меня за руку к зеркалу, что делала всю мою сознательную жизнь. – Глянь! Глянь на себя!!! Посмотри!!! Ты ж уродина!!! Ещё и дура! Говорила я тебе – учи уроки, а ты ж всё равно дура! Тебе такой шанс выпал в жизни хотя бы образование получить, а ты, идиотка, не можешь готовое взять! Зато, молодец, трахаться научилась! Так на этом, дочечка, далеко не уедешь. Образование! Должно быть образование! Без образования тебя никто замуж не возьмёт!

– Её и с образованием не возьмут! – вопил папа. – Потаскают и бросят! И припрётся домой! Скажет: "Папа корми!". А мне оно надо?! Я эту уже восемнадцать лет кормлю! Не хватало ещё! Приедет беременная! Позорище! – схватил меня за капюшон халата. – Тебе, скотина, не стыдно?!

– Вон у Лидки Ирка тоже учиться уехала и припёрлась с пузом! А у Лидки давление! А ей думай и за Ирку, и за то, что она родит! И за пелёнки, и чем кормить! Мне такого не надо! Я своё отнянчилась!!!

Я молчала. Подлетел папа и врезал мне пощёчину.

– Говори кто он?!

– Да какое ваше дело? – вскочила и заорала я. – Отстаньте от меня! Уже нет сил вас слушать, как вы попрекаете меня всю жизнь тем, что кормили! Чё вы меня в роддоме не бросили, если не хотели! И ты! – развернулась я к матери. – Смотреть надо кому даёшь и от кого рожаешь! И нехуй тут гордиться, что тебя с залётом папочка замуж взял! А теперь таскается от тебя по всему городу за каждой юбкой, а ты бегаешь его бабам то морды бьёшь, то окна!!! Отвалите от меня ко всем чертям!!! Вы сами себе ладу дать не можете! Меня всё треплете и настраиваете друг против друга! И с учёбой я без ваших соплей разберусь! Просто отвалите!!! Занимайтесь, вон, друг другом! И сама уже могу решать с кем мне спать! И надумаю родить – вас спрашивать не буду! Кормильцы, блядь! Сама сидишь всю жизнь ждёшь то от мужа, то от отца! Ни

копейки не заработала! И я знаю, что дети – это ответственность! А вот вы не знаете! Только и можете, что самоутверждаться, доказывая мне, что вы сильнее! Нихуя!!! Это в пять лет вы могли меня головой об стену бить! И в двенадцать по морде хлестать, когда среди ночи не хочу дорогому папе за пивом идти! Всё! Всё!!! Не смейте меня трогать!!! Благополучная, блядь, семья!!! Отвалите! И ты! – ткнула я в мать пальцем. – Только попробуй при мне, говорить обо мне в третьем лице и оскорблениями!!! Родители! Охуеть теперь! Я от вас слово доброе по пальцам могу посчитать, когда слышала! Пинки, упрёки да подзатыльники с пощёчинами!

И ушла в свою комнату, шандарахнув дверью. Но помня, что она стеклянная.

Концерт по заявкам слушателей продолжился. В роли слушателя была я и через стенку и дверь был как раз тот самый уровень звука, когда не резало уши.

– Это твоя работа, Валя! Не зря ты дома пятнадцать лет просидела! Твоё воспитание!

– А где ж ты был, что я одна её воспитывала? Мать-одиночка при живом муже!

– Я на работу ходил! Вас же, тварей, кормить надо было!

Ну, и таким образом по самую ночь. Спать легли, как обычно. Никто ни с кем не разговаривал.

А глаз уже задёргался. Ещё завтра б пережить до вечера. Не буду Серёже звонить, чтоб ехал меня забирал.

Утром вторая серия воспитательного процесса невдалой дочери.

– Дочечка, я ж за тебя волнуюсь… Мы же с папой тебя любим. И добра желаем. Ну, какой тебе мужик? Ну, посмотри на себя. Не обижайся. Я же правду говорю. Поматросит и бросит. Мужик – это такое дело. Сегодня он есть, а завтра его нет. И всё. И будешь шляться по вокзалам, милостыню просить. Так его ж, того ребёнка, ещё и выносить надо. А у тебя бронхит.

– Ма. Давай хватит, а? Я ещё вчера охрипла. И слушать тебя не хочу.

– Ты, я смотрю, осмелела. Думаешь, мужик твой на помощь придёт? Дядя сказал, что машина хорошая. Богатый, да?

Я молчала.

– Молчииишь… Ну, молчи-молчи. До чего домолчишься. Посмотрим. Что с тобой бестолковой делать? Ума же своего не вставишь.

– Мама. Хватит.

– Не вставишь. – тяжкий вздох, – Принесёшь в подоле, мы тебя на порог не пустим. Пойдёшь за кочегаркой жить и с мусорки жрать. Узнаешь каково оно. Мужику своему ты сто лет не нужна. У тебя ж из достоинств, только то, что тебе восемнадцать лет! Аааа! – маму озарила догадка. – Знаю почему ты не говоришь кто он такой. Старый, наверное. Потянуло старого урода на молодую девку. И наплевать ему, что девка умом не вышла. Зато пизда молодая. Вон оно что. Да и откуда у молодого деньги на хорошую машину. Точно. Ну, так смотри. Молодых много ходит, а умных мало. Потрахает тебя и помоложе найдёт. Оно ж если мужик малолеток любит – он всегда ищет. Вот и приедешь со слезами, соплями и брюхом. Вот так оно и будет.

До самого поезда мусолила тему как ей теперь всё стало понятно и только папа явился домой, мигом поделилась своими догадками, только уже в виде состоявшегося факта.

Папа и рад был бы продолжить вчерашнее, но я уже собиралась на выход.

На вокзале традиционная процедура прощания со слезами, объятиями и поцелуями.

– Дочечка! Ты ж чаще приезжай! Мы с папой волнуемся! – голосила мама.

– И учись же хорошо! – вторил ей папа.

Я со злой и зарёванной мордой молчала.

– Ну, что ты такая у нас бука? – спрашивала мама, умильно улыбаясь и хватала меня за руки.

– Мы же тебя очень любим, наша зайка! – детским голосом громко говорил папа, обнимая меня и оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что зрители есть. – Наша зяка-зяка!

В поезде первым делом я закурила и позвонила Серёже.

– Все. Отмучалась. Еду.

– Что с голосом? Всё нормально?

– В рамках нашей семьи, да.

– Ты во сколько приедешь?

– В 7.15 прибываю. На первый. Могу на полчаса раньше вылезти на втором.

– Долго. Я тебя в Ростове встречу. Как раз по времени одновременно там будем.

Я вылезла из поезда и поехали домой.

– Серёж, я б сама доехала. Что ты срываешься среди ночи?

– Детка, я уже соскучился. Тем более, что волнуюсь за тебя.

Я в общих чертах рассказала о приятном времяпровождении с культурной программой в кругу семьи. Нормально добрались.

– Так, я поехал.

– Серёж. Людям нужно иногда спать. Тебе, например.

– Я в обед уже приеду и до ночи буду дома. Успею. Не переживай.

Помылся. Пока одевался, сжевал бутерброд и убежал.

А в 08.00 мне уже звонила мама.

– Ты куда уехала, лярва?! – орала мать. – Почему мы должны тебя с собаками искать, скотина такая?!

Оказывается, утром на вокзал для встречи меня был прислан дядя и не встретил. Допросил проводника, поднял на уши линейную милицию, выяснилось, что я вышла в Ростове-на-Дону и только после этого позвонили мне.

– Я тебя, суку, спрашиваю! Зачем ты вылезла в Ростове? Где ты есть?!

– Там, где должна. Отстань.

– Зачем ты вылезла в Ростове?!

– Я вылезла где надо. С дядей разминулись, а проводник перепутал. – стояла я на своём.

Большой плюс в телефонном разговоре заключался в том, что телефон можно было положить в сторонку и спокойно покурить.

Через полчаса мама выдохлась.

– Брешешь. Брешешь мне, курва. Я тебя выведу на чистую воду, блядина. Мало мы тебя били. Мало ты плакала. Уж доберусь до тебя. Кровавыми слезами, сука, умоешься. Свинья неблагодарная. Я тебе обещаю. И ёбаря твоего разорву за ноги. Как жабу.

И отключилась.

Это было, видимо, последней каплей.

Я распахнула окно.

Один шаг.

Один с подоконника.

И всё.

Сколько там лететь с десятого этажа весу пятьдесят килограмм?

Похуй.

Немного.

По- любому лучше, чем так жить.

Влезла.

Встала на колени на подоконнике.

И эта хуйня закончится.

Вперёд.

Сука трусливая.

Смелее, лярва!

В дверь вставился ключ.

Сергей.

Не хватало ещё у него на глазах в окна падать.

Овца. Другое место себе найди.

За что человеку такая подлянка? Только о себе и думаешь.

Закрыв окно я пошла к двери.

– Привет, моя хорошая.

Я молча уткнулась лицом в грудь.

– Что ты? Соскучилась? – погладил меня по голове. – Ты плачешь, что ли? Ну, детка. Всё хорошо. Я сейчас бумаги возьму и в обед уже вернусь. Хочешь куда-нибудь сходим?

Подождал пока я успокоюсь и уехал.

А к обеду я уже напилась.

Выжрала бутылку коньяка в одно рыло без закуски и Сергея, прохерачившего за одну только ночь пятьсот километров, ждал не отдых, а безобразнейший и отвратительнейший скандал в моём исполнении.

– Я сто лет тебе не нужна! – орала я в слезах и соплях мамины слова вместо "Привет". – Я никому не нужна! И ты! Завтра встретишь помоложе и покрасивее! И как подобрал меня, так и выкинешь обратно! Кому я нужна такая уродливая! Как бездомная шавка, которая привыкла, что её все пинают и теперь кусает все подряд руки! Найдёшь себе нормальную! И правильно сделаешь! Зачем я тебе? От меня же одни проблемы!

И много чего ещё. К счастью, я не всё помню.

Сергей молча смотрел представление сидя на диване и на каком-то этапе сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.